



Генри Райдер Хаггард
Копи царя Соломона. Приключения
Аллана Квотермейна. Бенита (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633995

Копи царя Соломона. Приключения Аллана Квотермейна. Бенита: Клуб Семейного Досуга;

Белгород; 2015

ISBN 978-966-14-8861-7

Аннотация

Таинственные сокровища царя Соломона... Говорят, эти алмазы прокляты и приносят только несчастье. Многие искали их, но никто не вернулся назад – как и брат сэра Генри, бесследно пропавший в неведомой стороне. На его поиски и в надежде разбогатеть трое отчаянных смельчаков отправляются в затерянную в самом сердце Африки Страну Кукуанов...

В издание также вошли романы «Бенита» и «Приключения Аллана Квотермейна».

Содержание

Африка никогда не даст тебе умереть...	5
Копи царя Соломона	6
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	41
Глава VII	48
Глава VIII	58
Глава IX	63
Глава X	71
Глава XI	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Генри Райдер Хаггард
Копи царя Соломона. Приключения
Аллана Квотермейна. Бенита (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

Африка никогда не даст тебе умереть...

Так часто бывает в жизни: вы долго колеблетесь и не знаете, как быть, а в конце концов решаете вопрос в один миг...

Генри Райдер Хаггард

Мы отправляемся в Африку. Но Африку не сегодняшнюю, а викторианскую. В те дни, которые были отлично знакомы девятнадцатилетнему Генри Райдеру Хаггарду, секретарю вице-губернатора провинции Наталь.

Перед нами огромный континент, контуры которого нанесены на карты, но просторы которого все еще остаются белым пятном. Путешественник рискует собой с первого мига. Что же говорить о тех, кто избрал Африку своим домом? Только одно: они настоящие смельчаки.

Таков Аллан Квотермейн, уже сорок лет без малого охотящийся на слонов, хотя обычно век таких охотников очень короток. Ведь не зря же туземцы называют Квотермейна Макумазан, что буквально означает «человек, который встает после полуночи» (то есть человек, который всегда начеку). Сорок лет этот седовласый мужчина живет в Африке, но по-прежнему не может сказать, что знает об этом удивительном крае достаточно, чтобы назвать его своим домом. И пусть Аллану известны многие легенды Черного континента, но он не только не торопится проверять их подлинность, но даже пытается отговорить тех, кто решается на столь безрассудные экспедиции, – капитана Гуда и сэра Генри Куртиса.

Капитаном Гудом движут цели приземленные: он хочет разбогатеть. И именно в самом богатом месте Африки, где-то в копиях царя Соломона, теряются следы брата сэра Генри.

Волею случая в руках Аллана оказывается карта, ведущая к загадочным копиям...

Конечно, здесь нет смысла пересказывать историю странствий этих троих. Куда интересней взглянуть на континент, лежащий перед ними.

Континент без дорог, еще ждущий цивилизацию.

Обжигающие пустыни и горы без перевалов, колодцы, в которых неведомые болезни поджидают доверчивых путников, сочная и яркая зелень кустов и деревьев, прячущих под своими кронами кровожадных животных и коварных змей.

Отчаянные и отважные местные жители, защищающие свои земли от любых чужаков, но в то же время верящие в неведомых богов.

Тайны, которыми наполнены песни и танцы, тайны, которые хранят колдуны и правители, тайны, о которых лишь иногда догадывается наивный европеец, ступивший на каменистые тропы Африканского континента. Буйство красок и запахов, буйство волшебства и опасностей...

Невероятный коктейль, который может вскружить даже самую холодную голову. Что уж говорить о тех, кто живет здесь годами, как Аллан Квотермейн или отчаянная Бенита, вернувшаяся из Англии на жаркие просторы Африки и любящая этот невероятный континент всей душой...

Как, книга уже закончилась?! Закончилась, а мы еще не узнали всего, что происходило с героями?

Должно быть, именно это сожаление было бы самой большой наградой автору, подарившему нам удивительные приключения и позволившему взглянуть на Африку, которая навсегда осталась в его душе и которая явила миру его героев, которые стали нашими друзьями.

Должно быть, бесценные копии царя Соломона все же существуют. И готовят нам куда более щедрые подарки, чем золото или драгоценные камни...

Копи царя Соломона

Теперь, когда напечатана и скоро разойдется по свету эта книга, мне очевидны ее недостатки как по стилю, так и по содержанию. Относительно последнего скажу, что она не задумывалась как исчерпывающий отчет обо всем, что мы видели и сделали. Мне очень хотелось бы подробнее остановиться на многом, связанном с нашим путешествием в Страну Кукуанов, о чем я лишь мельком упоминаю, например: о собранных легендах, о кольчугах, спасших нас от смерти в великой битве при Луу, а также о Молчаливых, или Колоссах, у входа в сталактитовую пещеру. Если бы я пошел на поводу у своих желаний, я бы рассказал подробнее о различиях между зулусским и кукуанским диалектами, над которыми можно долго размышлять, и посвятил бы несколько страниц флоре и фауне¹ этой удивительной страны. Еще одна интереснейшая тема, не описанная должным образом в книге, – блестящая организация войск, по моему мнению значительно превосходящая систему, установленную королем Чакой в Стране Зулусов. Она обеспечивает быструю мобилизацию и делает ненужной пагубную систему насильственного безбрачия. И наконец, я лишь вскользь упомянул о любопытнейших семейных обычаях кукуанов, а также об их искусстве выплавки металлов и сварки. Это искусство они довели до совершенства, прекрасным примером чего служат толлы – тяжелые металлические ножи с искусно приваренными лезвиями из великолепной стали.

Посоветовавшись с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом, я решил рассказать простым языком только о наших приключениях, а обо всем прочем поговорить как-нибудь в другой раз, если, конечно, возникнет желание. Я с превеликим удовольствием поделюсь собранными сведениями со всеми, кто этим заинтересуется.

Осталось лишь попросить читателя извинить меня за мой стиль. В свое оправдание могу лишь сказать, что я более ловок в обращении с оружием, чем с пером, и потому не могу претендовать на изящные литературные обороты и пышность стиля, встречающиеся в романах, которые я иногда почитываю.

Вероятно, эти обороты и пышность уместны, но, к сожалению, я совсем не умею ими пользоваться.

На мой взгляд, книги, написанные простым и доходчивым языком, производят самое сильное впечатление и их легче понять. Впрочем, мне не совсем удобно высказывать свое мнение по этому поводу. «Острое копье, – гласит кукуанская пословица, – не нужно точить». Поэтому я смею надеяться, что правдивый рассказ, каким бы необычайным он ни был, не следует приукрашивать высокопарными словами.

Аллан Квотермейн

¹ Я обнаружил восемь видов антилоп, которых мне никогда не приходилось встречать, и много видов растений, главным образом семейства луковичных. – А. К.

Глава I

Я встречаюсь с сэром Генри Куртисом

Допускаю, выглядит странно то, что, дожив до пятидесяти пяти лет, я впервые берусь за перо. Не знаю, что получится из моего рассказа и хватит ли терпения довести его до конца.

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, сколь много успел сделать и сколь много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что я оказался предоставлен самому себе слишком рано. В том возрасте, когда мальчики еще учатся в школе, я уже вынужден был работать, торгуя всякой мелочью в старой колонии². Чем только я не занимался с тех пор! Мне пришлось и торговать, и охотиться, и работать в копиях, и даже воевать. И только восемь месяцев назад я разбогател. Теперь я обладаю огромным состоянием – хотя еще сам не знаю, насколько оно велико, – но не думаю, что ради этого я согласился бы вновь пережить последние пятнадцать или шестнадцать месяцев, даже если бы заранее знал, что все кончится благополучно и я буду так богат. Я скромный человек, не люблю крови и насилия, и, откровенно говоря, мне изрядно надоели приключения. Не знаю, зачем я собираюсь писать эту книгу: это ведь совсем не по моей части. Да и образованным я себя не считаю, хоть и очень люблю читать Ветхий Завет и легенды Инголдзби³.

Все же попробую изложить причины, побудившие меня написать эту книгу. Во-первых, меня просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Гуд. Во-вторых, делать мне все равно нечего, я сейчас нахожусь у себя в Дурбане, так как боль в левой ноге снова приковала меня к постели. Я страдаю от этой боли с тех самых пор, как в меня вцепился этот проклятый лев; сейчас она усилилась, и я хромаю более обычного. Вероятно, в львиных зубах содержится яд, потому что зажившие раны снова открываются, причем – заметьте! – ежегодно и в то же самое время.

На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов и при этом жив и невредим, и не обидно ли, что какой-то шестьдесят шестой изжевал мою ногу, как кусок табака! Это нарушает естественный ход вещей, а я, помимо всех прочих соображений, люблю порядок, и мне это очень не нравится.

Кроме того, я хочу, чтобы мой сын Гарри, который сейчас работает в лондонской больнице, готовясь стать врачом, читая этот рассказ, отвлекся хотя бы ненадолго от своих сумасбродств.

Работа в больнице порой приедается – ведь можно пресытиться даже вскрытием трупов. Полагаю, рассказ мой Гарри развлечет и хоть на денек-другой внесет немного разнообразия в его жизнь, тем более что я собираюсь поведать самую удивительную историю, когда-либо случившуюся с человеком. Но в ней нет ни одной женщины, за исключением Фулаты. Впрочем, нет! Есть еще Гагула, хотя неизвестно, женщина она или дьявол. Однако ей не меньше ста лет, поэтому как женщина особого интереса она не представляла и в счет идти не может. С уверенностью могу сказать одно: во всей этой истории нет ни одной юбки.

Однако не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва здесь сложная, и я чувствую, что увяз по самую ось. Но волы справятся с этим без особого труда. Сильные животные всегда в конце концов вытянут, со слабыми же волами, конечно, ничего не поделаешь! Итак, я начинаю!

«Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, Наталь⁴, джентльмен, приношу присягу и заявляю...» – так начал я свои показания в суде по поводу печальной кончины Хивы и Вентфогеля, но, пожалуй, для книги это не совсем подходящее начало. И вообще, могу ли я назвать

² Имеется в виду Капская колония. – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

³ Сборник баллад, написанных английским писателем Баргэмом (1788–1845) под псевдонимом Томаса Инголдзби.

⁴ Наталь – провинция в Южно-Африканском Союзе.

себя джентльменом? Что такое джентльмен? Мне это не совсем ясно. В своей жизни я имел дело не с одним ниггером. Нет, я зачеркну это слово – оно мне не по душе! Я знал туземцев, которые были джентльменами, с чем ты согласишься, Гарри, мой мальчик, прежде, чем прочитаешь эту книгу до конца. Знавал я также очень скверных и подлых белых, которые, однако, джентльменами не являлись, несмотря на огромное количество денег. Во всяком случае, я родился джентльменом, хоть и был в течение всей жизни всего-навсего бедным странствующим торговцем и охотником.

Остался ли я джентльменом, не знаю, – судите об этом сами. Богу известно, что я старлся!

На своем веку мне пришлось убить много людей, однако невинной кровью я своих рук не запятнал и убивал, только защищаясь.

Господь даровал нам жизнь и, полагаю, хотел, чтобы мы ее защищали; по крайней мере, я всегда действовал на основании этого убеждения. И надеюсь, что, когда пробьет мой смертный час, это мне простится. Увы! В мире много жестокости и безнравственности, поэтому такому скромному человеку, как я, пришлось принимать участие во многих кровавых делах. Не знаю, правильно ли сужу об этом, но я никогда не воровал, хотя однажды выманил у кафра⁵ стадо скота. И несмотря на то что он тоже подложил мне свинью, до сих пор чувствую угрызения совести.

Итак, с тех пор как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Гуда, прошло примерно восемнадцать месяцев. Произошло это следующим образом. Во время охоты на слонов за Бамангвато⁶ мне с самого начала не повезло, и в довершение всего я подхватил сильную лихорадку. Немного окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость с фургоном и волами в придачу, рассчитался с охотниками и сел в почтовую карету, направляющуюся в Кап⁷. В Кейптауне я прожил неделю в гостинице, где, кстати сказать, меня изрядно обсчитали, и осмотрел все его достопримечательности. Видел я и ботанические сады, которые, по моему мнению, приносят стране огромную пользу, и здание парламента, который, полагаю, никакой пользы не приносит. В Наталь я решил вернуться на пароходе «Данкелд»: судно в это время стояло в доке в ожидании «Эдинбург Кастла», прибывающего из Англии. Я оплатил проезд, взошел на пароход, и в тот же день пассажиры, направляющиеся в Наталь, пересели с «Эдинбург Кастла» на «Данкелд». Мы снялись с якоря и вышли в море.

Среди новых пассажиров на борту нашего парохода мое внимание сразу же привлекли двое. Один из них – джентльмен лет тридцати. Я никогда не встречал человека такого богатырского сложения. У него были соломенного цвета волосы, густая борода, правильные черты лица и большие, глубоко посаженные серые глаза. В своей жизни я не видел более красивого человека, к тому же он чем-то напоминал мне древнего викинга. Это, конечно, не значит, что мне много известно о викингах; я был знаком только с одним датчанином, которому, кстати, проиграл десять фунтов. Однажды я видел картину, изображающую несколько таких господ, очень похожих на белых зулусов. У них в руках были кубки из рога, и длинные волосы ниспадали им на спину. Глядя на этого человека, стоявшего у трапа, я подумал, что если бы он немного отрастил себе волосы, надел стальную кольчугу на свою могучую грудь, взял боевой топор и кубок из рога, то вполне смог бы позировать для этой картины. И между прочим, странная вещь (как сказывается происхождение!): позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса – так звали высокого джентльмена – текла датская кровь. Он очень напоминал мне еще кого-то, но кого – я не мог вспомнить.

⁵ Кафры – устаревшее наименование юго-восточных африканских народов.

⁶ Бамангвато – поселок в Земле Бечуанов.

⁷ Кап – сокращенное название Кейптауна.

Другой человек, который разговаривал с сэром Генри, был совсем другого типа. Я тот час же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но морского офицера сразу видно. Мне приходилось с ними бывать на охоте, и должен признаться, что они всегда оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми, каких редко можно встретить. Одно в них плохо: уж очень они любят ругаться.

Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда встречаются исключения. Широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание Господа Бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми. Но вернемся к рассказу. Я опять оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером. Безупречно прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно и вопреки его желанию он был зачислен в резерв в чине капитана. Вот что ожидает людей, которые служат королеве. В полном расцвете сил и способностей, когда они приобретают большой опыт и знания, их выбрасывают в холодный, неприветливый мир без средств к существованию. Возможно, они и примиряются с этим; но я предпочитаю зарабатывать на хлеб охотой. Денег у тебя будет так же мало, но пинков ты получишь меньше! Его фамилия – я отыскал ее в списке пассажиров – была Гуд, капитан Джон Гуд. Это был коренастый человек лет тридцати, среднего роста, темноволосый, плотный, довольно интересного вида. Одет он был чрезвычайно опрятно, гладко выбрит и с неизменным моноклем в правом глазу. Казалось, что монокль врос ему в кожу, так как носил его капитан без шнура и вынимал, только чтобы протереть. По простоте душевной я думал, что он и спит с ним, но потом узнал, что ошибался. Когда он ложился спать, то клал монокль в карман брюк вместе со вставными зубами, которых у него было два прекрасных комплекта, что часто заставляло меня завидовать, нарушая десятую заповедь, так как своими я похвастаться не могу. Но я забегаю вперед.

Вскоре после того, как мы снялись с якоря, наступил вечер и погода неожиданно испортилась. Пронизывающий ветер подул с суши, спустился густой туман с изморосью, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, потому его сильно качало – иногда казалось, что мы вот-вот перевернемся.

Но к счастью, этого не случилось. Находиться на палубе было невозможно, и я стоял около машинного отделения, где было очень тепло, и развлекался тем, что смотрел на кренометр. Стрелка его медленно раскачивалась взад и вперед, отмечая угол наклона парохода при каждом крене.

– Ну и кренометр! Он же не выверен! – послышался рядом со мной чей-то раздраженный голос.

Оглянувшись, я увидел морского офицера, на которого уже раньше обратил внимание.

– Разве? Почему вы так думаете?

– Думаю? Тут и думать нечего! Как же, – продолжил он, когда наш пароход снова восстановил равновесие после очередного крена, – если бы судно действительно накренилось до градуса, показанного на этой штуке, – он кивнул на кренометр, – мы бы перевернулись. Но что еще можно ожидать от капитанов торгового флота! Они чертовски небрежны.

Как раз в этот момент прозвучал гонг, чему я очень обрадовался, потому что если офицер Британского флота начинает ругать капитанов торгового флота, то слушать его невыносимо. Хуже этого только одно: слушать, как капитан торгового флота выражает свое откровенное мнение об офицерах Британского флота.

Мы с капитаном Гудом спустились в кают-компанию и застали сэра Генри Куртиса уже за столом. Капитан Гуд сел с ним рядом, я же занял место напротив. Мы с капитаном разговорились об охоте. Он задавал мне много вопросов, и я старался давать исчерпывающие ответы. Вскоре разговор перешел на слонов.

– Ну, сэр, – сказал кто-то из сидевших недалеко от меня, – вам повезло: если кто-нибудь может толком рассказать вам о слонах, то это охотник Квотермейн.

Сэр Генри, не проронивший ни слова во время разговора, услышав последнюю фразу вздрогнул.

– Простите меня, сэр, – раздался его низкий бас, несомненно именно такой звук и должен исходить из столь могучей груди, – простите меня, сэр, вы не Аллан Квотермейн?

Я ответил утвердительно.

Сэр Генри больше ко мне не обращался, но я слышал, как он тихо пробормотал: «Какая удача!»

После ужина, когда мы покидали кают-компанию, сэр Генри предложил мне зайти к нему выкурить трубку. Я с благодарностью принял приглашение, и мы с капитаном Гудом отправились в его каюту, которая выходила на палубу. Это была прекрасная просторная каюта, ранее состоявшая из двух. Кто-то из наших важных франтов совершал однажды путешествие на «Данкелде» вдоль побережья, перегородку сняли, однако позднее не вернули на прежнее место. В каюте был диван и маленький стол перед ним. Сэр Генри послал стюарда за бутылкой виски, мы втроем сели и закурили трубки.

– Мистер Квотермейн, – обратился ко мне сэр Генри, когда стюард принес виски и зажег лампу, – в позапрошлом году, примерно в это время, вы, кажется, были в поселке Бамангвато, к северу от Трансвааля?

– Да, был, – ответил я, озадаченный тем, что незнакомый джентльмен столь подробно осведомлен о моих странствиях, которые, как я полагал, особого интереса не представляли.

– Вы там торговали? – оживился Гуд.

– Да, я привез фургон с товаром, остановился у поселка и пробыл там, пока все не распродал.

Сэр Генри сидел против меня в плетеном кресле, облокотившись на стол. Он смотрел мне прямо в лицо своими пронизательными серыми глазами, и казалось, что его взгляд выражает какое-то странное волнение.

– Вы случайно не встречали там человека по фамилии Невилль?

– О! Встречал, разумеется! Он остановился рядом с моим фургоном и прожил там две недели, чтобы дать возможность отдохнуть волам, перед путешествием вглубь страны. Несколько месяцев назад я получил письмо от какого-то стряпчего, который просил меня сообщить, не знаю ли я, что случилось с Невиллем. Я сразу же написал ему все, что мне известно.

– Да, – сказал сэр Генри, – тот стряпчий переслал мне ваше письмо. В нем вы сообщили, что джентльмен по фамилии Невилль покинул Бамангвато в начале мая в фургоне с погонщиком, проводником и охотником-кафром по имени Джим. Этот джентльмен сообщил, что намеревается по возможности добраться до Айнайты, своего конечного торгового пункта Земли Матабеле. В указанной точке он предполагал продать фургон и двигаться дальше пешком. Вы также писали, что он действительно продал свой фургон, потому что шесть месяцев спустя вы видели его у какого-то португальского торговца. Этот человек рассказал вам, что купил его в Айнайты у белого, имени которого он не помнит, и нужно полагать, что белый со слугой-туземцем отправился вглубь страны на охоту.

– Совершенно верно, – подтвердил я.

Наступило молчание.

– Мистер Квотермейн, – неожиданно произнес сэр Генри, – я думаю, что вы ничего не знаете и не догадываетесь о том, каковы были причины, заставившие моего... мистера Невилля предпринять путешествие на север?

– Кое-что я об этом слышал, – только и ответил я. Мне не хотелось говорить на эту тему.

Сэр Генри и капитан Гуд переглянулись, и последний многозначительно кивнул.

– Мистер Квотермейн, – обратился ко мне сэр Куртис, – я хочу рассказать вам одну историю и попросить вашего совета, а возможно, и помощи. Мой поверенный передал мне ваше письмо со словами, что я могу вполне на вас положиться: в Натале вас хорошо знают и вы пользуетесь всеобщим уважением. Кроме того, он подчеркнул, что вы из тех людей, кто умеет хранить тайны.

Я поклонился и отпил немного разбавленного виски, чтобы скрыть свое смущение, так как я скромный человек. Сэр Генри продолжил:

– Мистер Квотермейн, я должен сказать вам правду: мистер Невилль – мой брат.

– О! – промолвил я, вздрогнув.

Теперь стало ясно, кого напоминал мне сэр Генри Куртис, когда я его впервые увидел. Мистер Невилль был гораздо меньше ростом, с темной бородой, но глаза у него были такие же пронизательные и того же серого оттенка, что и у сэра Генри. В чертах лица также прослеживалось некоторое сходство.

– Мистер Невилль – мой младший и единственный брат, – объяснил сэр Генри, – и мы впервые расстались с ним пять лет назад. До этого времени я не помню, чтобы мы разлучались даже на месяц. Но около пяти лет назад нас постигло несчастье: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть (это иногда случается даже между очень близкими людьми), и я поступил с ним несправедливо.

Капитан Гуд, словно в подтверждение этих слов, энергично закивал. В это время наш пароход сильно накренился, и отражение отчаянно кивающего капитана Гуда появилось в зеркале над моей головой.

– Как вам, полагаю, известно, – продолжил сэр Генри, – если человек умирает, не оставив завещания, и не имеет иной собственности, кроме земельной, называемой в Англии недвижимым имуществом, все переходит к его старшему сыну. Случилось так, что как раз в то время, когда мы поссорились, умер наш отец, не оставив завещания. В результате брат остался без гроша, не имея при этом никакой профессии. Конечно, мой долг заключался в том, чтобы обеспечить его, но наши отношения настолько обострились, что, к моему стыду (тут он глубоко вздохнул), я ничего для него не сделал. Не то чтобы я хотел несправедливо поступить с ним, нет, – я ждал, чтобы он сделал первый шаг к примирению, но он на это не пошел. Простите, что утруждаю вас этими подробностями, но хочу все прояснить. Правда, Гуд?

– Само собой разумеется, – ответил капитан. – Я уверен, что мистер Квотермейн никого в это дело не посвятит.

– Конечно, – подтвердил я, – можете не сомневаться. – Надо заметить, что я очень горжусь тем, что умею хранить тайны.

– На текущем счету моего брата было несколько сот фунтов стерлингов, – вел дальше сэр Куртис. – Ничего мне не сказав, он взял эту ничтожную сумму и под вымышленным именем Невилля отправился в Южную Африку с безумной мечтой нажить себе состояние. Это стало известно уже позже. Прошло около трех лет, в течение которых я не имел никаких сведений о брате, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили, и я все более и более о нем беспокоился. Я понял, мистер Квотермейн, что такое родная кровь.

– Это верно, – промолвил я и подумал о своем Гарри.

– Я отдал бы половину своего состояния, чтобы только узнать, что мой брат Джордж жив и здоров и я его снова увижу!

– Но на это надежды мало, сэр Генри, – отрывисто произнес капитан Гуд, взглянув на него.

– Мистер Квотермейн, чем дальше, тем больше я тревожился, жив ли мой брат, и если он жив, то как вернуть его домой. Я принял все меры, чтобы его разыскать, в результате чего получил ваше письмо. Известия меня подбодрили, поскольку указывали, что до недавнего

времени Джордж был жив, но дальнейших сведений о нем до сих пор нет. И вот я решил приехать сюда и искать его сам, а капитан Гуд любезно согласился меня сопровождать.

– Видите ли, – вмешался капитан, – мне все равно делать нечего. Лорды Адмиралтейства вышвырнули меня из флота умирать с голоду на половинном окладе. А теперь, сэр, расскажите нам все, что знаете или слышали о мистере Невилле.

Глава II

Легенда о копиях царя Соломона

Я медлил с ответом, набивая табаком свою трубку.

– Так что же вы слышали о дальнейшем путешествии моего брата? – спросил в свою очередь сэра Генри.

– Вот что мне известно, – произнес я, – и до сегодняшнего дня ни одна живая душа от меня об этом не слышала. Я узнал тогда, что он отправляется в копи царя Соломона.

– Копи царя Соломона! – воскликнули вместе оба мои слушателя. – Где же они находятся?

– Не знаю, – сказал я. – Мне только приходилось слышать, что болтают об этом люди. Правда, я как-то видел вершины гор, по другую сторону которых находятся Соломоновы копи, но между мною и этими горами простиралось сто тридцать миль пустыни, и, насколько мне известно, никому из белых людей, за исключением одного, не удалось когда-либо пересечь эту пустыню. Но может быть, мне лучше рассказать вам легенду о копиях царя Соломона? А вы дадите мне слово ничего не разглашать без моего разрешения. Вы согласны? У меня есть серьезные основания просить вас об этом.

Сэр Генри утвердительно кивнул, а капитан Гуд заверил:

– Безусловно!

– Итак, – начал я, – вам, вероятно, известно, что охотники на слонов – грубые, неотесанные люди и их мало что интересует, кроме обычных житейских дел да кафрских обычаев. Правда, изредка среди них можно встретить человека, который увлекается собиранием преданий среди туземцев, пытаясь восстановить хоть малую часть истории этой таинственной страны. Как раз от такого человека я впервые услышал легенду о Соломоновых копиях. Было это почти тридцать лет назад, во время моей первой охоты на слонов в Земле Матабеле.

Звали этого человека Иванс. На следующий год бедняга погиб – его убил раненый буйвол – и был похоронен у водопадов Замбези. Однажды ночью, помню, я рассказывал Ивансу об удивительных приисках, увиденных мною на охоте на антилоп куду и канну в той местности, которая теперь называется Лиденбургским районом Трансвааля. Я слышал, что недавно золотопромышленники снова нашли эти разработки, но я-то знал о них много лет назад. Там в сплошной скале проложена широкая проезжая дорога, ведущая к входу в прииск. Внутри, в галерее, лежат груды золотоносного кварца, приготовленного для дробления. Это указывает на то, что рабочим, кем бы они ни были, пришлось поспешно покинуть свое занятие. На расстоянии шагов двадцати вглубь находится искусно облицованная камнем поперечная галерея.

«А я расскажу вам нечто еще более удивительное!» – пообещал Иванс и поведал о том, как далеко, во внутренних областях страны, случайно набрел на развалины города. По его мнению, это был Офир⁸, упоминаемый в Библии. И скажу вам, другие, более свежующие люди подтвердили мнение Иванса спустя много лет после того, как бедняга преставился. Помню, я слушал как зачарованный историю об этих чудесах. Я был молод, и рассказ о древней цивилизации и сокровищах, которые выгребали оттуда иудейские и финикийские авантюристы, когда страна вновь впала в состояние самого беспросветного варварства, действовал на мое воображение. Внезапно Иванс поинтересовался, слышал ли я когда-нибудь о Сулеймановых горах к северо-западу от земли Машукулумбве⁹. Я о таких не слышал.

⁸ Офир – упоминаемая в Библии страна, которая славилась золотом и другими диковинками.

⁹ Машукулумбве – область в Южной Африке.

«Именно там находились принадлежавшие царю Соломону копи... – сообщил он, – алмазные копи!» – «Откуда вам это известно?» – спросил я. «Откуда известно? Как же! Ведь же что такое “Сулейман”, если не исковерканное арабами слово “Соломон”? И кроме того, одна старая изанузи¹⁰ в Земле Маника мне много об этом рассказывала. Она говорила, что народ, живший за этими горами, представлял собою ветвь племени зулусов и говорил на зулусском наречии, но эти люди были красивее и выше ростом, чем зулусы. Среди них встречались великие маги, которые научились своему искусству у белых людей тогда, когда “весь мир был еще темен”, и владели тайной чудесных копей, где находили “сверкающие камни”».

Но в то время эта история показалась мне смешной, хоть и заинтересовала, поскольку алмазные россыпи тогда еще не были открыты. А бедный Иванс вскоре уехал и погиб, и на целых двадцать лет я совершенно позабыл его рассказ. Но как раз двадцать лет спустя – а это долгий срок, господа, потому что охота на слонов – опасное ремесло и редко кому удается прожить столько времени, – так вот, двадцать лет спустя я услышал нечто более определенное о горах Сулеймана и о стране, лежащей по ту сторону гор. Я находился в краале¹¹ Ситанди, за пределами Земли Маника. Скверное это место: есть нечего, а дичи почти нет. У меня был приступ лихорадки, и чувствовал я себя очень плохо. Однажды туда прибыл португалец в сопровождении слуги-метиса. Надо сказать, что я хорошо знаю португальцев из Делагоа¹² – нет на земле хуже дьяволов, жиреющих на крови и страданиях своих рабов.

Но этот человек являл собой полную противоположность тем, с кем я привык иметь дело. Он напоминал мне вежливых испанцев, о которых я читал в книгах. Это был высокий худощавый мужчина с темными глазами и вьющимися седыми усами. Мы побеседовали, так как он объяснялся на ломаном английском языке, а я немного понимал по-португальски. Он сказал мне, что его имя Хозе Сильвестр и у него есть участок земли у залива Делагоа. Когда на следующий день он отправился в путь со своим слугой-метисом, то попрощался со мной, сняв шляпу изысканным старомодным жестом.

«До свиданья, сеньор, – произнес он. – Если нам суждено встретиться вновь, я буду уже самым богатым человеком на свете и тогда вспомню о вас!»

Это меня позабавило, хотя я и был слишком слаб, чтобы смеяться. Я видел, как Хозе Сильвестр направился на запад, к великой пустыне, и подумал: «Не безумен ли он, да и что он рассчитывает там найти?»

Через неделю я выздоровел. Как-то вечером я сидел перед маленькой палаткой, которую возил с собой, и обгладывал последнюю ножку жалкой птицы, купленной у туземца за кусок ткани, стоивший двадцать таких птиц. Я смотрел на раскаленное красное солнце, погружающееся в бескрайнюю пустыню, как вдруг на склоне холма, находившегося напротив меня на расстоянии около трехсот ярдов, заметил какого-то человека. Судя по одежде, это был европеец. Сначала он полз на четвереньках, затем поднялся и, шатаясь, прошел несколько ярдов. Затем вновь упал и пополз дальше. Понимая, что с незнакомцем произошло что-то неладное, я отправил ему на помощь одного из моих охотников. Вскоре бедолагу привели, и оказалось, что это – как вы думаете, кто?

– Конечно, Хозе Сильвестр! – воскликнул капитан Гуд.

– Да, Хозе Сильвестр, вернее, его скелет, обтянутый кожей. Его лицо было ярко-желтого цвета от лихорадки, и большие темные глаза, казалось, торчали из черепа – так он оголодал. Его кости резко выступали под пергаментной кожей, волосы были полностью седые.

¹⁰ Изанузи – знахарка.

¹¹ Крааль – в Южной Африке название особого типа деревень: ульеобразных хижин, окруженных общей изгородью.

¹² Делагоа – порт и залив, находящийся на юго-восточном побережье Африки.

«Воды, ради бога, воды!» – простонал он; губы его растрескались, а язык распух и почернел.

Я поднес ему воды, добавив немного молока, и он выпил не менее двух кварт¹³ залпом, огромными глотками. Больше ему дать я побоялся. Затем у него начался приступ лихорадки, он упал и стал бредить о горах Сулеймана, об алмазах и пустыне. Я поместил его в свою палатку, старался облегчить его страдания, насколько это было в моих силах. Многого сделать я, конечно, не мог. Я понимал, что неизбежное без сомнения наступит. Около одиннадцати часов он немного успокоился. Я прилег отдохнуть и заснул. На рассвете я проснулся и в полумраке разглядел его странную худую фигуру. Он сидел и пристально смотрел в сторону пустыни. Вдруг первый солнечный луч осветил широкую равнину, расстилавшуюся перед нами, и скользнул по отдаленной вершине одной из самых высоких гор Сулеймана, которая находилась от нас на расстоянии более сотни миль.

«Вот она! – прошептал умирающий по-португальски, протянув по направлению к вершине свою длинную тощую руку. – Но мне уже никогда не дойти до нее, никогда! И никто никогда туда не доберется! – Вдруг он замолчал, что-то обдумывая. – Друг, – повернулся он ко мне, – вы здесь? У меня темнеет в глазах».

«Да, – ответил я, – я здесь. А теперь лягте и отдохните».

«Скоро я отдохну, – отозвался он. – У меня будет много времени для отдыха – целая вечность. Я умираю! Вы были добры ко мне, поэтому я отдам вам один документ. Быть может, вы доберетесь туда, если выдержите путешествие по пустыне, погубившее и меня, и моего бедного слугу».

Он пошарил за пазухой и выудил предмет, который я принял за бурский кисет для табака, сделанный из шкуры сабельной антилопы. Он был накрепко завязан кожаным ремешком-римпи. Умирающий попытался развязать его, но не смог и передал его мне. «Развяжите это», – шепнул он. Я повиновался и извлек клочок рваного пожелтевшего полотна [См. карту.], на котором что-то было написано ржавого цвета буквами. Внутри находилась бумага.

Он говорил очень тихо, потому что силы его таяли: «На бумаге написано то же, что и на обрывке материи. Я потратил многие годы, чтобы это разобрать. Слушайте! Мой предок, политический эмигрант из Лиссабона, был одним из первых португальцев, высадившихся на этих берегах. Он написал этот документ, умирая среди гор, на которые ни до этого, ни после не ступала нога белого человека. Его звали Хозе да Сильвестра, и жил он триста лет назад. Раб, ожидавший по эту сторону гор, отыскал его труп и принес записку домой, в Делагоа. С тех пор документ хранился в семье, однако никто не пытался ее прочесть, пока наконец не удалось мне. Это стоило мне жизни, но другому поможет достичь успеха и стать самым богатым человеком в мире – да, самым богатым в мире! Только не отдавайте эту бумагу никому, отправляйтесь туда сами!»

Бедняга снова начал бредить, и час спустя все было кончено.

Мир его праху! Он умер спокойно, и я похоронил его глубоко и положил валуны на могилу, поэтому не думаю, чтобы шакалы вырыли его труп. А потом я покинул те места.

– А что же случилось с документом? – спросил сэр Генри, слушавший меня с большим интересом.

– Да, да, что там было написано? – добавил капитан Гуд.

– Что ж, господа, если желаете, я поделюсь с вами и этим. Я еще никому не показывал документ, а пьяный португальский старик торговец, который перевел мне текст, забыл его содержание на следующее же утро.

¹³ Кварта – 1,14 литра.

Подлинный кусок материи хранится у меня дома, в Дурбане, вместе с переводом бедного дона Хозе, но у меня в записной книжке есть английский перевод и копия карты, если это вообще можно назвать картой. Вот она. А теперь слушайте: «Я, Хозе да Сильвестра, умирая от голода в маленькой пещере, где нет снега, на северном склоне вершины ближайшей к югу горы, одной из двух, которые я назвал Грудью Царицы Савской, пишу это собственной кровью в год 1590-й, обломком кости на клочке моей одежды. Если мой раб найдет эту записку, когда придет сюда, и принесет ее в Делагоа, пусть мой друг (имя неразборчиво) даст знать королю о том, что здесь написано, чтобы он мог послать сюда армию. Если она преодолеет пустыню и горы и сможет победить отважных кукуанов и их дьявольское колдовство, для чего следует взять с собой много священнослужителей, то он станет богатым королем со времен Соломона. Я видел собственными глазами несметное число алмазов в сокровищнице Соломона, за Белой Смертью, но из-за вероломства Гагулы, охотницы за колдунами, ничего не смог унести и едва спас свою жизнь. Пусть тот, кто пойдет туда, следует по пути, указанному на карте, и восходит по снегам, лежащим на левой Груди Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном, откуда три дня пути до королевских владений. Пусть он убьет Гагулу. Молитесь о моей душе. Прощайте. Хозе да Сильвестра».

Когда я окончил чтение документа и показал копию карты, начерченной слабеющей рукой португальца – его собственной кровью вместо чернил, – наступила глубокая тишина. Мои слушатели были поражены.

– Да, – выдавил наконец капитан Гуд, – я дважды объехал вокруг света и побывал во многих местах, но пусть меня повесят, если мне когда-либо приходилось слышать или читать подобную историю.

– Да, это странная история, мистер Квотермейн, – в свою очередь нарушил молчание сэр Куртис. – Надеюсь, вы не подшучиваете над нами? Я знаю, что это иногда считается позволительным по отношению к новичкам.

– Если вы подобного обо мне мнения, сэр Генри, тогда лучше покончим с этим, – бросил я раздраженно, спрятал бумагу в карман, поднимаясь, чтобы уйти. – Я не люблю, когда меня принимают за одного из этих болванов, которые считают остроумным врать и постоянно хвастают перед приезжими выдуманскими охотничьими приключениями.

Сэр Куртис примирительным жестом положил свою большую руку мне на плечо.

– Сядьте, мистер Квотермейн, – пробасил он, – и прошу меня извинить. Я прекрасно осознаю, что вы не стремитель нас обманывать, но согласитесь: ваш рассказ необычен и неудивительно, что я мог усомниться в его правдивости.

– Вы увидите подлинную карту и документ, когда мы приедем в Дурбан, – пообещал я, немного успокоившись. Действительно, когда я задумался над сказанным мной этим джентльменам, то понял, что сэр Генри совершенно прав. – Однако я еще ничего не сказал о вашем брате. Я знал его слугу Джима, который отправился в путешествие вместе с ним. Это был очень умный туземец, родом из Бечуаны, и прекрасный охотник. Я видел Джима в то утро, когда мистер Невилль готовился к отъезду. Он стоял у моего фургона и резал табак для трубки.

«Джим, куда вы отправляетесь? За слонами?» – спросил я. «Нет, баас¹⁴, – ответил он, – мы идем на поиски чего-то более ценного, чем слоновая кость». – «Что же это может быть? – поинтересовался я. – Золото?» – «Нет, баас, нечто более ценное, чем золото». – И он усмехнулся.

Я более не задавал вопросов, потому что не желал показаться любопытным и тем самым уронить свое достоинство. Однако его слова сильно меня заинтриговали.

¹⁴ Баас – господин.

Вдруг Джим перестал резать табак и позвал меня. Я сделал вид, что не слышу. «Баас», – повторил он. «Да, дружище, в чем дело?» – откликнулся я. «Баас, мы идем за алмазами».

«За алмазами? Послушай, в таком случае вы совсем не туда отправляетесь, – вам нужно ехать в сторону россыпей». Джим спросил, известно ли мне о Сулеймановых горах, где найдены алмазы. Я подтвердил, что слышал какую-то дурацкую болтовню об этом.

«Это не болтовня, баас, – возразил Джим. – Я когда-то знал женщину, которая пришла оттуда со своим ребенком и добралась до Наталя. Она сама рассказывала мне об этом. Теперь она уже умерла». – «Твой хозяин пойдет на корм хищным птицам, Джим, если не откажется от намерения добраться до страны Сулеймана. Да и ты тоже, если, конечно, они смогут чем-нибудь поживиться на твоём никчемном старом скелете», – пошутил я.

Он усмехнулся: «Может быть, баас. Но человек должен умереть. А мне хотелось бы попытать счастья в новом месте. К тому же здесь скоро перебьют всех слонов». – «Вот что, дружище! – сказал я. – Подожди, пока “бледнолицый старик”¹⁵ не схватит тебя за твою желтую плотку, тогда мы послушаем, какую ты запоешь песенку».

Полчаса спустя я увидел, что фургон Невилля двинулся в путь. Неожиданно Джим повернулся и подбежал ко мне. Он бормотал, что не хочет уезжать, не попрощавшись со мной, и они вряд ли вернутся обратно.

«Твой хозяин действительно собрался в Сулеймановы горы, Джим, или ты обманываешь?» – «Нет, – ответил Джим, – это правда. Он сказал, что ему необходимо во что бы то ни стало сколотить себе состояние. Так почему бы ему не попытаться разбогатеть на алмазах?»

Я передал слуге записку для его хозяина, взяв слово отдать ее только тогда, когда они достигнут Айнайты (это было на расстоянии около ста миль). Джим согласился. На клочке бумаги я написал: «Пусть тот, кто последует туда... восходит по снегам, лежащим на левой Груды Царицы Савской, пока не дойдет до самой ее вершины. На северном ее склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном».

«Джим, когда ты отдашь записку своему хозяину, скажи ему, что нужно точно придерживаться этого совета, – напутствовал я его. – Помни, что ты не должен сейчас вручать ему эту бумажку, потому что я не хочу, чтобы он вернулся и задавал мне вопросы, на которые у меня нет желания отвечать. А теперь иди, лентяй, – фургон уже почти скрылся из виду». Джим с запиской побежал догонять фургон. Вот и все, что мне известно о вашем брате, сэр Генри. Но я очень боюсь, что...

– Мистер Квотермейн, – прервал меня сэр Генри, – я отправляюсь на поиски моего брата. Я повторю его путь до Сулеймановых гор, а если потребуется, то и дальше. Я буду идти, пока не отыщу его или не узнаю, что он погиб. Вы со мной?

Кажется, я уже говорил, что я осторожный человек и к тому же тихий и скромный, поэтому меня ошеломило и испугало это предложение. Совершить подобное путешествие – значит обречь себя на верную смерть. Кроме того, я должен помогать сыну и не могу позволить себе так скоро умереть.

– Нет, благодарю вас, сэр Генри, я вынужден отказаться от вашего предложения. Я слишком стар для участия в сумасбродных мероприятиях подобного рода, которые несомненно окончатся для нас так же, как для моего незадачливого друга Сильвестра. У меня есть сын, нуждающийся в моей поддержке, и я не имею права рисковать своей жизнью.

Сэр Куртис и капитан Гуд выглядели очень разочарованными.

– Мистер Квотермейн, – обратился ко мне сэр Генри, – я состоятельный человек и от своего намерения не откажусь. За свои услуги вы можете потребовать любое вознаграждение. Оговоренная сумма будет вам уплачена до нашего отъезда. Одновременно с этим,

¹⁵ Имеется в виду смерть.

на случай нашей гибели, я приму меры, чтобы ваш сын был соответствующим образом обеспечен. Из сказанного мною ясно, насколько важным я считаю ваше участие. Если же нам посчастливится добраться до Сулеймановых копей и отыскать алмазы, вы поделите их поровну с Гудом. Мне они не нужны: добраться туда – дело почти безнадежное. В то же время я не сомневаюсь в том, что по дороге мы сможем добыть слоновую кость, и вы поступите с нею таким же образом. Вы можете поставить мне свои условия, мистер Квотермейн. Кроме того, я, конечно, оплачу все расходы.

– Сэр Генри, – сказал я, – я никогда не получал более щедрого предложения, и бедному охотнику и торговцу следует о нем поразмыслить. Но мне еще не приходилось иметь дело с таким крупным предприятием. Мне требуется время, чтобы все обдумать. Я смогу дать вам ответ до нашего прибытия в Дурбан.

– Прекрасно, – ответил сэр Генри.

Затем я пожелал им доброй ночи и ушел к себе.

В эту ночь мне снились бедный, давно умерший Сильвестр и алмазы.

Глава III

Амбопа поступает к нам в услужение

Чтобы добраться морем от Кейптауна до Дурбана, нужно затратить четыре-пять дней – это зависит от погоды и скорости судна. В Ист-Лондоне¹⁶ строительство порта еще не завершено, хотя на него истрачено много денег. Вместо того чтобы причаливать к пристани в прекрасно оборудованном порту, о котором давно прожужжали все уши, пароходы и сейчас бросают якорь вдали от берега. Если на море волнение, то порой приходится ждать сутками, пока наконец буксиры с шлюпками за пассажирами и грузом смогут отойти от берега. Но нам, к счастью, ждать не довелось.

Когда мы подошли к Ист-Лондону, море благоприятствовало, и буксиры, тянущие за собой вереницу безобразных плоскодонных шлюпок, не заставили себя ждать. С нашего парохода в страшном беспорядке вниз полети тюки с товаром. Матросы швыряли их, не заботясь, что внутри: шерсть, фарфор – все летело в одну кучу.

Я стоял на палубе и наблюдал, как вдребезги разбился ящик с четырьмя дюжинами бутылок шампанского и искристое вино брызнуло и запенилось по дну грязной грузовой шлюпки. Ужасно досадно было смотреть, как бессмысленно пропадает столько вина! Это быстро сообразили и находившиеся в лодке грузчики-кафры. Они нашли две случайно уцелевшие бутылки, отбили у них горлышки и выпили все до дна. Шампанское ударило им в голову, и они сразу же опьянели. Этого кафры никак не ожидали: в страшном испуге они начали кататься по дну лодки, крича, что добрый напиток «тагати», то есть заколдован. Я вступил с ними в разговор и подтвердил, что они выпили самую страшную отраву белого человека и должны умереть. В диком ужасе кафры налегли на весла, и лодка помчалась к берегу. Я уверен, что никогда в жизни они не дотронутся больше до шампанского.

Всю дорогу в Наталь я думал о предложении сэра Куртиса. Первые дня два мы не затрагивали этого вопроса, хотя и были все время вместе. Я рассказывал сэру Генри и капитану Гуду о своих охотничьих приключениях, причем ничего не выдумывал и не преувеличивал, как имеют обыкновение делать охотники. Считаю, что не имеет смысла нам, африканским охотникам, привирать и плести небылицы. У нас бывают такие необыкновенные приключения, что и без того есть чем поделиться. Впрочем, это к моему рассказу не относится.

Наконец в один прекрасный январский день – у нас ведь январь самый жаркий месяц – наш пароход приблизился к Наталю, и мы пошли вдоль его живописных берегов, рассчитывая к закату солнца обогнуть Дурбанский мыс. Их красные песчаные холмы и бесконечные просторы ярко-изумрудной зелени, где прячутся краали кафров, удивительно красивы. Набегающие волны, ударяясь о прибрежные скалы, поднимаются ввысь и, падая, образуют белоснежную полосу пены вдоль всего берега. Но особенно роскошна природа у самого Дурбана. В течение многих веков бурные потоки дождей промыли в холмах глубокие ущелья, по которым текут сверкающие на солнце реки; на фоне густых темно-зеленых зарослей кустарников, растущих так, как насадил их сам Господь, время от времени виднеются рощи хлебных деревьев и плантации сахарного тростника. Изредка среди этой пышной зелени вдруг выглядывает белый домик и словно улыбается безмятежно-спокойному морю, придавая особую законченность и домашний уют великолепной панораме.

Я думаю, как бы прекрасен ни был пейзаж, он непременно требует присутствия человека. Возможно, мне это кажется потому, что я слишком долго прожил в диких и безлюдных местах и знаю цену цивилизации, хотя она вытесняет и зверя, и птиц. Райский сад был,

¹⁶ Ист-Лондон – порт в Южной Африке, на берегу Индийского океана.

конечно, прекрасен и до появления человека, но убежден, что он стал еще прекраснее, когда в нем стала гулять Ева.

Но вернусь к рассказу. Мы немного ошиблись в расчете, и солнце давно уже село, когда мы бросили якорь неподалеку от Дурбанского мыса и услышали выстрел, извещающий добрых жителей Дурбана о прибытии почты из Англии. Ехать на берег было слишком поздно; мы посмотрели, как грузят в спасательную шлюпку почту, и пошли ужинать.

Когда мы снова вышли на палубу, луна уже взошла и ярко освещала море и берег. Быстро мелькающие огни маяка казались совсем бледными в ее ослепительном сиянии. С берега доносился пряный, сладкий аромат, который мне всегда напоминает церковные песнопения и миссионеров. Домики на Бережной набережной светились. С большого брига, стоявшего рядом с нами, доносились музыка и песни матросов, поднимающих якорь перед выходом в море. Стояла тихая, чудная ночь, одна из ночей, бывающих в Южной Африке. Как луна окутывала своим серебристым покровом всю природу, так и эта дивная ночь окутывала покровом мира все живущее на земле. Даже огромный бульдог, принадлежавший одному из наших пассажиров, под влиянием этой торжественной тишины и покоя забыл о своем желании вступить в бой с обезьяной, сидевшей в клетке на полубаке. Он лежал у входа в каюту и сладко храпел, – должно быть, ему снилось, что он прикончил обезьяну и поэтому был наверху блаженства.

Мы трое – то есть сэр Генри Куртис, капитан Гуд и я – пошли и сели у штурвала.

– Ну, мистер Квотермейн, – обратился ко мне сэр Генри после минутного молчания, – обдумали вы мое предложение?

– Да, да! – повторил за ним капитан Гуд. – Что же вы решили? Надеюсь, вы примете участие в нашей экспедиции? Мы были бы счастливы, если бы вы согласились сопровождать нас не только до копей царя Соломона, но и вообще всюду, где мог бы оказаться джентльмен, которого вы знали под фамилией Невилль.

Я молча встал, подошел к борту и стал вытряхивать трубку. Я не знал, что ответить, мне нужна была хотя бы еще минута, чтобы прийти к окончательному решению. И в то мгновение, когда горящий пепел блеснул в темноте, это решение было принято – я согласился. Так часто бывает в жизни: вы долго колеблетесь и не знаете, как быть, а в конце концов решаете вопрос в один миг.

– Хорошо, господа, – сказал я, садясь на свое место, – я согласен. С вашего разрешения, я расскажу вам, почему и на каких условиях я принимаю ваше предложение. Начну с условий.

Первое. Помимо того что вы оплачиваете все расходы, связанные с путешествием, вся слоновая кость и другие ценности, добытые нами в пути, должны быть поровну разделены между капитаном Гудом и мною.

Второе. Прежде чем мы тронемся в путь, вы уплачиваете мне за услуги пятьсот фунтов стерлингов. Я же обязуюсь честно служить вам до тех пор, пока вы сами не откажетесь от вашего предприятия или пока мы не достигнем нашей цели или не погибнем.

Третье. Перед походом в Сулеймановы горы вы должны оформить обязательство, по которому в случае моей гибели или тяжелого увечья обязуетесь выдавать моему сыну Гарри, изучающему медицину в Лондоне, ежегодно сумму в размере двухсот фунтов в течение пяти лет. К этому времени он уже станет на ноги и будет в состоянии зарабатывать на жизнь, если, конечно, вообще из него выйдет толк. Вот и все мои условия. Может быть, вы считаете, что я очень много прошу?

– Нет, нет! – с живостью возразил сэр Генри. – Я с удовольствием принимаю все ваши условия. Я решил во что бы то ни стало отправиться на поиски брата и от своего намерения не отступлюсь. Принимая во внимание ваш опыт и исключительную осведомленность в деле, которое меня интересует, я готов заплатить вам еще больше.

– Тогда жаль, что мне не пришло в голову попросить больше, – вздохнул я, – но своих слов я никогда не беру обратно. А теперь причины, почему я решил с вами идти в такую далекую и опасную дорогу... Но прежде хочу заметить: все эти дни я присматривался к вам, и не сочтите с моей стороны дерзостью, если скажу, что вы оба мне очень нравитесь. Уверен, мы великолепно пойдем в одной упряжке. А когда собираешься в такой длительный путь, это необычайно важно. Что касается самого путешествия – я имею в виду нашу попытку перейти Сулеймановы горы, – заявляю вам прямо: мы вряд ли вернемся живыми. Какова была судьба старого да Сильвестра триста лет назад? Какая судьба постигла его потомка двадцать лет назад? И какова судьба вашего брата? Господа, нас ждет та же участь.

Я остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели мои слова. Мне показалось, что капитан Гуд был немного встревожен; лицо сэра Генри даже не дрогнуло.

– Мы должны рискнуть, – сказал он своим обычным, спокойным тоном.

– Вам может показаться странным, – продолжил я, – что, предвидя такой конец нашего путешествия, я все же не отказываюсь идти с вами, тем более что человек я робкий. Но на это есть две причины. Во-первых, я фаталист и убежден, что мой смертный час предопределен независимо от моих поступков и желаний. И если мне суждено идти в Сулеймановы горы и там погибнуть, это значит, что так предназначено мне судьбой. Конечно, всемогущий Господь знает, что собирается со мной делать, поэтому мне самому не надо об этом беспокоиться. Во-вторых, я человек бедный. Несмотря на то что я занимаюсь охотой почти сорок лет, я ничего не скопил, так как моих заработков хватает только на жизнь. Вы, конечно, знаете, господа, что охота на слонов – дело опасное и люди, занимающиеся этим ремеслом, живут в среднем четыре-пять лет. Я же эти установленные сроки превысил почти в семь раз и потому думаю, что час моей смерти не так уж далек. Если я погибну на охоте, то после уплаты моих долгов мой сын Гарри, которому еще надо учиться, чтобы стать на ноги, останется без всяких средств к существованию. Если же я отправлюсь с вами, он будет обеспечен на пять лет. Вот вам вкратце мои соображения.

– Мистер Квотермейн, – произнес сэр Генри, слушавший меня с большим вниманием, – причины, заставляющие вас присоединиться к нашей экспедиции, которая, по вашему мнению, может закончиться столь печально, делают вам честь. Конечно, только время и события покажут, правы вы или нет. Но иду ли я на верную гибель или нет, я решил довести это дело до конца, каков бы он ни был. Если уж нам суждено погибнуть, я надеюсь, что перед смертью мы все же сможем немного поохотиться. Как вы думаете, капитан Гуд?

– Разумеется, – подтвердил его товарищ. – Мы все трое привыкли смотреть опасности в лицо и сумеем постоять за себя. Поэтому отступать не следует. А теперь я предлагаю спуститься в кают-компанию и выпить за счастливый исход нашего путешествия.

На следующий день мы съехали на берег, и я предложил сэру Генри и капитану Гуду поселиться в моем скромном домике на Бережной набережной. В нем только три комнаты и кухня; выстроен он из необожженного кирпича, а крыша покрыта оцинкованным железом. Зато сад у меня прекрасный. В нем растут самые лучшие сорта японской мушмулы¹⁷ и чудные манговые деревья, от которых я ожидаю великолепных плодов. Их подарил мне директор Ботанического сада. У меня есть садовник, один из моих бывших охотников, по имени Джек. Когда мы с ним охотились в Стране Сикукунис, буйволица так сильно искалечила ему бедро, что бедный Джек был вынужден навсегда забыть об охоте. Но он может кое-как ковылять и ухаживать за садом. Сам Джек – из миролюбивого племени гриква; зулуса вы никогда не заставите заниматься садоводством – мирные занятия ему не по душе.

В моем домишке было тесно, поэтому сэр Генри и капитан Гуд спали в палатке, которую я разбил в апельсиновой аллее в конце сада. Деревья стояли в цвету, и от них шел при-

¹⁷ Мушмула – дерево или кустарник семейства розовые.

ятный аромат, а на ветках выделялись зеленые и золотые плоды (надо сказать, что у нас в Дурбане на деревьях можно видеть и цветы, и плоды одновременно). Место у нас красивое, и спать на воздухе очень приятно, тем более что москитов почти нет, если же они иногда и появляются, то лишь после сильных дождей.

Однако надо продолжать рассказ, иначе он тебе, Гарри, надоест раньше, чем мы доберемся до Сулеймановых гор. Итак, решив отправиться с сэром Генри, я немедленно занялся необходимыми приготовлениями. Прежде всего, мой мальчик, я получил от сэра Генри документ, обеспечивающий твоё будущее. Здесь мы столкнулись с затруднениями: сэр Генри не был местным жителем, и деньги, которые тебе следовало бы получать в случае моей гибели, находились в Англии. Но в конце концов мы это дело уладили благодаря одному ловкому адвокату, содравшему с нас возмутительную цену – целых двадцать фунтов стерлингов.

Положив чек на пятьсот фунтов в карман и отдав таким образом дань предосторожности, я купил за счет сэра Генри фургон и упряжку превосходных волов. Фургон был длиной в двадцать два фута, на железных осях, очень прочный и легкий, правда не совсем новый. Один раз он уже побывал на Алмазных россыпях, но вернулся оттуда без повреждений. Это еще больше убедило меня в том, что повозка была сделана из сухого, хорошо выдержанного дерева. Если фургон плохо сложен или изготовлен из сырого материала, это обнаруживается при первой же поездке. Задняя часть нашей повозки на протяжении двенадцати футов была крыта брезентом в виде навеса, передняя же, предназначенная для багажа, открыта. Такие фургоны у нас называются полукрытыми. Задняя часть была приспособлена для жилья – в ней находилась постель из шкур, на которой могли спать два человека, полка для оружия и кое-какие необходимые вещи. Я дал за него сто двадцать пять фунтов и считаю, что это недорого.

Затем я купил великолепную упряжку из двадцати зулусских быков, которыми любовался уже около двух лет. Обычная упряжка состоит из шестнадцати голов, но на всякий случай я купил еще четыре. Зулусский скот низкорослый и легкий, почти наполовину меньше африкандерского, предназначенного для перевозки тяжелых грузов. Эти мелкие животные менее подвержены болезням ног, чем крупные, чрезвычайно неразборчивы в корме и приспособлены к самым тяжелым условиям. Они выживают там, где африкандерские мрут с голоду. Зулусские быки легче и быстроходнее; с легкой ношей они могут пройти пять миль в день. Кроме того, наши животные были хорошо «просолены», то есть закалены, так как исходили всю Южную Африку вдоль и поперек. Поэтому наша упряжка была застрахована от той страшной формы малярии, которая так часто губит целые стада, когда они попадают в непривычные им вельды¹⁸. Что касается ужасной легочной болезни, то есть чахотки, нередко уничтожающей скот, им была сделана прививка. Для этого на хвосте быка, примерно на один фут от основания, делается надрез и привязывается кусочек легкого, взятого у животного, погибшего от этой болезни. Через некоторое время бык заболевает легкой формой чахотки, хвост у него отмирает и отпадает на месте надреза, но зато сам он становится невосприимчив к чахотке. Жестоко, конечно, лишать животное хвоста, особенно в стране, где так много мух, но уж лучше пожертвовать хвостом, чем потерять и хвост, и быка. Хвост без быка ни на что не годен, разве только чтобы смахивать им пыль. Но все-таки довольно забавно идти за быками и видеть перед собой двадцать жалких огрызков вместо хвостов. Так и кажется, что природа напутала и вместо хвостов приставила быкам задние украшения целой своры премированных бульдогов.

После того как вопрос с животными был улажен, надо было подумать о провианте и лекарствах, что требовало самого тщательного обсуждения. Нельзя было перегружать фургон, и вместе с тем нужно было взять много вещей, необходимых для такого длительного

¹⁸ Вельды – южноафриканская степь.

путешествия. К счастью, оказалось, что капитан Гуд кое-что смыслит в медицине. Когда-то ему удалось прослушать курс хирургии, и время от времени он применял свои познания на практике. У капитана не было, конечно, звания доктора, но впоследствии мы убедились, что он понимает в этом деле больше, чем многие господа, получившие право писать после своей фамилии звание доктора медицины. У него была отличная походная аптечка и набор хирургических инструментов. Еще в Дурбане он отрезал у какого-то кафра большой палец ноги так ловко, что было просто приятно смотреть. Но капитан был совершенно ошеломлен, когда кафр, флегматично следивший за операцией, попросил приставить ему новый палец, говоря, что на худой конец подойдет и белый.

Благополучно уладив дела с провиантом и лекарствами, мы перешли к вопросу об оружии и найме прислуги. Что касается оружия, я лучше приведу список отобранного нами из того богатого запаса, который сэр Генри привез с собой из Англии, и того, что было у меня. Этот список сохранился в моей записной книжке, сейчас мне остается только его переписать:

«Три тяжелых дуствольных ружья, заряжающихся с казны, центрального боя, весом около пятнадцати фунтов¹⁹ каждое, с зарядом в одиннадцать драхм²⁰ черного пороха».

Эти ружья предназначались для охоты на слонов. Два из них – для сэра Генри и капитана Гуда – изготовили искуснейшие мастера одной из знаменитых лондонских фирм. Не знаю, какой фирмы было мое ружье: правда, не такое красивое, но зато неоднократно проверенное мною в охоте на слонов.

«Три дуствольных ружья системы “экспресс-500”, стреляющие разрывными пулями, рассчитанные на заряд в шесть драхм», – превосходное оружие, в особенности на среднего зверя (как, например, на круторогую, или сабельную, антилопу), и незаменимое для самозащиты от врагов на открытой местности.

«Одно дуствольное киперовское дробовое ружье двенадцатого калибра, центрального боя, с обоими стволами – чок»²¹. Впоследствии это ружье оказало нам огромную помощь в обеспечении повседневной пищей.

«Три магазинные винтовки системы винчестер (не карабины)». Они служили нашим запасным оружием.

«Три самовзводных револьвера “кольт” с патронами крупного калибра».

Таково было наше вооружение. Нужно отметить, что оружие каждого класса было одной системы и калибра, и поэтому мы могли обмениваться патронами, что было очень удобно. Я не прошу извинения у читателя за то, что, возможно, утомил его перечислением таких подробностей, потому что каждый опытный охотник знает, насколько важен выбор оружия для успеха экспедиции.

Теперь перехожу к прислуге, которая должна была нас сопровождать. После долгих обсуждений мы решили, что вполне достаточно взять с собой пять человек: проводника, кучера и трех слуг. И кучера, и проводника я нашел без особого труда. Это были два зулуса по имени Гоza и Том. Найти же слуг оказалось делом более сложным. Нам нужны были люди храбрые, надежные, на которых мы могли бы полностью положиться, так как от их поведения могла зависеть наша жизнь. Наконец мне удалось найти двух: готтентота²² по имени Вентфогель, что значит «птица ветров», и маленького зулуса Хиву, обладавшего тем неоспоримым достоинством, что отлично говорил по-английски. Вентфогеля я знал давно и редко встречал лучшего охотника-следопыта. Необычайно выносливый, он, казалось, состоял из одних мускулов и сухожилий. Но к сожалению, у него был один недостаток, присущий

¹⁹ Фунт – 453,6 грамма.

²⁰ Драхма – старинная мера аптекарского веса, равная 3,732 грамма.

²¹ Чок – сужение канала ствола в дульной части охотничьего ружья.

²² Готтентоты – одна из народностей Южной Африки.

его племени: он любил выпить. Поэтому полностью на него положиться было нельзя: стоило поставить перед ним бутылку грога – и он забывал все на свете. Но так как мы отправлялись в места, где не было ни трактиров, ни винных лавок, эта маленькая слабость не имела особого значения.

Третьего слугу я никак не мог найти, и мы решили отправиться только с двумя, надеясь, что в пути встретим подходящего человека. Но накануне нашего отъезда, вечером, когда мы ужинали, вошел Хива и доложил, что меня хочет видеть какой-то зулус. После того как мы встали из-за стола, я приказал Хиве его пригласить. В комнату вошел рослый красивый мужчина лет тридцати, с очень светлой для зулуса кожей. Вместо приветствия он поднял свою узловатую палку и молча уселся на корточках в углу комнаты. В течение некоторого времени я делал вид, что не замечаю его присутствия; с моей стороны было бы большой оплошностью поступить иначе: если вы сразу вступаете в разговор с туземцем, он может подумать, что вы человек ничтожный и лишены чувства собственного достоинства. Однако я успел заметить, что он был «кэшла», то есть «человек с обручем». В его волосы было вплетено широкое кольцо, сделанное из особого сорта каучука и для блеска натертое жиром. Такие обручи носят зулусы, достигшие известного возраста и имеющие высокое звание. Лицо его показалось мне знакомым.

– Ну, – сказал я наконец, – как тебя зовут?

– Амбопа, – ответил туземец приятным низким голосом.

– Я где-то тебя уже видел.

– Да, инкоози²³, отец мой, ты видел меня в местечке Литтл-Хэнд, в Изандхлуане²⁴, накануне битвы.

Тут я все вспомнил. Во время войны с зулусами я был одним из проводников лорда Челмсфорда²⁵. К счастью, мне удалось покинуть лагерь с порученными мне фургонами как раз накануне битвы. Пока запрягали волов, я разговорился с этим человеком. Он командовал отрядом туземцев, сражавшихся на нашей стороне. В разговоре он высказал свои сомнения относительно безопасности нашего лагеря. Тогда я ему предложил попридержаться язык, так как это было не его ума дело, но впоследствии не раз вспоминал его слова.

– Я помню, – произнес я. – Что тебе от меня нужно?

– Макумазан (так зовут меня кафры; в переводе это значит «человек, встающий после полуночи»; а по-нашему, это просто-напросто человек, который всегда находится на чеку), я слышал, ты собираешься в длинный путь далеко на север с белыми вождями, прибывшими из-за великой воды. Правда ли это?

– Да, правда.

– Я слышал, что вы пойдете до самой реки Луганги, которая находится на расстоянии одной луны пути от земли Маника. Это тоже правда, Макумазан?

– Зачем тебе нужно знать, куда мы идем? Какое тебе дело? – ответил я, глядя на него с недоверием, поскольку цель нашего путешествия мы решили хранить в глубокой тайне.

– О белые люди! – воскликнул туземец. – Если вы действительно отправляетесь так далеко, то я хочу идти вместе с вами!

Меня поразили тон и манера разговаривать этого человека. Он держался с необычайным достоинством, и в нем чувствовалось какое-то внутреннее благородство. Особенно удивили меня его слова: «О белые люди» вместо обычного обращения к белым: «О инкоози», то есть вожди.

²³ Инкоози – вождь.

²⁴ В Изандхлуане во время войны англичан с зулусами был уничтожен английский отряд в тысячу четыреста человек, с шестьюдесятью офицерами (22 января 1879 года).

²⁵ Лорд Челмсфорд – английский генерал, командовавший английскими военными силами в Южной Африке во время войны с зулусами (1879).

– Ты забываешься! – сказал я резко. – Думай, прежде чем обращаться с разговором к белым людям. Кто ты такой и где твой крааль? Ответь нам, чтобы мы знали, с кем имеем дело.

– Мое имя Амбопа. Я принадлежу к зулусскому племени, но на самом деле я не зулус. Жилища моего племени находятся далеко на севере. Мой народ остался там, когда другие зулусы спустились сюда. Это было тысячу лет назад, задолго до царя Чака, который правил Страной Зулусов. У меня нет крааля, я скитаюсь много лет. Я пришел в Страну Зулусов с севера, когда был ребенком. Затем служил королю Кетчвайо²⁶ в Нкомабакозийском полку. Из Страны Зулусов я бежал в Наталь, потому что хотел узнать, как живут белые люди. Потом я воевал против Кетчвайо. С тех пор я живу и работаю в Натале. Мне все надоело, и я хочу снова идти на север. Здесь мне не место. Денег от вас мне не надо. Я человек храбрый и буду вам полезен. Я отработаю пищу, которую съем, и заслужу место у костра, которое займу. Я сказал.

Я был озадачен просьбой этого человека. По его непосредственному поведению и разговору было видно, что в основном он говорит правду. Но этот туземец настолько отличался от обыкновенных зулусов и его предложение идти с нами без вознаграждения было настолько странно, что не могло не вызвать у меня подозрения. Не зная, что ему ответить, я перевел сэру Куртису и капитану Гуду наш разговор и спросил их совета. Вместо ответа сэр Генри попросил меня передать Амбопе, чтобы он встал.

Сбросив с себя длинный военный плащ, зулус выпрямился во весь свой исполинский рост и предстал перед нами совершенно обнаженным, если не считать мучи²⁷ и ожерелья из львиных когтей. Он был великолепен. Я никогда в жизни не видел такого красивого туземца. Роста он был шести футов и трех дюймов, широкоплечий и удивительно пропорционально сложенный. При вечернем освещении кожа его казалась чуть темнее обычной смуглой, только многочисленные следы от нанесенных ассегаями²⁸ ран выделялись на его теле темными пятнами. Сэр Генри подошел к нему и пристально посмотрел на его гордое, красивое лицо.

– Какая прекрасная пара! – воскликнул капитан Гуд, наклоняясь ко мне. – Посмотрите, они одинакового роста.

– Мне нравится ваша внешность, мистер Амбопа, – обратился по-английски к зулусу сэр Генри, – и я беру вас к себе в услужение. – Очевидно, Амбопа понял его, потому что ответил по-зулусски: «хорошо» – и, взглянув на могучую фигуру белого человека, добавил:

– Мы настоящие мужчины – ты и я.

²⁶ Кетчвайо – король зулусов, живший во второй половине XIX века.

²⁷ Муча – набедренная повязка.

²⁸ Ассегай – метательный дротик.

Глава IV

Охота на слонов

Я не собираюсь подробно рассказывать обо всех событиях, происшедших в течение нашего продолжительного путешествия до крааля Ситанди, который находится на расстоянии более тысячи миль от Дурбана, у слияния рек Луканга и Калюкве. Последние триста миль или около того нам пришлось пройти пешком, потому что появились ужасные мухи цеце, а их укус смертелен для всех животных, за исключением ослов.

Мы оставили Дурбан в конце января, и шла уже вторая неделя мая, когда мы расположились лагерем у крааля Ситанди. По пути нас ждало много разнообразных приключений, но поскольку подобные приключения случаются с каждым африканским охотником, то, чтобы не сделать мое повествование слишком скучным, я не буду их излагать здесь, кроме одного.

В Айнайти – конечном торговом пункте Земли Матабеле, которой правит король Лобензула (кстати сказать, ужасный негодяй), – нам пришлось с огромным сожалением распрощаться с нашим удобным фургоном. В великолепной упряжке из двадцати волов, приобретенных в Дурбане, осталось только двенадцать. Один погиб от укуса кобры, три пали от истощения и недостатка воды, один заблудился и пропал, а еще три подошли, наевшись ядовитых растений из семейства тюльпановых. От этого же заболели еще пять, но нам удалось их вылечить вливанием отвара тюльпановых листьев. Это очень сильное противоядие, если ввести его своевременно. Фургон и быков мы поручили непосредственным заботам Гозы и Тома, вполне надежных юношей, попросив почтенного шотландского миссионера, который жил в этих диких местах, присматривать за нашим имуществом. Затем в сопровождении Амбопы, Хивы, Вентфогеля и полудюжины носильщиков-кафров мы двинулись пешком осуществлять наш безумный замысел.

Я помню, что, начиная путь, мы все были несколько молчаливы. Вероятно, каждый из нас думал о том, придется ли ему вновь увидеть этот фургон. Что касается меня – я совершенно на это не рассчитывал. Какое-то время мы шли в молчании. Неожиданно Амбопа, шедший впереди, запел зулусскую песню о том, как несколько храбрецов, которым наскучило однообразие повседневной жизни и привычные вещи, отправились в бескрайнюю пустыню, чтобы найти там что-то новое или умереть. И вдруг – о чудо! – когда они зашли далеко вглубь пустыни, то увидели, что это совсем не пустыня, а красивая местность, где много юных жен и тучного скота, много дичи для охоты и много врагов, которых можно убивать.

Мы воспряли духом и сочли это добрым предзнаменованием. Амбопа был веселым малым. Правда, у него случались периоды мрачного настроения, но в остальное время ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причем он сам никогда не терял чувства собственного достоинства. Мы очень полюбили его.

Теперь я доставлю себе удовольствие рассказать об одном происшествии, потому что я страстно люблю охотничьи рассказы.

На расстоянии двух недель пути от Айнайти нам встретился удивительно красивый уголок. Почва здесь была влажная. В ущельях между высокими холмами рос густой кустарник айдоро (как называют его туземцы), а кое-где – колючий кустарник *wacht-eeen-beche* («подожди-ка немного»). Там также росло очень много прекрасных деревьев мачабель, отягченных освежающими желтыми плодами с огромными косточками. Плоды этого дерева представляют собой любимое лакомство слонов, о присутствии которых в этой местности свидетельствовали многочисленные следы, а также сломанные и даже вырванные с корнем деревья: когда слон ест, он все вокруг разрушает.

Однажды вечером, после длительного дневного перехода, мы вышли на место поразительной красоты. У подножия холма, поросшего кустарником, находилось высохшее русло реки, в котором, однако, встречались небольшие водоемы, наполненные прозрачной, как хрусталь, водой и окруженные следами копыт диких животных. Перед холмом расстилалась равнина, похожая на парк; на ней группами росли мимозы с плоскими вершинами, а среди них – деревья мачабель с блестящими листьями. Нас обступало огромное молчаливое море кустарника, не прорезанное ни одной тропой. Как только мы вышли на дорогу, образованную ложем реки, то спугнули стадо высоких жирафов, которые ускакали или, вернее, уплыли своей странной поступью, подняв торчком хвосты и отбивая копытами дробь подобно кастаньетам. Когда они были на расстоянии около трехсот ярдов от нас, то есть фактически на дистанции, недостижимой для огнестрельного оружия, капитан Гуд, шедший впереди, не смог противостоять искушению. Он поднял свое ружье, заряженное разрывной пулей крупного калибра, и выстрелил в молодую самку, бежавшую последней. По невероятной случайности пуля попала ей прямо в шею, повредив хребет, и жирафа полетела кувыркком, через голову, как кролик. Мне никогда не приходилось видеть более удивительного зрелища.

– Черт бы ее побрал! – выругался капитан. (К сожалению, когда он волновался, у него была привычка употреблять сильные выражения, приобретенные несомненно во время его морской карьеры.) – Черт бы ее побрал! Ведь я ее убил!

– *Ou, Bugwan!* (Да, Бугван!) – воскликнули наши носильщики-кафры. – *Ou, ou!* (Да, да!) – Они называли Гуда Бугван («стеклянный глаз») из-за его монокла.

– Да, Бугван! – отозвались, как эхо, мы с сэром Генри.

И с этого дня за капитаном закрепилась, по крайней мере среди кафров, репутация отличного стрелка. В действительности он был плохим стрелком, но всякий раз при его очередном промахе мы не придавали этому никакого значения, вспоминая его знаменитый выстрел.

Приказав нашим слугам вырезать лучшие куски мяса жирафы, мы принялись строить ограду, или шерму, на расстоянии около ста ярдов вправо от одного из водоемов. Делается это так. Срезают большое количество ветвей колючего кустарника и укладывают их в форме круглой изгороди. Пространство, находящееся внутри изгороди, выравнивают, в центре сооружают постель из сухой травы тамбуки, если она, конечно, имеется поблизости, и зажигают один или несколько костров.

К тому времени, как шерма была окончена, уже всходила луна, и наш ужин, состоявший из жирафьих бифштексов и жареных мозговых костей, был готов. С каким наслаждением мы угощались косточками, хоть их и трудно было расколоть!

Я не знаю лучшего лакомства, чем мозг жирафы, – конечно, кроме слоновьего сердца, которым мы полакомились на следующий день.

При свете полной луны мы сидели за своей скромной трапезой, по временам прерывая ее, чтобы вновь поблагодарить капитана Гуда за его замечательный выстрел. Затем мы закурили трубки и начали рассказывать разные истории. Вероятно, мы, сидя на корточках вокруг костра, представляли собой очень любопытное зрелище.

Особенно резко бросался в глаза контраст между мною и сэром Генри. Я худ, небольшого роста, кожа у меня темная, седые волосы торчат, как щетка, и вешу я всего сто тридцать два фунта, а сэр Генри высокого роста, широкоплечий, белокурый и весит около двухсот десяти. Но, принимая во внимание все обстоятельства, вероятно, удивительнее всех выглядел капитан Джон Гуд, отставной офицер Королевского флота. Он сидел на кожаном мешке, и казалось, будто только что вернулся после приятно проведенного дня на охоте в цивилизованной стране, – совершенно чистый, аккуратный и хорошо одетый. На нем был охотничий костюм из коричневого твида, шляпа такого же цвета и элегантные гетры. Вообще

говоря, мне никогда не приходилось видеть в дикой африканской пустыне такого великолепно выбритого, безукоризненно изящного и опрятного джентльмена. Его фальшивые зубы были в полном порядке, а в правом глазу, как обычно, красовался монокль. Он даже не забыл надеть воротничок из белой гуттаперчи, которых у него был изрядный запас.

– Видите ли, они весят так мало, – объяснил он мне простодушно, когда я выразил свое изумление по этому поводу. – А я люблю всегда выглядеть джентльменом.

Вот так мы и сидели, разговаривая при волшебном свете луны, наблюдая, как кафры на расстоянии нескольких ярдов посасывают свои трубки с мундштуком из рога южноафриканской антилопы, наполненные опьяняющей даккой. Наконец они один за другим заснули у костра, завернувшись в свои одеяла, кроме Амбопы, который сидел в стороне. (Я заметил, что он всегда мало общался с кафрами.) Он сидел, подперев голову руками, глубоко задумавшись.

Вдруг из чащи кустарника позади нас раздалось громкое рычание.

– Это лев, – сказал я.

Мы вскочили и прислушались.

Сейчас же с водоема, за сто ярдов от нас, донесся оглушительный рев слона.

– *Unkungunklovo Indlovu!* (Слон! Слон!) – зашептали кафры.

И несколько минут спустя мы увидели процессию огромных туманных фигур, медленно движущуюся по направлению к зарослям кустарника. Капитан Гуд вскочил, полный жажды убийства, по-видимому считая, что убить слона так же легко, как жирафу, с которой ему повезло, но я схватил его за руку и заставил сесть.

– Ни в коем случае, – настоял я, – пусть они пройдут.

– Оказывается, здесь настоящий рай для охотника! Я предложил бы здесь остановиться на денек-другой и поохотиться, – вдруг произнес сэр Генри.

Я был несколько удивлен этим, поскольку до сих пор сэр Куртис всегда выступал за то, чтобы двигаться вперед как можно скорее, в особенности когда мы удостоверились в Айнайти, что около двух лет назад англичанин по фамилии Невилль действительно продал там свой фургон и ушел вглубь страны. Полагаю, инстинкт охотника взял в этом случае верх.

Капитан Гуд с радостью ухватился за эту мысль, потому что мечтал поохотиться на слонов. О том же, правду говоря, мечтал и я, так как не мог примириться с мыслью, что мы дадим спокойно уйти целому стаду слонов и не воспользуемся таким удобным случаем, чтобы поохотиться.

– Ну что ж, друзья мои, – сказал я, – думаю, нам не мешало бы немного поразвлечься. А теперь ляжем спать, потому что нам надо встать до восхода солнца. Тогда, может быть, нам удастся захватить стадо на пастбище, перед тем как оно двинется дальше.

Все согласились с моим предложением, и мы начали готовиться ко сну. Капитан Гуд снял свою одежду, почистил ее, спрятал монокль и искусственные зубы в карман брюк и, аккуратно свернув свои вещи, положил там, где их не могла намочить утренняя роса, прикрыв углом своей простыни из прорезиненной материи. Мы с сэром Генри довольствовались более скромными приготовлениями и вскоре улеглись, укрывшись одеялами, и погрузились в глубокий сон без сновидений, который вознаграждает путешественника.

Во сне нам казалось, что мы идем, идем, идем... Но что это? Внезапно оттуда, где была вода, донесся шум отчаянной схватки, а в следующее мгновение послышался ужаснейший рев. Было совершенно ясно, что это лев. Мы все вскочили, смотря туда, откуда доносился шум, и увидели беспорядочную массу желто-черного цвета, которая металась в смертельной борьбе, приближаясь к нам. Мы схватили свои ружья и, на ходу надев вельдскуны²⁹, выбежали из ограды шермы. К этому времени дерущиеся животные упали и катались клубком

²⁹ Вельдскуны – башмаки из сыромятной кожи.

по траве. Когда мы до них добежали, драка уже прекратилась и они затихли. Вот что мы увидели: на траве лежал мертвый самец сабельной антилопы – самой красивой из африканских антилоп. Великолепный лев с черной гривой, пронзенный огромными изогнутыми рогами антилопы, был также мертв. Очевидно, произошло следующее. Антилопа пришла напиться к водоему, где залег в ожидании добычи лев, несомненно тот, чей рев мы слышали накануне. Когда антилопа пила, лев прыгнул на нее, но попал прямо на острые, изогнутые рога, пробившие его насквозь. Однажды в прошлом я уже видел подобную сцену. Лев, который никак не мог освободиться, рвал и кусал спину и шею антилопы, а та, доведенная до безумия страхом и болью, неслась вперед, пока не упала мертвой.

Закончив детальный осмотр животных, мы позвали наших слуг и носильщиков-кафров и общими усилиями перетащили туши к изгороди. Затем мы вошли в шерму, легли и более не просыпались до восхода солнца.

С первыми его лучами мы встали и начали готовиться к охоте. Мы взяли с собой три ружья крупного калибра, большое количество патронов и объемистые фляги, наполненные холодным слабым чаем, который я всегда считал лучшим напитком на охоте. Поспешно позавтракав, мы двинулись в путь – за нами следовали Амбопа, Хива и Вентфогель. Носильщиков-кафров мы оставили в лагере, приказав им снять шкуры со льва и сабельной антилопы и разрубить последнюю на куски.

Мы легко нашли широкую слоновью тропу. Осмотрев ее, Вентфогель сообщил, что она проложена двадцатью-тридцатью слонами, причем большая их часть – взрослые самцы.

В течение ночи стадо успело уйти на некоторое расстояние, и только часов в девять утра, когда жара становилась уже нестерпимой, мы увидели по сломанным деревьям, сорванным листьям и коре, а также по дымящемуся помету, что слоны безусловно пребывают поблизости.

Внезапно мы заметили стадо, насчитывающее, как и говорил Вентфогель, двадцать-тридцать слонов. Закончив свой завтрак, они стояли в ложине, хлопая огромными ушами. Это было великолепное зрелище.

Слоны находились примерно за двести ярдов от нас. Взяв пучок сухой травы, я подбросил ее в воздух, чтобы установить направление ветра, потому что знал, что если они нас почуют, то скроются из виду до того, как мы успеем выстрелить.

Удостоверившись, что ветер дует в нашем направлении, мы стали осторожно ползти вперед, и благодаря тому, что нас скрывала высокая трава, нам удалось приблизиться к огромным животным на расстояние примерно в сорок ярдов. Как раз перед нами, повернувшись боком, стояли три великолепных самца; у одного из них были огромные бивни. Я шепнул своим спутникам, что буду целиться в среднего; сэр Генри взял на мушку стоявшего слева, а капитан Гуд – самца с большими бивнями.

– Пора, – прошептал я.

Бум! Бум! Бум! – выстрелили три крупнокалиберные винтовки, и слон сэра Генри упал замертво. Пуля попала ему прямо в сердце. Мой слон упал на колени, и мне показалось, что он смертельно ранен, но через мгновение он встал на ноги и бросился бежать, чуть не задев при этом меня. Я мгновенно разрядил второй ствол прямо ему в ребра, и на этот раз он свалился всерьез. Быстро вложив два новых патрона, я подбежал к нему вплотную и третьим выстрелом, в мозг, прекратил страдания бедного животного. Затем я обернулся, чтобы посмотреть, как капитан Гуд справляется с большим самцом, который ревел от ярости и боли, когда я приканчивал своего. Добежав до капитана, я нашел его в состоянии величайшего волнения. Оказалось, что, раненный первым выстрелом, слон повернулся и устремился прямо на своего обидчика, причем Гуд едва успел увернуться. Затем слон бросился бежать, не разбирая дороги, напрямик к нашему лагерю. Стадо в панике понеслось в противоположном направлении.

Мы посоветовались, идти ли нам за раненым самцом или преследовать стадо, и наконец решили догонять стадо. Мы отправились, думая, что более никогда не увидим этих огромных бивней. С тех пор я часто думал, что так было бы лучше. Следовать за слонами было нетрудно, поскольку они оставляли за собой тропу примерно в ширину проезжей дороги, причем в своем паническом бегстве ломали густой кустарник, словно это была трава тамбуки. Однако приблизиться к слонам было не так просто, и мы тащились уже более двух часов под палящими лучами солнца, когда наконец увидели их. За исключением одного самца, все они стояли, сбившись в кучу, и по их беспокойным движениям и по тому, как они подымали хоботы, обнюхивая воздух, я понял, что они задумали недоброе. Одинокий самец, очевидно, стоял на страже ярдах в пятидесяти от стада и шестидесяти от нас. Думая, что, если мы попытаемся подойти поближе, он может нас заметить или почуять и что тогда стадо вновь обратится в бегство, мы все прицелились в этого самца и разом выстрелили по моей команде, поданной шепотом. Все три пули попали в цель, и он упал замертво. Стадо вновь бросилось бежать, но, к несчастью для него, на расстоянии около ста ярдов ему преградила дорогу нулла – высохшее русло с крутыми берегами. В него и попали с разбегу слоны, и когда мы достигли края впадины, то увидели, что они в диком смятении отчаянно пытаются выбраться на другой берег. Слоны оглашали воздух трубными звуками и, движимые эгоистическим инстинктом самосохранения, в панике отталкивали друг друга совсем так же, как в подобном случае действовало бы большинство человеческих существ.

Теперь нам представился удобный момент, и, поспешно зарядив ружья, мы выстрелили и убили пять бедных животных. Мы безусловно перебили бы все стадо, если бы слоны внезапно не прекратили попытки выбраться на берег и не пустились во всю прыть по нулле. Мы слишком устали, чтобы их преследовать, а возможно, нам уже немного надоело убивать, потому что восемь слонов и так неплохая добыча для одного дня.

Отдохнув немного и дав время нашим слугам вырезать сердца двух слонов, чтобы приготовить их на ужин, мы, довольные, направились к себе, решив послать на следующее утро носильщиков, чтобы они отпилили бивни убитых слонов.

Вскоре после того, как мы прошли то место, где капитан Гуд ранил самца-патриарха, мы наткнулись на стадо антилоп, но не стреляли, так как у нас и без того было много мяса. Они пробежали мимо нас и остановились позади небольшой группы кустов, на расстоянии около ста ярдов, и обернулись, чтобы на нас посмотреть. Гуду не терпелось разглядеть их поближе, поскольку он никогда не видел южноафриканскую антилопу. Он отдал свое ружье Амбопе и в сопровождении Хивы направился к кустарнику. Мы сели подождать его, не сожалея о том, что нашелся повод немного отдохнуть.

Солнце садилось в своем багряном великолепии, и мы с сэром Куртисом любовались красивой картиной, как вдруг услышали рев слона и увидели его огромный силуэт. Он несся в атаку с поднятым хоботом и хвостом, четко вырисовываясь на фоне красного солнечного диска. В следующее мгновение мы заметили, что капитан Гуд и Хива бегут что есть сил обратно к нам, а раненый слон (это был он) несется за ними. Миг мы не решались выстрелить, чтобы не попасть в капитана и слугу, хотя, правду говоря, от стрельбы с такой дистанции было бы мало толку.

А затем случилось нечто ужасное. Капитан Гуд пал жертвой своей страсти к европейской одежде. Если бы он, подобно нам, согласился расстаться со своими брюками и гетрами и охотился во фланелевой рубашке и вельдскунах, все обошлось бы. Но теперь брюки мешали ему в отчаянной гонке, и внезапно, когда он был ярдах в шестидесяти от нас, подошвы его европейских ботинок, отполированные бегом по траве, скользнули, и он упал прямо под ноги слону.

У нас вырвался вздох ужаса, потому что мы знали, что его гибель неизбежна, и бросились к нему.

Через три секунды все было кончено, но не так, как мы предполагали. Хива увидел, что его господин упал. Отважный юноша обернулся и бросил прямо в морду слону свой асsegай, который застрял у того в хоботе.

С воплем боли расвирепевший слон схватил бедного зулуса, швырнул его на землю и, наступив на тело Хивы своей огромной ногой, обвил хоботом верхнюю его половину и разорвал его надвое.

Обезумев от ужаса, мы бросились вперед, стреляя наугад без перерыва, и наконец слон упал на останки зулуса.

Капитан Гуд поднялся и, ломая руки, предался отчаянию над останками храбреца, пожертвовавшего своей жизнью, чтобы его спасти. Хотя я и много испытал в своей жизни, но тоже почувствовал комок, подступающий к горлу. Амбопа стоял, созерцая огромного мертвого слона и изуродованные останки бедного зулуса.

– Что же, – вдруг сказал он, – Хива умер, но умер как мужчина.

Глава V

Мы идем по пустыне

Мы убили девять слонов, и у нас ушло два дня на то, чтобы отпилить бивни, перетащить их к себе и тщательно зарыть в песок под громадным деревом, которое было видно с расстояния нескольких миль вокруг. Нам удалось добыть огромное количество превосходной слоновой кости – лучшей мне не приходилось видеть: каждый клык весил в среднем от сорока до пятидесяти фунтов. Бивни громадного слона, разорвавшего бедного Хиву, весили, по нашему примерному подсчету, сто семьдесят фунтов.

Самого же Хиву, вернее то, что осталось от него, мы закопали в норе муравьеда и, по зулусскому обычаю, положили в могилу его ассегай на случай, если ему пришлось бы защищаться по пути в лучший мир.

На третий день мы снова тронулись, надеясь, что если останемся живы, то на обратной дороге откопаем нашу добычу. После долгого и утомительного пути и целого ряда приключений, о которых у меня нет времени подробно рассказывать, мы достигли крааля Ситанди, расположенного у реки Луканги. Собственно говоря, только отсюда должно было по-настоящему начаться наше путешествие.

Я очень хорошо помню, как мы туда пришли. Направо был маленький туземный поселок, состоящий из нескольких жалких лачуг и каменных пристроек для скота. Чуть пониже, у самой реки, виднелись клочки обработанной земли, где туземцы выращивали свой скудный запас зерна. За ними шли необозримые, уходящие вдаль просторы вельдов – лугов с высокой густой волнуемой травой, в которой бродят стада мелких животных.

Крааль Ситанди находится на самой границе этой плодородной местности. Налево от него начинается огромная пустыня. Трудно сказать, чему приписать такое неожиданно резкое изменение характера почвы, но контраст был настолько разителен, что невольно бросался в глаза.

Мы разбили наш лагерь немного выше маленькой речки. На ее противоположном берегу был каменный откос, по которому двадцать лет назад бедный Сильвестр возвращался ползком после безумной попытки добраться до копей Соломона. Как раз за этим откосом начинается безводная пустыня, поросшая низкорослым колючим кустарником.

Наступал вечер, и огромный солнечный шар медленно опускался в пустыню, освещая ее необозримое пространство последними сверкающими разноцветными лучами.

Предоставив капитану Гуду заниматься устройством лагеря, я пригласил сэра Генри прогуляться, и мы отправились на вершину откоса и оттуда стали смотреть на пустыню. Воздух был чист и прозрачен, и далеко-далеко на горизонте я мог различить неясные голубоватые очертания снежных вершин гор Сулеймана.

– Взгляните, – промолвил я после недолгого молчания, – вот стены, окружающие копи царя Соломона. Одному лишь Богу известно, сможем ли мы когда-нибудь на них взобраться!

– Там должен быть мой брат. А если он там, я во что бы то ни стало доберусь до него, – сказал сэр Генри с присущей ему спокойной уверенностью.

– Ну что ж, будем надеяться, что это нам удастся! – вздохнул я и повернулся, чтобы идти в лагерь, когда неожиданно заметил, что мы не одни. Позади нас, устремив пристальный взгляд на далекие горы, стоял наш царственный зулус Амбопа. Видя, что я смотрю на него, он заговорил, обращаясь к сэру Генри, к которому, как я уже убедился, он успел сильно привязаться.

– Так это и есть та страна, куда ты хочешь идти, Инкубу? (Это слово означает «слон» – так прозвали туземцы сэра Генри.) – сказал Амбопа, протягивая свой широкий ассегай в сторону гор.

Я возмущенно спросил его, какое он имеет право так фамильярно разговаривать со своим господином. Пусть туземцы называют друг друга какими им вздумается прозвищами, но недопустимо и неприлично с их стороны называть в лицо белого человека своими нелепыми языческими именами. Зулус тихо засмеялся, и этот смех меня еще больше рассердил.

– Откуда ты знаешь, что я не ровня вождю, которому служу? Конечно, мой господин принадлежит к королевскому роду – это видно по его росту и осанке, но, может быть, я тоже из королевского рода, как знать? О Макумазан! Будь моими устами и передай слова мои Инкубу, моему господину и вождю, ибо я хочу говорить с ним, да и с тобой тоже.

Я рассердился на Амбопу, потому что не привык, чтобы туземцы так со мной разговаривали, но он внушал мне невольное и совершенно непонятное для меня уважение. Кроме того, мне было интересно знать, о чем он собирается с нами говорить. Я тотчас же перевел его слова сэру Куртису, прибавив, что, с моей точки зрения, он нахал и его наглость возмутительно.

– Да, Амбопа, – ответил сэр Генри, – я хочу попасть в эту страну.

– Пустыня широка, и в ней нет воды, а горы высоки и покрыты снегом. Ни один человек не может сказать, что находится за горами, за которыми прячется солнце. Как ты пойдешь туда, Инкубу, и зачем ты желаешь туда идти?

Я перевел и эти его слова.

– Скажите ему, – попросил сэр Генри, – что я иду туда, потому что думаю, что человек одной со мной крови уже давно туда ушел, и теперь я хочу его найти.

– Ты говоришь истину, Инкубу. По пути сюда я встретил одного готтентота, и он рассказал мне, что два года назад какой-то белый человек ушел в пустыню по направлению к тем горам. С ним был слуга-охотник. Они оттуда не возвратились.

– Откуда ты знаешь, что это был мой брат? – поинтересовался сэр Генри.

– Я этого не знаю. Но я спросил готтентота, каков этот человек с виду, и он ответил мне, что у него твои глаза и черная борода. Охотника, который был с ним, звали Джимом. Он был из племени бечуанов и носил на теле одежду.

– Нет никакого сомнения, что это ваш брат! – воскликнул я. – Я хорошо знал Джима!

Сэр Генри задумчиво кивнул.

– Я был в этом уверен, – промолвил он. – Джордж человек настойчивый, и если уж он вбил себе что-нибудь в голову, то от этого не отступится. Таким он был с детства. Если он решил перейти Сулеймановы горы, он их перешел; конечно, если с ним в пути не случилось несчастья. Поэтому мы должны его искать по ту сторону гор.

Амбопа немного понимал по-английски, но редко разговаривал на этом языке.

– Это далекий путь, Инкубу, – заметил он.

Я снова перевел его слова.

– Да, – согласился сэр Куртис, – путь далекий. Но на свете нет такого пути, что невозможно пройти, если для этого отдать все свои силы. Амбопа, если человека ведет любовь, то для него нет ничего непреодолимого. Нет для него таких гор, которых бы он не перешел, нет таких пустынь, которых бы он не пересек, кроме гор и пустынь, которых никому не дано знать при жизни. Ради этой любви он не считается ни с чем, даже с собственной жизнью, и готов пожертвовать ею, если на то будет воля Провидения.

Я перевел и эти слова.

– Великие слова ты произнес, отец мой! – молвил зулус (я всегда называл так Амбопу, хотя он не был зулусом). – Великие, возвышенные слова, достойные уст настоящего мужчины! Ты прав, отец мой Инкубу. Слушай! Что такое жизнь? Это легкое перышко, это семя травинки, которое ветер носит во все стороны. Иногда оно размножается и тут же умирает, иногда улетает в небеса. Но если семя здоровое, оно случайно может немного задержаться

на предначертанном ему пути. Хорошо, борясь с ветром, пройти такой путь. Человек смертен. В худшем случае он может умереть немного раньше. Я пройду с вами через пустыню и горы, если только не паду на пути, отец мой!

Он замолк, но тотчас же продолжил в страстном порыве красноречия, которое иногда овладевает зулусами и доказывает, что это племя не лишено поэтического дара и интеллекта, несмотря на склонность к постоянным и излишним повторениям.

— Что такое жизнь? — говорил он. — Скажите мне, о белые люди! Вы такие мудрые, вы, кому известны тайны мироздания, тайны звезд и всего того, что находится над ними и вокруг них! О белые люди, вы, кто в мгновение ока передаете слова свои издавека без голоса, откройте мне тайну нашей жизни: куда она уходит и откуда появляется?

Вы не можете мне ответить; вы сами этого не знаете. Слушайте же меня: я отвечу сам. Из мрака мы явились, и во мрак мы уйдем. Как птица, гонимая во мраке бурей, мы вылетаем из Ничего. На одно мгновение видны наши крылья при свете костра, и вот мы снова улетаем в Ничто. Жизнь — ничто, и жизнь — все. Это та рука, которая отстраняет Смерть. Это светлячок, который мерцает в ночной темноте и потухает к утру. Это белый пар дыхания волов в зимнюю пору, это едва заметная тень, которая стелется по траве и исчезает на закате солнца.

— Станный вы человек, Амбопа, — заметил сэр Генри, когда зулус умолк.

Амбопа засмеялся:

— Мне кажется, что мы очень похожи друг на друга, Инкубу. Может быть, и я ищу брата по ту сторону гор.

Я взглянул на него с подозрением.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я его. — Что ты знаешь об этих горах?

— Мало, очень мало. Говорят, что за ними находится прекрасная, таинственная страна, страна чудес и волшебства, страна храбрых воинов, высоких деревьев, бурных потоков, белоснежных вершин, страна великой белой дороги. Я слыхал о ней. Но стоит ли об этом говорить? Уже наступает вечер. Кому суждено, тот увидит ее.

Я снова посмотрел на него с недоверием. Этот человек определенно что-то знал.

— Не бойся меня, Макумазан, — сказал Амбопа в ответ на мой взгляд. — Я не рою яму, чтобы вы в нее упали. Я не замышляю ничего недоброго. Если нам когда-нибудь суждено перейти эти горы, которые находятся позади солнца, я скажу все, что знаю. Но Смерть бродит на их вершинах. Будьте мудрыми и вернитесь назад. Вернитесь, мои господа, и охотитесь на слонов. Я сказал.

И, не говоря больше ни слова, он поднял в знак прощального приветствия свое копье, повернулся и пошел к лагерю. Когда мы пришли туда, то увидели, что он чистит ружье, как самый рядовой кафр-слуга.

— Какой странный человек! — задумался сэр Куртис.

— Более чем, — подтвердил я. — Его поведение не внушает мне доверия. Он что-то знает, но говорить не хочет. Впрочем, не стоит с ним ссориться. Нас ожидает впереди много загадочного, и наш таинственный зулус для этого как раз подходит.

На следующий день мы начали готовиться в дорогу. Тащить через пустыню наши ружья и другое снаряжение было, конечно, невыносимо. Мы рассчитали носильщиков и договорились с одним жившим поблизости кафром, чтобы он позаботился о наших вещах, собираясь захватить их на обратном пути. У меня разрывалось сердце при мысли, что мы должны оставить наши чудные ружья у этого вора. От одного вида оружия у старого прохвоста разгорелись глаза, и он не мог оторвать от него своего жадного взгляда. Поэтому мне пришлось принять некоторые меры предосторожности.

Прежде всего я зарядил все ружья, взвел курки и заявил ему, что если он до них дотронется, то они тут же выстрелят. Кафр немедленно произвел эксперимент с моей двустволкой.

Раздался выстрел, и пуля пробила дыру в одном из его быков, которых в это время гнали в крааль, а сам он от отдачи ружья полетел вверх тормашками. С испугом старик вскочил на ноги и, очень расстроенный потерей быка, имел наглость потребовать с меня возмещения его стоимости. При этом он клялся, что ничто на свете не заставит его дотронуться до нашего оружия.

– Спрячь этих живых дьяволов в солому, – ворчал он, – иначе они всех нас убьют!

Зная, что старик очень суеверен, я пригрозил ему, что в случае пропажи хоть одной вещи я убью колдовством и его, и всех его родичей, а если мы погибнем в пути и он осмелится украсть наши ружья, то явлюсь к нему с того света и мой призрак будет преследовать его и днем, и ночью. Затем я сообщил негодяю, что заговорю весь его скот и он взбесится, что все молоко его коров скиснет, а самого его доведу до такого состояния, что ему не захочется жить. Кроме того, я пообещал выпустить на него из ружей сидящих там чертей, чтобы они должным образом поговорили с ним. Словом, дал ему достаточно ясно понять, какое его ждет наказание, если он не оправдает нашего доверия. После этого старый прохвост поклялся, что будет хранить наши вещи, как дух своего покойного отца.

Договорившись с кафром и освободившись таким образом от лишнего груза, мы отобрали снаряжение, необходимое для дальнейшего путешествия. Но как мы не старались взять как можно меньше вещей, все же на каждого приходилось около сорока фунтов. Вот что мы взяли:

Три винтовки системы «экспресс» и к ним двести патронов.

Две магазинные винтовки (для Амбопы и Вентфогеля) и к ним тоже двести патронов.

Три револьвера «кольт» и шестьдесят патронов.

Пять походных фляг, каждая емкостью в четыре пинты³⁰.

Пять одеял.

Двадцать пять фунтов билтонга – вяленого мяса.

Десять фунтов лучших бус для подарков.

Небольшую аптечку с самыми необходимыми лекарствами, в которую не забыли положить одну унцию хинина³¹ и пару маленьких хирургических инструментов.

Кроме этой поклажи, мы захватили кое-какую мелочь: компас, спички, карманный фильтр, табак, небольшую лопату, бутылку бренди и, наконец, ту одежду, что на нас. Для такого опасного и рискованного путешествия это было немного, но мы не решились взять больше, поскольку ноша в сорок фунтов была более чем достаточной. Идти по раскаленным пескам пустыни и тащить с собой большой груз – дело трудное; в таких случаях имеет значение каждая лишняя унция. Несмотря на все наши старания, мы никак не могли уменьшить поклажу, потому что взяли только то, без чего никак не могли обойтись.

С большим трудом я уговорил трех жалких кафров из поселка пройти с нами двадцать миль, что составляло первый этап нашего путешествия. Каждый из них должен был нести большую тыквенную бутылку, в которую вмещался галлон³² жидкости, за что я обещал им подарить по охотничьему ножу. Мы рассчитывали пополнить наш запас воды после первого ночного перехода, так как решено было тронуться в путь ночью, когда сравнительно прохладно. Кафрам я сказал, что мы отправляемся охотиться на страусов – они действительно в изобилии водились в пустыне. В ответ они что-то тараторили, пожимали плечами, уверяя, что мы сошли с ума и неминуемо умрем от жажды, что, между прочим, было действительно весьма вероятно. Но поскольку кафры страстно желали получить ножи, о кото-

³⁰ Пинта – 0,56 литра.

³¹ Хинин – вещество из коры хинного дерева, обладающее жаропонижающим и обезболивающим свойствами. Длительное время использовался как основное средство лечения малярии.

³² Галлон – 4,54 литра.

рых они не смели и мечтать, – в этих диких краях ножи были большой редкостью, – они все же в конце концов согласились идти с нами первые двадцать миль, по-видимому решив, что если мы все перемрем от жажды, то это, в сущности, не их дело.

Весь следующий день мы только и делали, что спали и отдыхали. На закате солнца, плотно поужинав свежей говядиной, мы напились чаю, причем капитан Гуд с большой грустью заметил, что неизвестно, когда нам придется его пить в следующий раз. Затем, закончив последние приготовления к походу, мы снова легли и начали ждать восхода луны. Наконец, около девяти часов вечера, она появилась во всем своем великолепии. Свет ее хлынул на дикие просторы и озарил серебряным сияньем убегающую вдаль пустыню, такую же торжественную и безмолвную, как усыпанный звездами небесный свод над нами. Мы встали, но не двигались с места, словно сомневались, и медлили трогаться в путь: думаю, человеку свойственно колебаться на пороге в невозвратное. Мы – трое белых – отошли в сторону. В нескольких шагах впереди нас стоял Амбопа с ружьем за плечами и ассегам в руке; он вглядывался вдаль, в пустыню. Вентфогель и нанятые нами кафры с бутылками в руках собрались вместе и стояли несколько позади нас.

– Господа! – сказал после небольшого молчания сэр Генри своим звучным, низким голосом. – Мы отправляемся в необыкновенное путешествие, которое вряд ли когда-либо приходилось предпринимать человеку. Едва ли оно окончится благополучно. Нас трое. И я убежден, что во всех предстоящих испытаниях, что бы с нами ни случилось, мы будем стоять друг за друга до последнего вздоха. А теперь, прежде чем тронуться в путь, вознесем краткую молитву Всемогущему, который управляет судьбами человека и с сотворения мира предопределяет его пути. Положимся же на волю Бога, и да будет Ему угодно направить наши стопы по верному пути!

Он снял шляпу и, закрыв лицо руками, минуты две молился. Мы с Гудом последовали его примеру.

Я, как и большинство охотников, не умею горячо молиться. Что касается сэра Куртиса, то полагаю, что в глубине души он очень религиозный человек, хотя мне и не приходилось более слышать от него подобных речей, за исключением еще одного раза. Капитан Гуд тоже весьма набожен, хотя и любит чертыхаться. Помимо еще одного случая, не припомню, чтобы он так искренно молился. После молитвы у меня стало легче на душе. Наше будущее было совершенно неизвестно, но все неведомое и страшное всегда приближает человека к его Творцу.

– Ну, а теперь в дорогу! – воскликнул сэр Генри.

И мы тронулись в путь.

В сущности, идти нужно было почти наугад. Ведь, кроме отдаленных гор и карты Хозе да Сильвестра, начертанной триста лет назад на клочке материи полусумасшедшим умирающим стариком, нам нечем было руководствоваться. На этот обрывок холста было очень трудно положиться, тем не менее на него возлагались все наши надежды на успех. Меня беспокоило, удастся ли нам найти тот маленький водоем с «плохой водой», который, судя по карте старого португальца, находился посреди пустыни, то есть в шестидесяти милях от крааля Ситанди и на таком же расстоянии от гор Царицы Савской. В случае неудачи мы неминуемо должны были погибнуть мучительной смертью. У нас не было почти никаких шансов найти этот водоем в огромном море песка и зарослях кустарника. Если даже предположить, что да Сильвестра правильно указал его местонахождение, разве не мог он за эти три века высохнуть под палящим солнцем пустыни? Разве не могли затоптать его дикие звери? И наконец, не занесло ли его песками?

Молча, как тени, мы продвигались в ночном мраке, увязая в глубоком песке. Идти быстро было невозможно, так как мы беспрестанно натыкались на колючие кусты. Песок забирался в наши вельдскуны и охотничьи ботинки Гуда, так что время от времени мы

были вынуждены останавливаться и вытряхивать обувь. Ночная прохлада смягчала и приятно освежала тяжелый, удушливый воздух пустыни, и мы, несмотря на частые остановки и трудности перехода, значительно продвинулись вперед. Кругом царило гнетущее безмолвие. Желая нас подбодрить, Гуд начал насвистывать песенку «Девушка, которую я оставил дома», но веселый мотив звучал мрачно и зловеще в бескрайних просторах, и он замолк.

Вскоре с нами произошло забавное происшествие. Сначала оно нас сильно напугало, но затем очень рассмешило. Капитан Гуд шел впереди, держа в руках компас, с которым он, как моряк, умел прекрасно обращаться, мы же брели друг за другом позади него. Вдруг он громко вскрикнул и исчез. В тот же момент вокруг нас раздались какие-то дикие звуки: фыркание, храпение, стоны и тяжелый топот поспешно убегающих ног. Несмотря на почти полный мрак, мы, хоть и с трудом, могли различить неясные очертания каких-то странных существ, которые стремительно неслись вперед, поднимая вихри песка.

Туземцы побросали свою поклажу, намереваясь удрасть, но, вспомнив, что бежать некуда, бросились ничком на землю и начали вопить, что это дьявол. Мы с сэром Генри стояли ошеломленные, но были еще больше поражены, когда внезапно увидели Гуда, несущегося во весь опор по направлению к горам. Нам показалось, что капитан мчится верхом на лошади, издавая при этом дикие вопли. Вдруг, взмахнув руками, он со всего размаха тяжело грохнулся на землю.

Тогда я понял, что случилось: в темноте мы наткнулись на стадо спящих квагг³³, и капитан Гуд упал на спину одного из животных, которое в испуге сразу же вскочило и ускало вместе с седоком. Крикнув своим спутникам, чтобы они не беспокоились, я бросился к Гуду и, к моей величайшей радости, нашел его сидящим на песке. Я вздохнул с облегчением, увидев, что он нисколько не пострадал от падения. Конечно, капитан был сильно напуган и его основательно потряхнуло, хотя это никак не отразилось ни на нем, ни на его монокле, как обычно, красовавшемся в его глазу.

После этого забавного инцидента мы продолжали путь без всяких неприятных происшествий. Около часу ночи сделав привал, выпив немного воды (пить вволю мы не могли, так как помнили, насколько драгоценна для нас влага) и отдохнув с полчаса, мы двинулись дальше.

Мы шли, шли и шли, пока наконец восток не зардел румянцем, как вспыхнувшее от смущения лицо девушки. Показались нежные лучи желтовато-розового цвета; они быстро разгорались и вдруг превратились в огненно-золотые полосы, по которым в пустыню скользнул рассвет. Звезды становились все бледнее и наконец совсем исчезли. Золотая луна потускнела, и горные цепи обозначились на поблекшем ее лице, как тени на лице умирающего. Лучи света, похожие на копья, сверкнули где-то очень далеко и озарили бескрайнюю пустыню, пронизывая и зажигая покров тумана, окутывающий ее, пока она вся не затрепетала золотым блеском. Наступил день.

Мы решили не останавливаться, хотя нам и очень хотелось отдохнуть, так как знали, что, когда солнце поднимется выше, наступит такая жара, что вряд ли можно будет продолжать путь. Наконец примерно через час мы издали заметили несколько скал, возвышавшихся на ровной местности. Едва волоча ноги от усталости, мы поплелись к ним и с радостью увидели, что одна из них сильно выдается вперед, образуя навес, который мог служить хорошим убежищем от зноя. Земля под ним была покрыта мелким песком. Мы с наслаждением там укрылись, выпили немного воды, съели по кусочку билтонга и тотчас же заснули мертвым сном.

Когда мы проснулись, было уже три часа. Носильщики-кафры уже ждали нашего пробуждения, собираясь в обратный путь. Они были по горло сыты пустыней, и никакие ножи

³³ Квагга – дикая африканская лошадь.

на свете не заставили бы их идти дальше. Мы с наслаждением выпили всю оставшуюся в флягах воду и, вновь наполнив их драгоценной влагой из тыквенных бутылей, принесенных туземцами, отпустили их домой.

В половине пятого мы двинулись дальше. В пустыне царила мертвая тишина. На всем видимом пространстве этой бесконечной песчаной равнины, кроме нескольких страусов, не было видно ни одного живого существа. Очевидно, для зверей здесь было слишком сухо, и, за исключением одной или двух смертоносных кобр, мы не повстречали ни единого пресмыкающегося. Тем не менее одно насекомое встречалось в изобилии: обычная комнатная муха.

Они летали по пустыне и следили за нами, как шпионы, но не «поодиночке, а целыми отрядами», как сказано, кажется, в Ветхом Завете. Комнатная муха – необыкновенное насекомое. Куда бы вы ни пошли, вы всюду встречаете ее. Так было, наверно, всегда, с начала мироздания. Однажды я видел это насекомое в куске янтаря, которому, как мне рассказывали, было не менее пятисот тысяч лет, и оно выглядело точно так же, как наша современная муха. Я почти не сомневаюсь в том, что когда на земле будет умирать последний человек, то муха (если, конечно, это случится летом) будет жужжать и кружиться вокруг него и внимательно следить, ожидая удобного случая, чтобы сесть ему на нос.

На закате солнца мы сделали привал и стали ждать восхода луны. Наконец она появилась на небе, спокойная и безмятежная, как всегда, и мы потащились дальше. Отдохнув только один раз около двух часов ночи, мы плелись всю ночь напролет, пока не взошло долгожданное солнце и мы не смогли наконец отдохнуть от мучительного ночного перехода. Выпив несколько глотков воды, совершенно уставшие, мы повалились на песок и тотчас же заснули. Оставлять кого-нибудь на страже не было никакой необходимости, так как на этой бесконечной песчаной равнине не было ни одного живого существа. Нашими единственными врагами были жара, жажда и мухи. Но я скорее согласился бы подвергнуться опасности со стороны человека или дикого зверя, чем иметь дело с этой ужасной троицей. К сожалению, на этот раз нам не посчастливилось укрыться от зноя под какой-нибудь гостеприимной скалой. В семь часов мы проснулись от нестерпимой жары, испытывая такое ощущение, что нас, словно кусок филея, насадили на вертел и держат над раскаленными углями. Солнце пропекало буквально насквозь; казалось, что его палящие лучи вытягивают нашу кровь. Мы сели, едва переводя дыхание.

– Убирайтесь вон! – воскликнул я в изнеможении, разгоняя тучу мух, неутомимо и звонко жужжавших над моей головой.

Счастливые! Они не чувствовали жары.

– Честное слово... – промолвил капитан Генри.

– Да, жарковато! – перебил его сэр Гуд.

Жара действительно была невыносимая, и негде было укрыться от этого адского пекла. Вокруг, куда ни кинь взгляд, расстилалась голая раскаленная пустыня. Не было ни бугорка, ни камня, ни единого деревца – ничего, что могло бы дать хоть чуточку тени. Нас ослеплял нестерпимо яркий блеск солнца, а жгучие, дрожащие струи воздуха, поднимающиеся над пустыней, как над накалившейся докрасна плитой, обжигали глаза.

– Что же делать? – спросил сэр Генри. – Долго выдержать этот ад невозможно.

В полном недоумении мы смотрели друг на друга.

– Вот что! – сказал капитан. – Нам нужно вырыть яму, забраться в нее, а сверху накрыться кустами.

Это предложение не вызвало особого энтузиазма, но все же это было лучше, чем ничего. Мы тотчас же принялись за работу, и с помощью рук и лопаты, которую с собой захватили, нам через час удалось вырыть яму около десяти футов длиной, двадцати шириной и двух футов глубиной. Затем охотничьими ножами мы нарезали стелющиеся по земле ветки

кустарника, забрались в яму и накрылись ими. Один Вентфогель не последовал нашему примеру: он, как готтентот, привык к пеклу и нисколько от него не страдал. Убежище в определенной степени предохраняло нас от жгучих солнечных лучей. Я предоставляю читателю вообразить воздух в этой самодельной могиле, поскольку у меня нет слов его описать. Наверно, Черная Яма³⁴ в Калькутте была раем по сравнению с нашей дырой. Я до сих пор не понимаю, как мы пережили этот ужасный день, когда, задыхаясь от недостатка воздуха, лишь время от времени смачивали губы водой, которой оставалось совсем мало. Если бы мы дали себе волю, она была бы выпита в первые же два часа. Но мы вынуждены были соблюдать строжайшую экономию, так как слишком хорошо понимали, что без воды нам грозит гибель от жажды.

Время тянулось невыносимо медленно. Но всему на свете бывает конец – если, конечно, доживешь до него, – и этот страшный день начал клониться к вечеру. Около трех часов дня мы решили, что терпеть эту пытку больше невозможно. Лучше умереть в пути, чем медленно погибать от жажды и невыносимой жары в страшной яме. Отпив несколько глотков из нашего более чем скудного запаса воды, которая нагрелась до температуры человеческой крови, мы, шатаясь, вновь поплелись дальше.

Нам удалось уже пройти около пятидесяти миль вглубь пустыни. Если читатель вспомнит наставления старого да Сильвестра и посмотрит еще раз на его карту, он увидит, что пустыня простирается на сорок лье³⁵ и водоем с «плохой водой» указан почти посреди нее. Сорок лье составляет сто двадцать миль, следовательно, мы должны были находиться самое большее в двенадцати или пятнадцати милях от воды, если, конечно, она еще существовала.

Весь день до захода солнца, испытывая нечеловеческие мучения и едва волоча ноги, мы медленно продвигались вперед, делая не более полуторы мили в час. Когда солнце село, мы сделали привал и в ожидании восхода луны немного подремали, предварительно выпив несколько глотков воды. Перед тем как лечь, Амбопа указал нам на небольшой холм, очертания которого неясно вырисовывались на гладкой поверхности песчаной равнины на расстоянии около восьми миль от нашей стоянки. Издали он был похож на муравейник, и, засыпая, я недоумевал, что это могло быть.

Взошла луна. Мы встали обессиленные и, изнывая от мучительной жары и невыносимой жажды, потащились дальше. Кто не испытал этих мук сам, тот не может себе представить ни наших страданий, ни того, что мы в тот день пережили. Мы уже не шли, а шатались из стороны в сторону, время от времени падая от полного изнеможения. Почти каждый час нам приходилось садиться и отдыхать. У нас не было сил даже разговаривать. До сих пор капитан Гуд все время болтал и шутил, поскольку он веселый малый, но и его бодрость куда-то пропала.

Наконец около двух часов ночи, совершенно выдохшиеся и физически, и душевно, мы подошли к подножию странного маленького песчаного холма, который с первого взгляда показался нам похожим на огромный муравейник. Высотой он был примерно в сто футов и занимал площадь около двух акров. Здесь мы остановились и, доведенные до отчаяния нестерпимой жаждой, выпили до последней капли всю оставшуюся воду. Всего-то пришлось по полпинты на человека, тогда как каждый из нас с наслаждением выпил бы по галлону.

Затем мы легли вновь. Я уже засыпал, когда услышал, как Амбопа, обращаясь к самому себе, произнес по-зулусски:

– Если мы завтра не найдем воду, то все умрем, прежде чем взойдет луна.

³⁴ Черная Яма в Калькутте – тюремная камера, где в 1756 году задохнулось много защищавших город англичан.

³⁵ Лье – устаревшая французская мера длины, равная 4,5 километра.

Несмотря на жару, я содрогнулся. Нельзя сказать, что мысль о возможности такой страшной смерти была приятной, но даже она не помешала мне заснуть.

Глава VI ВОДА! ВОДА!

Через два часа я проснулся. Было около четырех утра. Как только первая настоящая потребность в сне, вызванная физической усталостью, была удовлетворена, я вновь ощутил мучительную жажду. Больше мне не удалось заснуть. Во сне я видел, будто купаюсь в реке, окаймленной зелеными берегами, поросшими деревьями, но, проснувшись, мне пришлось вернуться к печальной действительности. Нас окружала все та же бесплодная пустыня, и мне вспомнились слова Амбопы, что, если в этот день мы не найдем воды, нам грозит ужасная смерть. Ни одно человеческое существо не смогло бы долго прожить без воды в такую жару. Я сел и начал тереть свое грязное лицо сухими, заскорузлыми руками. Мои губы и веки слиплись, и, только протерев, мне удалось с усилием их открыть. Скоро должно было взойти солнце, но в воздухе не чувствовалось утренней свежести. Нас окружал не поддающийся никакому описанию душный, раскаленный мрак. Мои спутники еще спали. Наконец настолько рассвело, что уже можно было читать. Тогда я открыл маленькое карманное издание легенд Инголдзби, которое я захватил с собой, и прочел «Реймскую галку». Когда я дошел до места, где говорится:

Нес маленький мальчик кувшин золотой,
Чеканный и полный прозрачной водой,
Что лишь меж Намуром и Реймсом
Течет бирюзовой струей...

Я невольно начал причмокивать своими растрескавшимися губами или, вернее, попытался это сделать. Одна лишь мысль об этой чистой воде сводила меня с ума. Если бы здесь появился кардинал со своим колокольчиком, священной книгой и свечой, я бросился бы к нему и выпил бы всю воду, предназначенную для омовения рук, даже если бы она была уже полна пены от мыла, достойного омыwać руки папы, и если бы я знал, что за это на мою голову падет тягчайшее проклятие всей католической церкви. Думаю, что тогда у меня от жажды, усталости и голода немного помутилось в голове. Мне вдруг живо представилось, какими изумленными глазами смотрели бы кардинал, сопровождающий его хорошенький маленький служка и сама реймская галка на невысокого загорелого седого охотника на слонов, когда он внезапно, одним прыжком, очутился бы около них и, сунув свою грязную физиономию в сосуд с водой, проглотил бы залпом драгоценную влагу до последней капли. Эта мысль показалась мне такой забавной, что я рассмеялся хриплым смехом и этим разбудил моих спутников, которые теперь тоже начали протирать свои грязные лица, слипшиеся веки и запекшиеся губы.

Как только все полностью очнулись ото сна, мы принялись обсуждать наше достаточно серьезное положение. Не оставалось более ни капли воды. Мы опрокинули фляги вверх дном и пытались лизать их горлышки, но из этого ничего не вышло: они были совершенно сухие. Капитан Гуд, захвативший бутылку бренди, начал посматривать на нее жадными глазами, но сэр Генри быстро взял у него бутылку и убрал ее, потому что в нашем положении напиться спирта означало бы приблизить свой конец.

— Если мы не найдем воду, то погибнем, — подытожил он.

— Если можно считать достоверной карту старого португальца, — отозвался я, — то где-то неподалеку должна быть вода.

Никто, по-видимому, не получил большого удовлетворения от этого замечания. Было очевидно, что не следует возлагать большие надежды на карту. Постепенно становилось все

светлее и светлее. Мы сидели, безучастно глядя друг на друга. Внезапно я заметил, что готтентот Вентфогель поднялся и начал бродить вокруг, не отрывая глаз от земли. Вдруг он остановился и, издав гортанное восклицание, указал на землю.

– Что там такое? – воскликнули мы и, вскочив, разом кинулись туда, где он стоял, указывая на землю.

– Допустим, – сказал я, – что это довольно свежий след газели, что же из этого?

– Газели не уходят далеко от воды, – ответил он по-голландски.

– Да, – согласился я, – ты прав. Я забыл об этом и благодарю за это Господа.

Это маленькое открытие вдохнуло в нас новые силы. Удивительно, как человек даже в отчаянном положении цепляется за самую слабую надежду и чувствует себя почти счастливым! Когда ночь темна, то даже единственная звезда все же лучше, чем ничего.

Тем временем Вентфогель, подняв курносый нос, вдыхал горячий воздух точь-в-точь как старый горный баран, чующий опасность. Внезапно он снова заговорил:

– Я чувствую запах воды.

Нас охватило ликование, поскольку мы знали, каким исключительным природным чутьем обладают люди, выросшие в пустыне.

Как раз в этот момент взошло солнце во всем своем величии, и нашим изумленным глазам представилось столь потрясающее зрелище, что на мгновение мы даже забыли свою жажду.

На расстоянии не более сорока или пятидесяти миль от нас, сверкая, как серебро, в утренних лучах солнца, высилась грудь Царицы Савской; по обе ее стороны на сотни миль тянулись великие горы Сулеймана. Теперь, когда я сижу здесь, за своим столом, и пишу эти строки, пытаюсь описать исключительное величие и красоту этого зрелища, я не нахожу нужных слов. Такое великолепие словами выразить нельзя. Прямо перед нами поднимались две огромные горы, по крайней мере в пятнадцать тысяч футов высотой, подобных которым, думаю, нет больше в Африке, да, вероятно, и во всем мире. Соединенные обрывистым скалистым отрогом, они отстояли не более чем на дюжину миль одна от другой, словно колонны гигантских ворот, торжественно вздымая прямо в небо свою царственную белизну. Но более всего их очертания напоминали грудь женщины.

От подножия горы мягко закруглялись кверху и с этого расстояния казались совсем гладкими. На вершине каждой из них возвышался огромный круглый, покрытый снегом бугор, по своей форме точно воспроизводящий сосок женской груди. Обрывистый отрог, соединявший обе горы, казалось, был в несколько тысяч футов высотой. По обе стороны от них, насколько мог охватить глаз, простирались такие же отроги, линия которых только изредка прерывалась горами с плоскими вершинами, несколько напоминающими знаменитую вершину возле Кейптауна. Это, между прочим, является весьма обычным геологическим образованием в Африке.

Я не в силах описать ослепительную красоту этого вида. В величественных очертаниях этих колоссальных вулканов – так как горы несомненно были потухшими вулканами – было нечто столь торжественное и подавляющее, что у нас захватило дыхание. Некоторое время утренний свет играл, переливаясь, на снегу и на конусообразных коричневых массах гор ниже линии снега. Затем, словно для того, чтобы скрыть необычайное зрелище от наших взоров, странные клубы тумана и облаков, постепенно сгущаясь, заволокли горы, пока наконец мы едва могли различить их чистый гигантский контур, вырисовывающийся, подобно видению, сквозь облачную пелену. Как мы позднее установили, горы обычно были скрыты прозрачным туманом, что, вероятно, и являлось причиной того, что никому из нас не удалось ранее ясно различить их очертания.

Как только горы исчезли в своем облачном тайнике, нас снова начала мучить неистовая жажда.

Хорошо было Вентфогелю говорить, что он чувствует запах воды, но, куда бы мы ни смотрели, мы нигде не видели ни малейших ее признаков. Насколько можно было окинуть взглядом, повсюду был только бесплодный, изнемогающий от зноя песок и низкорослый кустарник – обычная растительность безводных плато Южной Африки. Мы обошли вокруг холма, с тревогой всматриваясь в окружающую местность, в надежде найти воду по ту сторону холма, но и там было то же самое: нигде не было видно ни капли воды – ни ямки, наполненной водой, ни лужи, ни ручейка.

– Ты болван! – обругал я Вентфогеля. – Здесь нет воды!

Но он продолжал втягивать в себя воздух, задрав свой безобразный курносый нос.

– Я чувствую ее запах, баас, – ответил он, – я чувствую ее где-то здесь, в воздухе.

– Да, – усмехнулся я, – без сомнения, в облаках есть вода, и примерно месяца через два она прольется дождем и обмоет наши кости.

Сэр Генри задумчиво поглаживал свою белокурую бороду.

– Может быть, мы найдем ее на вершине холма, – сказал он.

– Чушь! – воскликнул капитан Гуд. – Кто когда-нибудь слышал о том, что можно найти воду на вершине холма!

– Пойдем и посмотрим, – предложил я.

И без всякой надежды мы начали карабкаться вверх по песчаному склону. Внезапно Амбопа, шедший впереди, остановился как вкопанный и громко крикнул:

– *Manzia, manzia!* (Вот вода!)

Мы бросились к нему, и действительно, там, на самой вершине холма, в углублении, похожем на чашу, увидели самую настоящую воду.

Мы не стали терять время на выяснение того, каким образом в таком неподходящем месте могла оказаться вода, и ее черный цвет и непривлекательный вид не заставили нас колебаться. С нас достаточно было того, что это вода или нечто чрезвычайно на нее похожее. Мы стремглав бросились к ней, и через некоторое мгновение, лежа на животе, пили эту неаппетитную жидкость с таким наслаждением, словно это был напиток богов. Боже мой, как мы ее пили! Утолив наконец свою жажду, мы сбросили одежду и сели в воду, чтобы наша иссушенная солнцем кожа могла впитать в себя живительную влагу.

Тебе, мой читатель, стоит только отвернуть пару кранов, чтобы из невидимого объемистого котла пошла горячая и холодная вода, поэтому тебе не понять всей глубины блаженства, которое доставило нам это барахтанье в грязной и солоноватой луже.

Через время, освежившиеся, мы вышли из воды и с аппетитом принялись за наш билтонг, до которого никто из нас не дотрагивался за последние сутки, и наелись досыта. Затем мы выкурили по трубочке, улеглись рядом с этой благословенной лужей в тени ее обрывистого берега и проспали до полудня.

Весь день мы провели, отдыхая около воды и благодаря судьбу за то, что нам посчастливилось ее найти, какова бы она ни была. Не забывали мы и воздать должное тени давно ушедшего от нас да Сильвестра, к которому мы испытывали глубокую признательность за то, что он сохранил для нас этот водоем, столь точно изобразив его на подоле своей рубашки. Нам казалось совершенно непонятным, каким образом вода могла так долго сохраняться. Единственным возможным объяснением этого я считал предположение, что какой-нибудь подземный источник, протекающий под толстым слоем песка, питает водоем.

Когда вошла луна, мы вновь тронулись в путь, предварительно наполнив водой до отказа свои желудки и фляги, и, конечно, в гораздо лучшем настроении, чем прежде. За ночь мы прошли почти двадцать пять миль, но, само собой разумеется, воды уж больше не встретили. Все же на следующий день нам повезло, так как мы нашли клочок тени за муравейником. Когда вошло солнце и на некоторое время разогнало таинственную завесу

туманов, окутывающую горы, мы увидели, что гора Сулеймана и две потрясающие вершины гор Царицы Савской находятся от нас не более чем в двадцати милях.

Казалось, что они нависли прямо над нами и выглядят еще величественнее, чем прежде. С наступлением темноты мы пошли дальше и к рассвету следующего дня оказались у подножия левой груди Царицы Савской, куда мы твердо держали курс в течение всего нашего пути. К этому времени у нас окончился запас воды, и мы снова сильно страдали от жажды, причем, конечно, теперь не было никакой надежды утолить ее прежде, чем мы доберемся до линии снега, лежавшей высоко над нами. Отдохнув часок-другой, мы вновь двинулись вперед, гонимые мучительной жаждой. Под палящими лучами солнца мы с великим трудом ползли вверх по склону горы, покрытому застывшей лавой. Оказалось, что все гигантское основание горы состояло из пластов лавы, выброшенной вулканом много веков назад.

К одиннадцати часам наши силы иссякли и мы едва держались на ногах. Застывшая лава, по которой нам приходилось пробираться, была, правда, довольно гладкой по сравнению с известными ее видами, – например, той, что встречается на острове Вознесения, – однако и она была настолько неровной, что у нас разболелись ноги. Когда ко всем нашим несчастьям добавилось еще и это, мы почувствовали, что больше не выдержим. На несколько сот ярдов выше того места, где мы находились, выступали большие глыбы лавы, в тени которых можно было отдохнуть.

Кое-как добравшись до них, мы увидели с большим удивлением (странным, что у нас вообще еще сохранилась способность удивляться!), что лава на маленьком плато, расположенном неподалеку от нас, покрыта густой зеленой порослью. Очевидно, там из продуктов распада лавы образовался слой почвы, на который с течением времени попали семена, занесенные птицами. Однако эта зеленая поросль заинтересовала нас ненадолго, поскольку нельзя прожить, питаясь травой, подобно Навуходоносу³⁶. Для этого требуется особое предначертание со стороны Провидения, а также особое устройство органов пищеварения. Мы сидели под прикрытием скал и тяжело вздыхали. Что касается меня, я искренне сожалел, что мы отважились на это безнадежное предприятие. Вдруг я увидел, что Амбопа встает и бредет к участку земли, покрытому травой, а несколько минут спустя я, к моему величайшему изумлению, заметил, что этот всегда исполненный достоинства человек пляшет и кричит, как сумасшедший, размахивая чем-то зеленым.

В надежде, что ему удалось найти воду, мы заковыляли к нему с максимальной скоростью, на которую были способны наши усталые конечности.

– В чем дело, Амбопа, сын дурака? – крикнул я по-зулусски.

– Это пища и вода, Макумазан! – И он вновь помахал какой-то зеленой штукой.

Тут я рассмотрел, что у него в руке. Это была дыня. Мы набрали на участок, заросший тысячами диких дынь, и все они были совершенно спелые.

– Дыни! – закричал я капитану Гуду, шедшему следом за мной.

И секунду спустя он уже вонзил в одну из них свои искусственные зубы.

Мне кажется, что мы насытились не ранее, чем съели по крайней мере по шесть дынь каждый. Хоть они и не отличались особо приятным вкусом, но мне казалось, что никогда в жизни мне не приходилось есть ничего более упоительного.

Однако дыни не особенно сытная пища. Когда мы утолили жажду их сочной мякотью, то решили подготовить новый запас дынь – разрезали их пополам и оставили стоймя на солнце, чтобы они охлаждались посредством испарения. Почувствовав снова страшный голод, мы не стали есть билтонг, поскольку всех тошнило при одном воспоминании о нем.

³⁶ Навуходоносор – вавилонский царь. Потеряв рассудок, стал вести себя как зверь. Отлученный от царского стола и роскошного дворца, он жил в поле и питался травой, как вол.

К тому же приходилось его экономить, ведь никто не мог сказать, когда нам удастся раздобыть пищу. Нам чрезвычайно повезло: в пустыне я увидел стаю из десятка крупных птиц. Они летели прямо на нас.

– *Skit, Baas, skit!* (Стреляй, господин, стреляй!) – шепнул мне готтентот, бросаясь плашмя на землю.

Мы последовали его примеру.

Теперь я увидел, что это была стая дроф и что они сейчас пролетят не более чем в пятидесяти ярдах над моей головой. Взяв один из винчестеров, я подождал, пока они не оказались почти над нами, и внезапно вскочил. Заметив меня, дрофы, как я и ожидал, сбились в кучу. Я дважды выстрелил, и мне посчастливилось сбить одну из них, прекрасный экземпляр, весивший около двадцати фунтов. Через полчаса птица уже жарилась над огнем костра, разведенного из сухих дынных стеблей.

Впервые за всю неделю у нас было такое пиршество. Мы съели дрофу целиком. От нее не осталось ничего, кроме костей и клюва. После этого мы почувствовали себя значительно лучше.

Ночью, когда взошла луна, мы вновь двинулись в путь, захватив с собой столько дынь, сколько можно было унести. По мере подъема воздух становился все прохладнее и прохладнее, и это было для нас большим облегчением. На рассвете мы оказались не более чем в дюжине миль от линии снега. Здесь мы вновь нашли дыни, и мысль о воде перестала нас волновать, так как мы знали, что скоро к нашим услугам будет масса снега. Но подъем теперь стал очень опасным, и мы продвигались вперед чрезвычайно медленно, делая не более одной мили в час. Кроме того, в эту ночь мы доели последний кусочек билтонга. За все это время мы не видели в горах ни одного живого существа, за исключением дроф, и нам не встретилось ни единого ручья или родника. Это казалось нам очень странным, ведь над нами высились огромные массы снега и он, как мы полагали, должен был время от времени таять. Но как мы обнаружили в дальнейшем, по какой-то причине, объяснить которую не в моих силах, все ручьи стекали по северному склону гор.

Теперь нас сильно начало беспокоить отсутствие пищи. Казалось вполне вероятным, что если нам и удалось избежать смерти от жажды, то лишь для того, чтобы умереть от голода. Краткие заметки, которые я тогда систематически заносил в свою записную книжку, лучше всего расскажут о печальных событиях последующих трех дней.

Двадцать первое мая. Вышли в одиннадцать часов утра, поскольку воздух был достаточно прохладен для дневного перехода. Взяли с собой несколько дынь. С трудом тащились вперед весь день, но дынь больше не встречали, – очевидно, вышли из той полосы, где они растут. Не видели никакой дичи. На заходе солнца остановились на ночлег. Ничего не ели в течение многих часов. Ночью сильно страдали от холода.

Двадцать второе мая. Снова вышли на рассвете, чувствуя большую слабость. За весь день прошли всего пять миль. Встретилось несколько небольших участков земли, покрытых снегом, которого мы и поели, так как больше есть нам было нечего. Расположились на ночлег под выступом огромного плато. Жестокий холод. Выпили понемногу бренди и легли, завернувшись в свои одеяла и прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Голод и усталость причиняют нам ужасные страдания. Боялись, что Вентфогель не доживет до утра.

Двадцать третье мая. Снова попытались идти дальше, как только солнце поднялось достаточно высоко и немного отогрело наши застывшие члены. Мы в ужасном состоянии, и я боюсь, что если не раздобудем пищи, то этот день станет последним днем нашего путешествия. Осталось только немножко бренди. Капитан Гуд, сэр Куртис и Амбопа держатся замечательно, но Вентфогель очень плох. Подобно большинству готтентотов, он не выносит холода. Я уже не ощущаю прежней острой боли в желудке, он как-то онемел. Остальные говорят, что чувствуют то же самое. Мы находимся теперь на уровне обрывистого хребта,

или стены из лавы, соединяющей две горы. Вид отсюда великолепен. Позади нас до самого горизонта лежит огромная сверкающая пустыня, а перед нами расстилается много миль гладкого, твердого снега, образующего почти ровную поверхность, плавно закругляющуюся кверху. В центре ее находится горная вершина, вероятно несколько миль в окружности, вздымающаяся в небо тысячи на четыре футов. Не видно ни одного живого существа. Помогите нам, Господи! Боюсь, что настал наш последний час.

А теперь я отложу свой дневник в сторону, отчасти потому, что это не очень интересный материал для чтения, отчасти потому, что случившееся далее заслуживает, пожалуй, более детального изложения.

В течение всего дня (двадцать третьего мая) мы медленно взбирались по покрытому снегом склону, время от времени ложась, чтобы собраться с силами. Должно быть, странно выглядела наша компания: пятеро изможденных, подавленных людей, с трудом передвигающих свои усталые ноги по сверкающей равнине и озирающихся голодными глазами. Толку от этого было, конечно, мало, потому что, сколько ни озирайся, ничего съедобного вокруг не было. В этот день мы прошли не более семи миль. Перед самым заходом солнца мы оказались прямо у вершины левой груди Царицы Савской, у огромного гладкого бугра, покрытого смерзшимся снегом, который возвышался над нами на тысячи футов. Несмотря на плохое самочувствие, мы не могли не залюбоваться чудесным зрелищем, раскинувшимся перед нашими глазами. Волны света, струящиеся от заходящего солнца, увеличивали красоту пейзажа, местами окрашивая снег в кроваво-красный цвет и увенчивая снежные массы, вздымающиеся над нами, сверкающей диадемой.

— Знаете что? — вдруг произнес капитан Гуд. — Ведь мы должны быть сейчас близко от пещеры, о которой упоминал старый джентльмен.

— Да, — отозвался я, — если только она существует.

— Послушайте, Квотермейн, — со вздохом сказал сэр Генри, — не надо так говорить. Я полностью доверяю старому португальцу — вспомните-ка воду. Мы скоро найдем и пещеру.

— Если мы не найдем ее до наступления темноты, то можем считать себя покойниками, — утешительно прозвучал мой ответ.

Еще десять минут мы брели в молчании. Амбопа шел рядом со мной, завернувшись в одеяло, туго затянув свой кожаный пояс, чтобы, как он говорил, «заставить голод съестись», так что талия его стала совсем девичьей. Вдруг он схватил меня за руку.

— Смотрите! — воскликнул он, показывая на склон.

Я посмотрел в этом направлении и заметил на расстоянии примерно двухсот ярдов от нас нечто похожее на дыру в гладкой снежной поверхности.

— Это пещера, — сказал Амбопа.

Напрягая последние силы, мы устремились к этому месту и убедились, что дыра действительно представляет собой вход в пещеру, и несомненно именно в ту, о которой писал да Сильвестра. Мы успели подойти туда как раз вовремя, потому что, едва мы добрались до места, солнце село с поразительной быстротой и все окружающее погрузилось во тьму. В этих широтах почти не бывает сумерек. Мы вползли в пещеру, которая казалась не очень большой, и, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, проглотили остатки нашего бренди — на каждого пришлось едва по глотку. Затем мы попытались забыть свои злоключения во сне, но жестокий холод не давал нам заснуть.

Я уверен, что на этой огромной высоте термометр показал бы не менее четырнадцати или пятнадцати градусов ниже нуля. Что это означало для нас, обессиленных перенесенными лишениями, недостатком пищи и нестерпимой жарой пустыни, моему читателю легче попытаться себе представить, чем мне описать. Достаточно сказать, что мне еще никогда не приходилось чувствовать, что смерть так близка. Час за часом тянулась эта страшная ночь. Мы сидели в пещере, и мороз бродил вокруг, жалея нас то в палец, то в ногу, то в лицо.

Все теснее и теснее мы прижимались друг к другу, тщетно пытаясь согреться, поскольку в наших жалких телах не оставалось больше тепла. Иногда кто-нибудь из нас на несколько минут впадал в тревожный сон, но долго мы спать не могли, – может быть, к счастью, потому что не думаю, что, заснув, мы проснулись бы вновь. Уверен, что только сила воли сохранила нам жизнь.

Незадолго до рассвета я услышал, что готтентот Вентфогель, зубы которого стучали всю ночь, как кастаньеты, глубоко вздохнул и вдруг перестал стучать зубами. Тогда я не обратил на это особого внимания, решив, что он заснул. Он сидел, прижавшись ко мне спиной, и мне казалось, что она становится все холоднее и холоднее, пока не стала холодной как лед.

Наконец тьму сменила предрассветная мгла, затем быстрые золотые стрелы света начали вспыхивать на снегу, и ослепительное солнце поднялось над стеной из лавы и осветило наши замерзшие тела и мертвого Вентфогеля, сидевшего среди нас. Неудивительно, что его спина казалась мне холодной. Бедняга умер, когда я услышал его вздох, и теперь уже совершенно окоченел. Глубоко потрясенные, мы отползли подальше от трупа (странно, какой страх мы всегда испытываем при виде мертвеца!) и оставили его сидеть там, по-прежнему охватив колени руками.

К этому времени холодные лучи солнца (они действительно были холодными) проникли прямо в пещеру. Внезапно я услышал чье-то восклицание, полное ужаса, и обернулся, чтобы посмотреть вглубь пещеры.

И вот что я увидел. В конце пещеры, которая была не более двадцати футов длиной, сидела другая фигура. Голова ее была опущена на грудь, а длинные руки висели по бокам. Я взглянул в нее и понял, что это тоже мертвец, и, кроме того, белый человек.

Мои спутники также заметили его, и наши расстроенные нервы не смогли вынести подобного зрелища. Охваченные одним общим желанием уйти из этого страшного места, мы бросились из пещеры со всей скоростью, на которую были способны наши замерзшие ноги.

Глава VII

Дорога царя Соломона

Выбежав из пещеры на залитое солнцем снежное плато, мы почти тотчас же остановились. Думаю, у каждого было чувство неловкости друг перед другом за проявленное при виде мертвеца малодушие.

– Я иду обратно, – сказал сэр Генри.

– Зачем? – удивился капитан.

– У меня появилась мысль, что... это мой брат, – взволнованно ответил сэр Генри.

Это предположение показалось нам вполне возможным, и мы вернулись в пещеру, чтобы его проверить. Какое-то время наши глаза, ослепленные ярким солнцем и сверкающей белизной снега, ничего не могли различить в полумраке пещеры. Но это продолжалось недолго. Вскоре мы освоились с темнотой и осторожно подошли к мертвецу.

Сэр Генри опустился на колени и стал пристально всматриваться в его лицо.

– Слава Богу! – воскликнул он с облегчением. – Это не Джордж!

Тогда я подошел к труп и тоже начал его разглядывать. Это был человек высокого роста, средних лет, с тонкими чертами лица и орлиным носом; у него были длинные черные усы и темные с проседью волосы. Желтая кожа плотно обтягивала высохшее лицо. Из одежды на нем оставались полуистлевшие штаны, давно превратившиеся в лохмотья. На шее этого насквозь промерзшего трупа висело распятие из слоновой кости.

– Кто бы это мог быть? – заинтересовался я.

– Неужели вы не догадываетесь? – спросил капитан.

Я отрицательно покачал головой.

– Кто же это, как не старый дон Хозе да Сильвестра!

– Не может быть! – прошептал я прерывающимся от волнения голосом. – Ведь он умер триста лет назад!

– А что же тут удивительного? – спокойно ответил капитан Гуд. – В таком холоде он может просидеть и три тысячи лет. При столь низкой температуре кровь и мясо сохраняются свежими на веки вечные, как у замороженной новозеландской баранины. А в этой пещере, черт побери, довольно холодно. Солнце сюда никогда не проникает, и ни один зверь не может забрести в поисках пищи, потому что здесь вообще нет ничего живого. Вне всякого сомнения, раб, о котором дон Хозе упоминает в своей предсмертной записке, снял с него одежду и оставил здесь его труп: ему одному было не под силу похоронить сеньора. Вот этой костью да Сильвестра и начертил свою карту, – продолжил Гуд, нагибаясь и поднимая остро отточенный обломок кости довольно странной формы.

Мы были настолько потрясены этим открытием, что даже забыли собственные бедствия. Все это казалось нам почти сверхъестественным. В полном безмолвии мы глядели на обломок кости и на труп старого португальца.

– Смотрите, – выдал наконец сэр Генри, указывая на едва заметную ранку на левой руке старого донна, – вот откуда он брал кровь, которой написана его записка. Приходилось ли кому-либо в жизни видеть нечто подобное?

Теперь не оставалось никакого сомнения, что перед нами был да Сильвестра. Должен признаться, мне стало жутко.

Перед нами сидел мертвец, чьи указания, начертанные почти десять поколений назад, привели нас в эту пещеру. В своей руке я держал тот самый грубый обломок кости, послуживший для написания предсмертных строк, и видел на его шее распятие, которое он, прощаясь с жизнью, прижимал к своим холодеющим устам.

Глядя на труп, я ясно представил себе последний акт этой драмы: путника, гибнущего в одиночестве от голода и холода и тем не менее стремящегося передать людям великую тайну. Мне даже показалось, что в его резких чертах лица я вижу сходство с его потомком, моим бедным другом Сильвестром, умершим на моих руках двадцать лет назад. Возможно, это был плод моего воображения. Но так или иначе, он сидел перед нами, как страшное предупреждение для тех, кто, презрев судьбу, пытается приоткрыть завесу неизвестного. Пройдут века, а он все так же будет сидеть с великой печатью смерти на челе и наводить ужас на случайного путника, который может, как и мы, забрести в эту пещеру и нарушить его покой. Несмотря на то что мы умирали от голода и холода, это зрелище потрясло нас до глубины души.

– Уйдем отсюда, – тихо сказал сэр Генри. – Впрочем, нет! Мы оставим ему товарища по несчастью, который разделит его одиночество.

И, подняв мертвое тело готтентота Вентфогеля, он усадил его рядом со старым доном да Сильвестра. Затем сэр Генри наклонился и резким движением разорвал гнилой шнурок с распятием на шее старого португальца. Он даже не пытался его развязать, потому что его пальцы не сгибались от холода. Думаю, это распятие находится у него и по сей день. Я же взял перо, сделанное из обломка кости. Оно сейчас лежит передо мной на столе. Иногда я им пользуюсь, когда подписываю свое имя.

Оставив гордого белого человека прошлых веков и бедного готтентота нести вечную стражу среди вечного безмолвия девственных снегов, мы в полном изнеможении вышли из пещеры на залитую благодатным солнцем снежную равнину и побрели дальше. В глубине души каждый из нас думал о том, что недалек тот час, когда и нас постигнет та же участь.

Пройдя около полумили, мы подошли к краю плато и обнаружили, что вершина, то есть бугор, венчающий гору, находится не посреди него, как это казалось нам со стороны пустыни. Из-за густого утреннего тумана мы не могли видеть того, что было ниже нас. Но вскоре его верхние слои начали рассеиваться, и мы заметили у самого края снежного откоса лужайку, покрытую зеленой травой. Она находилась ниже нас не более чем на пятьсот ярдов, и по ней протекал ручей. Но это было не все: на берегу, греясь на солнце, лежали десять-пятнадцать крупных антилоп. Находясь так далеко от них, мы, конечно, не могли установить, к какой породе они принадлежали. Невозможно передать то ликование, которое охватило нас при виде этих животных. Ведь это была пища, причем пища в изобилии, правда, ее нужно было еще добыть. Сразу же возник вопрос, как это сделать. Антилопы находились на расстоянии не менее шестисот ярдов от нас, то есть слишком далеко даже для хорошего стрелка, а от этого выстрела зависела наша жизнь. Мы поспешно стали совещаться, как нам поступить. Мысль о том, чтобы неслышно подкрасться к животным, пришлось оставить, поскольку нам не благоприятствовал ветер. Он дул в их сторону, и они могли нас почуять; кроме того, как бы осторожны мы ни были, нас нельзя было не заметить на ослепительно-белом снегу.

– Ну что ж, придется стрелять отсюда, – принял решение сэр Куртис. – Надо только определиться, из какой винтовки – винчестер или «экспресс»? Как вы думаете, Квотермейн?

Вопрос был серьезный. Магазиновый винчестер (у нас их было два; Амбопа нес свой и бедняги Вентфогеля) бил на тысячу ярдов, двустволка же «экспресс» – всего на триста пятьдесят. Свыше этого расстояния стрелять из нее было рискованно, так как можно было не попасть в цель. С другой стороны, если бы попадание удалось, у нас было бы больше шансов убить животное, потому что «экспресс» стрелял разрывными пулями. Вопрос был трудный, но все же я решил, что мы должны пойти на риск и стрелять из «экспресса».

– Каждый будет целиться в ту антилопу, которая находится против него, – приказал я. – Цельтесь прямо в лопатку или чуть выше. А ты, Амбопа, дай сигнал, чтобы все стреляли одновременно.

Наступило молчание. Мы все трое старательно прицелились, как должен целиться человек, знающий, что от этого выстрела зависит его жизнь.

– Пли! – скомандовал Амбопа по-зулусски, и почти в тот же миг раздалось три оглушительных выстрела.

На мгновение перед нашими глазами повисли в воздухе три облачка дыма, и громкое эхо долго не смолкало, нарушая безмолвие снежных просторов. Но вскоре дым рассеялся, и – о радость! – мы увидели, что крупный самец лежит на спине и судорожно бьется в предсмертных конвульсиях. Нам больше не грозила смерть от голода, мы были спасены! Несмотря на слабость и полное истощение, с громким криком торжества и восторга мы бросились вниз по снежному склону, и через десять минут перед нами лежали сердце и печень убитого животного. Но тут возникло новое затруднение: не было топлива, чтобы развести костер и поджарить нашу добычу. С горестью и унынием мы глядели друг на друга.

– Когда человек умирает от голода, он не может быть разборчив, – заключил капитан Гуд. – Будем есть мясо сырым.

Действительно, в нашем положении другого выхода не было. Голод терзал нас до такой степени, что это предложение не вызвало чувства отвращения, неизбежного при других обстоятельствах.

Чтобы охладить сердце и печень антилопы, мы зарыли их на несколько минут в снег, затем промыли в ледяной воде ручья и с жадностью съели. Сейчас, когда я пишу эти строки, все это кажется ужасным, но должен честно признаться, что в жизни мне не приходилось есть ничего вкуснее. Через какие-нибудь пятнадцать минут нас нельзя было узнать – мы буквально ожили, силы наши восстановились, пульс ускорился и кровь заиграла в жилах. Однако, помня о пагубных последствиях переедания на голодный желудок, мы были очень осторожны и съели сравнительно немного, остановившись вовремя, пока были еще голодны.

– Слава Богу! – воскликнул сэр Генри. – Это животное спасло нас от смерти. Между прочим, Квотермейн, что это за зверь?

Я встал и подошел к убитому животному, чтобы как следует его рассмотреть, так как не был уверен, что это антилопа.

По величине оно не уступало ослу, его густую коричневого цвета шерсть перемежали красноватые, едва заметные полосы, большие рога загибались назад. Я никогда не видел таких животных – эта порода была мне совершенно незнакома, но впоследствии узнал, что жители этой удивительной страны называют их «инко». Это редкая разновидность антилопы, которая встречается только на очень больших высотах, где не живут никакие другие звери. Наше животное было убито наповал прямо в лопатку. Трудно сказать, чья пуля его сразила, но думаю, что капитан Гуд, помня свой чудесный выстрел, убивший жирафу, в глубине души приписал это своей доблести; мы с ним по этому поводу не спорили.

Поглощенные едой, мы не обратили внимания на то, где находимся. Но, утолив зверский голод, стали обозревать окружающую нас местность, предварительно приказав Амбопе вырезать самые лучшие части инко, чтобы обеспечить себя на дорогу достаточным количеством мяса. В восемь часов утра воздух был чист и прозрачен, – казалось, что солнце впитало в себя густой утренний туман. Не знаю, как описать величественную панораму, раскинувшуюся перед нашими глазами. За нами и над нами возвышались горы, белоснежные вершины гор Царицы Савской, а внизу, примерно в пяти тысячах футов ниже того места, где мы стояли, на много миль расстился очаровательный сельский пейзаж. Прямо перед нами, меж холмов, равнин и темных лесов, текла широкая река; налево от нее простирались необозримые пастбища. В их волнистой траве мы издали видели многочисленные стада животных, диких или домашних – на таком расстоянии мы рассмотреть не могли. Вдали, на горизонте, вырисовывались горы. Направо страна была менее гориста. Одинокие холмы перемежались с полосами возделанных полей, и среди них просматривались группы купо-

лообразных хижин. Вся панорама лежала перед нами, как карта, и сверкали, подобно серебряным змеям, реки. Пики, похожие на вершины Альп, застыли в торжественном величии, прихотливо украшенные снежными венцами, а над всем этим сияло радостное солнце и чувствовалось счастливое дыхание жизни.

Нас чрезвычайно удивило, что страна, раскинувшаяся перед нами, лежит по крайней мере на три тысячи футов выше, чем пустыня, которую мы пересекли, и что все реки текут с юга на север. Во время наших тяжких испытаний мы уже имели случай убедиться, что на всем протяжении южного склона хребта, где мы сейчас стояли, не было воды, в то время как по северному склону текли водные потоки; большая их часть впадала в могучую реку, которая, причудливо извиваясь, несла свои воды далеко вглубь страны.

Мы сидели и молча созерцали чудесный вид. Первым нарушил молчание сэр Генри.

– Скажите, Квотермейн, – обратился он ко мне, – нанесена ли на карту да Сильвестра Великая Дорога царя Соломона?

Я утвердительно кивнул, продолжая любоваться восхитительным пейзажем.

– Тогда посмотрите сюда, – и сэр Генри указал немного вправо: – Вот она!

Мы с капитаном Гудом взглянули в том направлении: в отдалении от нас вилась широкая проезжая дорога, сначала не замеченная нами, поскольку, дойдя до равнины, она сворачивала и терялась среди холмистой местности. Как ни странно, но это открытие не произвело на нас особого впечатления: после всего виденного мы уже перестали чему-либо удивляться. Нам даже не показалось необъяснимым, что в этой затерянной стране дорога напоминает древнеримские: мы приняли это как нечто естественное.

– Дорога должна проходить совсем близко, – размышлял капитан Гуд. – Где-нибудь направо от нас. Пойдем и поищем ее.

Совет был весьма благоразумный, и, умывшись в ручье, мы тотчас же двинулись дальше и пробирались по валунам и снежным прогалинам, пока наконец, пройдя около мили, не очутились на вершине небольшого холма и не увидели прямо у своих ног дорогу, высеченную в сплошной скале, шириной по крайней мере в пятьдесят футов, за которой, по-видимому, постоянно присматривали, поскольку она находилась в превосходном состоянии. Сначала мы подумали, что она тут же и начинается, но, спустившись на дорогу и взглянув назад по направлению к горам Царицы Савской, увидели, что она поднимается в горы, но на расстоянии около ста шагов от нас неожиданно исчезает. Дальше вся поверхность горного склона была покрыта теми же валунами и снежными прогалинами.

– Как вы думаете, в чем тут дело? Куда делась дорога? – спросил меня сэр Генри.

Я покачал головой в полном недоумении.

– Все ясно! – воскликнул капитан. – Уверен, что когда-то дорога пролежала через горный хребет и шла дальше через пустыню. Но с течением времени после извержений вулканов в горах была залита лавой, а в пустыне ее засыпали пески.

Это предположение было весьма правдоподобно; во всяком случае, мы согласились с ним и начали спускаться с горы. Но какая была разница между этим спуском и нашим восхождением на Сулеймановы горы!

Сейчас мы были сыты, и путь под гору по великолепной дороге казался необычайно легким, в то время как при подъеме мы едва передвигались, утопая в снегу, совершенно обесиленные, замерзшие и полумертвые от голода. Если бы не тяжелые воспоминания о грустной судьбе бедняги Вентфогеля и мрачной пещере, в которой мы его оставили со старым да Сильвестра, мы чувствовали бы себя просто превосходно, несмотря на то что шли в страну, где нас ждала полная неизвестность и, возможно, опасности.

По мере того как мы спускались вниз, воздух с каждой пройденной милей становился мягче и ароматнее, а страна, раскинувшаяся перед нами, все сильнее поражала нас своей красотой. Относительно дороги должен сказать, что никогда в жизни я не видел подобного

сооружения, хотя сэр Генри утверждал, что дорога через Сен-Готард в Швейцарии очень на нее похожа. Строителей древнего мира, которые ее проектировали, не останавливали никакие препятствия и трудности, встречавшиеся им на пути. В одном месте мы подошли к ущелью шириной в триста футов и глубиной не менее ста и увидели, что все оно завалено огромными глыбами шлифованного камня с арками для протока воды; над рекой же величественно и горделиво пролегла дорога. В другом месте она вилась зигзагами у края пропасти в пятьсот футов глубиной, а в третьем шла через туннель в тридцать футов длиной, вырытый в горном кряже, преграждающем ей путь. Мы заметили, что стены туннеля были сплошь покрыты барельефами, изображавшими главным образом одетых в кольчуги воинов, управляющих колесницами. Один барельеф был особенно хорош: на переднем плане была изображена битва, а вдали шли побежденные, которых уводили в плен.

Сэр Куртис с большим интересом рассматривал это произведение искусства глубокой древности.

— Конечно, — заметил он, — можно называть этот путь Великой Дорогой царя Соломона, но все же осмелюсь выразить свое скромное мнение, что египтяне безусловно успели побывать здесь раньше, чем народы царя Соломона. Уж очень эта работа похожа на древнеегипетскую.

К полудню мы значительно продвинулись вниз и очутились в той части горного склона, где начинался лес. Сначала нам изредка попадался мелкий кустарник, но чем дальше мы шли, тем он становился чаще и гуще. Наконец мы достигли обширной рощи, прорезанной дорогой, и увидели, что там растут деревья с серебряной листвой, очень похожие на те, которые встречаются на склоне Столовой горы возле Кейптауна. Это меня очень удивило, поскольку за все время своих странствий я, кроме как в Капе, нигде их не видел.

— О! — воскликнул Гуд, с явным восхищением глядя на их блестящие листья. — Здесь же масса дров! Давайте сделаем привал и состряпаем ужин. Мой желудок уже почти переварил сырое мясо.

Никто не возразил против этого предложения. Мы отошли немного в сторону от дороги и направились к ручью, журчавшему поблизости, наломали сухих веток, и через несколько минут запылал прекрасный костер. Отрезав из принесенного с собой мяса несколько больших толстых кусков, мы поджарили их на конце заостренных палочек, как это делают кафры, и съели с огромным наслаждением. Наевшись досыта, мы зажгли трубки и впали в блаженное состояние, после наших мытарств и злоключений показавшееся нам почти божественным. Берега ручья возле нашего привала покрывали густые заросли гигантских папоротников, среди которых виднелись прозрачные, как кружево, пучки дикой спаржи. Ручеек весело журчал; нежный ветерок шелестел в серебряной листве деревьев; вокруг ворковали голуби, и птицы с ярким опереньем, порхая с ветки на ветку, сверкали, как живые драгоценные камни. Это был рай.

Сознание того, что бесконечные опасности и бедствия, пережитые нами в пути, миновали, что мы достигли земли обетованной, и, наконец, волшебная красота природы — все это так очаровало нас, что мы невольно приумолкли. Сэр Генри и Амбопа, сидя рядом, тихо разговаривали на ломаном английском и не менее ломаном зулусском языке. Я лежал на ароматном ложе из папоротника и, полузакрыв глаза, наблюдал за ними. Вдруг, заметив, что капитан Гуд исчез, я начал искать его глазами и увидел, что он сидит в одной фланелевой рубашке у ручья, в котором уже успел выкупаться. Привычка к исключительной чистоплотности была настолько сильна, что, вместо того чтобы отдохнуть, капитан с увлечением занимался своим туалетом.

Он уже успел выстирать свой гуттаперчевый воротничок, тщательно вытряхнуть и почистить пиджак, жилет, брюки, порванные во время нашего путешествия, и грустно качал головой, рассматривая многочисленные прорехи и дыры. Затем, аккуратно сложив

свою одежду на берегу, он пучком папоротника счистил с ботинок грязь. Смазав их куском благоразумно припрятанного жира, срезанного с мяса инко, Гуд начал их натирать, пока они не приобрели более или менее пристойный вид. Затем, внимательно осмотрев ботинки через монокль, он их надел и продолжил свой туалет. Вынув из маленького дорожного мешка, с которым он никогда не расставался, гребешок со вставленным в него крошечным зеркальцем, капитан тщательно рассмотрел свое лицо. Видимо, он остался недоволен увиденным, потому что начал аккуратно расчесывать и приглаживать свои волосы. Посмотревшись снова в зеркало, он, очевидно, опять себе не понравился и начал щупать подбородок, покрытый изрядной щетиной из-за того, что он не брился уже десять дней.

«Нет, – подумал я, – не может быть! Неужели капитан собирается бриться?»

Но я не ошибся. Взяв кусок жира, которым он только что смазывал ботинки, Гуд тщательно прополоскал его в ручье. Затем, снова порывшись в своем мешке, он вынул маленькую безопасную бритву, которыми обычно пользуются люди при путешествии по морю. Старательно натерев жиром подбородок и щеки, Гуд начал бриться. Процесс был весьма болезненный, потому что время от времени он охал и стонал, а я, наблюдая за ним, буквально корчился от смеха, видя, как он старается привести в порядок торчащую во все стороны густую щетину.

Наконец, когда ему удалось кое-как побрить правую часть лица и подбородка, я вдруг заметил луч, молнией мелькнувший над его головой.

Со страшным проклятьем капитан Гуд вскочил (уверен, что, будь у него обычная бритва, он наверняка перерезал бы себе горло). Я тоже вскочил, но без проклятий, и вот что я увидел. Шагах в двадцати от меня и десяти от Гуда стояла группа людей. Они были очень высокого роста, с медно-красным цветом кожи. У некоторых на голове развевались пышные султаны из черных перьев, а на плечи были наброшены плащи из шкур леопарда – это все, что я заметил в ту минуту.

Впереди стоял юноша лет семнадцати с еще поднятой рукой, в позе античной статуи дискобола. Очевидно, это он бросил нож, который, подобно молнии, сверкнул над головой капитана.

Пока я их разглядывал, из группы туземцев вышел старик с гордой осанкой воина и, схватив юношу за руку, что-то ему сказал. После этого все они направились к нам. Сэр Куртис, капитан Гуд и Амбопа угрожающе подняли ружья, но туземцы не обратили на это решительно никакого внимания и продолжали приближаться к нам. Я сразу сообразил, что они не понимают, что такое огнестрельное оружие, иначе не отнеслись бы к нему с таким пренебрежением.

– Бросьте ваши ружья! – крикнул я своим спутникам.

Я догадался, что нам нужно убедить туземцев в том, что мы пришли с мирными намерениями, и таким образом расположить их к себе. Это была единственная возможность сохранить жизнь. Мои спутники тотчас же повиновались; я выступил вперед и обратился к пожилому воину, только что удержавшему юношу от дальнейшего нападения.

– Приветствую вас! – сказал я по-зулусски, хотя не знал, на каком языке мне следует к нему обращаться.

Я был удивлен, что он меня понял.

– Приветствую! – ответил он, правда не на чисто зулусском языке, но на наречии, столь схожем с ним, что мы с Амбопой сразу его разобрали. Впоследствии мы узнали, что эти люди говорили на старом зулусском языке. Между старым и современным зулусским была примерно та же разница, что существует у нас между языком Чосера³⁷ и английским языком XIX века.

³⁷ Чосер (1340–1400) – знаменитый английский поэт, создатель литературного английского языка.

– Откуда вы пришли? – обратился к нам старый воин. – Кто вы? И почему у троих из вас лица белые, а лицо четвертого такое же, как у сыновей наших матерей? – добавил он, указывая на Амбопу.

Я взглянул на нашего зулуса, и у меня мелькнула мысль, что старик прав. Лицо Амбопы, как и его огромный рост и сложение, было такое же, как у этих туземцев. Но в то время мне некогда было об этом задумываться.

– Мы чужеземцы и пришли сюда с миром, – я старался говорить как можно медленнее, чтобы он меня понял. – А этот человек, – добавил я, указывая на Амбопу, – наш слуга.

– Ты лжешь, – возразил старый воин, – ни один человек не может перейти горы, где все живое погибает. Впрочем, ложь твоя ни к чему. Чужеземцы не имеют права вступать в Страну Кукуанов. Вы все должны умереть. Таков закон короля. Готовьтесь к смерти, о чужеземцы!

Признаюсь, эти слова меня несколько ошеломили, особенно когда я увидел, что каждый туземец поднес руку к поясу, на котором у него висело что-то весьма похожее на тяжелый, большой нож.

– Что говорит эта старая обезьяна? – поинтересовался капитан.

– Он говорит, что они собираются нас убить, – мрачно ответил я.

– О господи! – простонал Гуд и, как всегда, когда он был сильно взволнован, поднес руку ко рту и вынул свою искусственную верхнюю челюсть. Затем он быстро вставил ее обратно и, присасывая челюсть к нёбу, звонко прищелкнул языком.

Со стороны капитана это было необычайно удачным движением, поскольку при виде его у гордых кукуанов вырвался крик ужаса и все они отпрянули на несколько ярдов назад.

– Что случилось? В чем дело? – с недоумением спросил я сэра Куртиса.

– Зубы Гуда привели их в смятение, – взволнованно прошептал сэр Генри. – Он их вынул, и они испугались. Выньте их, Гуд, выньте их совсем!

Капитан тотчас же повиновался и преловко ухитрился всунуть обе челюсти в рукав своей фланелевой рубашки.

В следующую минуту любопытство преодолело страх и туземцы медленно, с опаской вновь приблизились к нам. Очевидно, они уже забыли о своем милом намерении перерезать нам глотки.

– Скажите нам, о чужеземцы! – торжественно воскликнул старик, указывая на Гуда, стоявшего в одной фланелевой рубашке, с наполовину бритым лицом. – Как это может быть, что этот толстый человек, тело которого покрыто одеждой, а ноги голые, у которого волосы растут лишь на одной половине бледного лица и совсем не растут на другой, у которого в одном глазу есть еще один глаз – прозрачный и блестящий, – как это может быть, что его зубы сами выходят изо рта и сами возвращаются на прежнее место?

– Откройте рот! – шепнул я Гуду.

Капитан тотчас же скривил рот и, глядя на старого джентльмена, оскалился на него, как рассерженный пес, обнажив две красные десны без малейшего признака зубов, как у только что родившегося слоненка.

У зрителей вырвался вздох изумления.

– Где его зубы? – в страхе закричали они. – Мы их только что видели собственными глазами!

Отвернувшись от дикарей с видом невыразимого презрения, капитан Гуд провел рукой по своему рту и, вновь повернувшись, оскалился на них, и – о чудо! – туземцы увидели два ряда прекраснейших зубов.

Тогда юноша, пустивший в него нож, бросился на землю и издал громкий, протяжный вопль ужаса. Что касается старого джентльмена, у него от страха заметно задрожали колени.

– Я вижу, что вы духи, – пробормотал он, запинаясь, – ибо ни один человек, рожденный женщиной, не имеет волос только на одной стороне лица, и такого круглого прозрачного глаза, и зубов, которые двигаются сами! Простите нас, о мои повелители!

Нечего говорить, как я обрадовался, услышав эти слова, и, конечно, тут же воспользовался этим неожиданно счастливым поворотом дела. Снисходительно улыбнувшись, я надменно провозгласил:

– Мы согласны даровать вам прощение. Теперь вы должны узнать правду: мы прибыли из другого мира, спустившись с самой большой звезды, которая светит ночью над вашей землей, хоть мы такие же люди, как и вы.

– О! О! – простонал в ответ хор изумленных туземцев.

– Да, мы прибыли со звезд, – продолжил я с милостивой улыбкой, сам удивляясь своей лжи. – Мы сошли на землю, чтобы погостить здесь и осчастливить ваш народ своим пребыванием в вашей стране. Вы видите, о друзья мои, что, готовясь посетить вас, я даже выучил ваш язык.

– Да, это так! Это так! – ответили хором туземцы.

– О, повелитель мой! – прервал меня старый джентльмен. – Только выучил ты его очень плохо!

Я взглянул на него с таким негодованием, что он испугался и тотчас же замолк.

– Теперь, друзья мои, – произнес я, – вы можете подумать, что после столь долгого странствия мы, встретив столь недружелюбный прием, пожелаем отомстить вам и поразить смертью того, чья святотатственная рука осмелилась бросить нож в голову человека с движущимися зубами...

– Пощадите его, мои повелители! – умоляющим голосом попросил меня старик. – Он сын нашего короля, а я его дядя. Если что-нибудь с ним случится, кровь его падет на мою голову, ибо отвечаю за него я.

– Можешь в этом не сомневаться, – отчетливо и злобно промолвил юноша.

– Вы, возможно, думаете, что мы не в состоянии вам отомстить? – продолжил я, не обращая никакого внимания на его слова. – Погодите, вы сейчас убедитесь. Эй ты, раб и собака, – обратился я к Амбопе самым свирепым тоном, на какой был способен, – подай мне заколдованную трубку, которая умеет говорить! – И я незаметно подмигнул ему, указывая на свой «экспресс».

Амбопа тотчас понял мою мысль и подал мне винтовку. Впервые в жизни я увидел на его гордом лице нечто похожее на улыбку.

– Вот она, о повелитель повелителей! – сказал он с глубочайшим поклоном.

Перед этим я заметил маленькую антилопу, стоявшую на скале на расстоянии ярдов семидесяти от нас, и решил ее застрелить.

– Вы видите это животное? – обратился я к туземцам, указывая на антилопу. – Может ли человек, рожденный женщиной, убить ее одним шумом?

– Это невозможно, мой повелитель, – ответил старик.

– Однако я это сделаю, – возразил я спокойным тоном.

Старый воин улыбнулся:

– Даже ты, повелитель, не сможешь этого сделать.

Я поднял винтовку и прицелился. Антилопа была очень маленькая и промахнуться на таком расстоянии было легко, но я знал, что должен в нее попасть во что бы то ни стало. Животное стояло совершенно неподвижно. Глубоко вздохнув, я спустил курок.

«Бум! Бум!» – раздался громкий выстрел, и антилопа, подскочив в воздух, замертво упала на месте. У туземцев вырвался крик ужаса.

– Если вы желаете иметь мясо, – бросил я равнодушно, – пойдите и принесите ее сюда.

По знаку старика один из туземцев побежал к скале и вскоре вернулся, неся убитое животное. С большим удовлетворением я увидел, что пуля попала как раз в то место, куда я целился, то есть чуть выше лопатки. Туземцы обступили тушу бедного животного и рассматривали дыру, пробитую пулей, с выражением суеверного страха и смятения.

– Вы видите, – сказал я, обращаясь к ним, – я не говорю пустых слов.

Ответа на это не последовало.

– Если вы все еще сомневаетесь в нашем могуществе, – произнес я, – пусть кто-нибудь из вас станет на ту же скалу и я с ним сделаю то же самое, что с антилопой.

Но желающих не нашлось. Наступило небольшое молчание, которое прервал сын короля:

– Дядя, прошу тебя, пойди и стань на скалу. Колдовство может убить лишь животное, но не человека.

Однако старому джентльмену предложение племянника совсем не понравилось, и он даже обиделся.

– Нет, нет! – воскликнул он с живостью. – Мои старые глаза видели достаточно. – И, обращаясь к своей свите, он сказал: – Эти люди – колдуны, и их надо отвести к королю. А если кто из вас захочет испытать чары чужеземцев на себе, тот может пойти и стать на скалу, чтобы с ним могла поговорить волшебная трубка.

Но среди кукуанов не нашлось желающих слушать заколдованную трубку.

– Не тратьте напрасно свою волшебную силу на наши презренные тела, – обратился один из туземцев, – нам достаточно того, что мы видели. Все наши колдуны не могут показать ничего подобного.

– Ты говоришь истину, – заметил старый джентльмен с чувством огромного облегчения, – это действительно так! Слушайте вы, дети звезд, дети блестящего глаза и движущихся зубов, вы, кто управляет громом и убивает издали! Я – Инфадус, сын Кафы, бывшего короля кукуанов. А этот юноша – Скрагга³⁸.

– Этот Скрагга чуть не отправил меня на тот свет, – прошептал Гуд.

– Скрагга, – продолжил торжественно Инфадус, – сын Твалы. Великий король Твала – супруг тысячи жен, глава и владыка кукуанского народа, хранитель Великой Дороги, страх своих врагов, мудрец, которому известны все тайны волшебства, вождь ста тысяч воинов, Твала Одноглазый, Твала Черный, Твала Грозный!

– В таком случае, – ответил я надменно, – веди нас к Твале. Мы не желаем разговаривать с подчиненными и слугами.

– Желание ваше будет исполнено, мои повелители! Мы проводим вас к королю, но путь наш долог. Мы пришли сюда охотиться и находимся в трех днях пути от жилища короля. Будьте терпеливы, повелители, через три дня вы увидите великого Твалу.

– Хорошо, – сказал я небрежно. – Мы с временем не считаемся и никогда не торопимся, ибо мы бессмертны. Мы готовы. Веди нас. Но слушай, Инфадус, и ты, Скрагга! Берегитесь нас обманывать! Не расставляйте нам ловушек! Прежде чем ваши жалкие мозги подумают сделать что-нибудь недоброе, мы это узнаем и отомстим вам, ибо обладаем чудодейственной силой читать мысли людей. Свет, исходящий из прозрачного глаза того, чьи ноги голые, а лицо обросло волосами лишь с одной стороны, убьет вас на месте и принесет бедствия вашей стране. Его движущиеся зубы выскочат, вопьются в ваше тело и пожрут не только вас, но и ваших жен и ваших детей, а волшебные трубки продырявят насквозь ваши тела так, что они станут похожи на сито.

³⁸ Непереводимая игра слов: *Scrag* – в переводе означает «свернуть шею», то есть иными словами – убить; сына короля зовут *Scragga*.

Эта блестящая речь произвела огромное впечатление, хотя вряд ли была нужна, так как наши новые друзья и без того были уже потрясены нашими магическими талантами.

Старый воин раболепно склонился перед нами и пролепетал: «Куум, куум». Впоследствии я узнал, что это слово является приветствием, соответствующим зулусскому «байэте»; с ним кукуаны обращаются только к королю и членам королевского рода. Затем он что-то приказал своим людям. Они тотчас же схватили наше имущество, кроме оружия, к которому боялись прикоснуться, и даже одежду Гуда, которая, если помнит читатель, была аккуратно сложена на берегу ручья. Увидев это, капитан хотел ее отнять, в результате чего поднялся ожесточенный спор между туземцами и Гудом.

– Пусть мой повелитель и властелин прозрачного глаза не трогает свои вещи. Нести их – дело его рабов.

– Но я хочу надеть свои брюки! – ревел Гуд по-английски.

Амбопа перевел его слова.

– О повелитель мой! – воскликнул Инфадус. – Неужели ты хочешь скрыть свои прекрасные белые ноги от взора своих покорных слуг? – Гуд брюнет, но кожа у него необычайно белая. – Чем мы прогневили тебя, о повелитель, что ты хочешь это сделать?

Глядя на Гуда, я буквально разрывался от смеха. За это время один из туземцев уже успел схватить одежду капитана и убежать с нею.

– Проклятье! – рычал капитан. – Этот черный негодяй удрал с моими брюками!

– Послушайте, Гуд, – успокоил его сэр Генри, – вы появились в этой стране в известной роли и должны играть ее до конца. Пока вы здесь, брюк вы надевать уже не сможете. Отныне вам предстоит щеголять только во фланелевой рубашке, ботинках и монокле.

– Да, – подтвердил я, – и с одной бакенбардой. Если вы появитесь перед кукуанами в другом виде, они примут нас за обманщиков. Мне очень жаль, что вам придется ходить в таком виде, но я говорю совершенно серьезно, Гуд. У вас нет другого выхода. Если у них возникнет малейшее подозрение, наша жизнь не будет стоять и фартинга³⁹.

– Вы действительно так думаете? – угрюмо спросил капитан.

– Ну конечно! Ваши «прекрасные белые ноги» и монокль – наше спасенье. Сэр Генри прав: вы должны играть свою роль до конца. Благодарите Бога, что успели хоть обуться и что здесь тепло.

Капитан тяжело вздохнул и ничего не ответил. Только недели через две он свыкся со своим странным туалетом.

³⁹ Фартинг – самая мелкая английская монета.

Глава VIII

Мы приходим в Страну Кукуанов

В течение всего этого дня мы продвигались по великолепной дороге, которая, никуда не отклоняясь, пролегла в северо-западном направлении. Инфадус и Скрагга шли вместе с нами, а их свита маршировала шагов на сто впереди.

– Скажи мне, Инфадус, – обратился я к нему после недолгого молчания, – не знаешь ли ты, кто проложил эту дорогу?

– Ее проложили в давние времена, мой повелитель. И никому не известно, как и когда это было сделано. Этого не знает даже мудрая женщина Гагула, пережившая много поколений. Мы же не так стары, чтобы помнить, когда ее строили. Теперь никто не умеет сооружать такие дороги, и король охраняет ее и не допускает, чтобы она зарастала травой.

– А кто высек человеческие фигуры на стенах пещер, через которые лежал наш путь? – спросил я, имея в виду скульптурные изображения, напоминающие египетские, увиденные нами по дороге.

– Те же руки, что построили дорогу, высекли на камне эти удивительные рисунки, мой повелитель. Мы не знаем, кто это сделал.

– А когда кукуанский народ пришел в эту страну?

– Мой повелитель, наш народ пришел сюда, подобно дыханию бури, десять тысяч лун назад, из великих земель, лежащих там, – и он указал на север. – Как говорят древние голоса наших отцов, которые дошли до нас, и как говорит Гагула, мудрая женщина, охотница за колдунами, кукуаны не могли пройти дальше – великие горы, окружающие кольцом эту страну, преградили им путь, – и он указал на покрытые снегом вершины. – Страна же эта была прекрасна, и они здесь поселились, стали сильными и могущественными, и теперь число наше равно числу песчинок в море. Когда Твала, наш король, созывает свои войска, то перья, украшающие его воинов, покрывают всю равнину, насколько может охватить глаз человека.

– Но если страна окружена горами, то с кем сражается это войско?

– Нет, господин, там страна открыта, – и он вновь протянул руку на север, – и время от времени воины из неведомой нам земли тучами устремляются на нас и мы их убиваем. С тех пор как мы воевали в последний раз, прошла третья часть жизни человека. Много тысяч погибло в этой войне, но мы уничтожили тех, кто пришел, чтобы убить нас. И с тех пор войны не было.

– Вашим воинам, должно быть, наскучило дремать, опершись на свои копья?

– Нет, мой повелитель, как раз после того, как мы уничтожили нападавших, здесь была еще война. Но то была междоусобица. Люди пожирали друг друга, как псы.

– Как это случилось?

– Я расскажу тебе это, мой повелитель. Наш король – мой сводный брат. У него же был родной брат, родившийся в тот же день, от той же женщины. По нашему обычаю, нельзя оставлять в живых обоих близнецов – более слабый из них должен умереть. Но мать короля спрятала более слабого ребенка, который родился последним, потому что сердце ее тянулось к нему. Этот ребенок и есть Твала, наш король. Я же – его младший брат, родившийся от другой жены.

– Что же было дальше?

– Кафа, наш отец, умер, когда мы достигли зрелости, и мой брат Имоту был возведен в сан короля вместо него. Некоторое время он правил страной, и у него родился сын от любимой жены. Когда ребенку исполнилось три года – это было как раз после великой войны, во время которой никто не мог ни сеять, ни собирать урожай, – в страну пришел голод. Голод заставил народ роптать и озиаться подобно льву, когда он, умирая от истощения,

ищет добычу для растерзания. И тогда Гагула, мудрая и вселяющая ужас женщина, живущая вечно, обратилась к народу, говоря: «Король Имоту – не законный король!» А в это время Имоту страдал от раны, полученной в сражении, и лежал недвижимо в своей хижине. Потом Гагула вошла в одну из хижин и вывела оттуда Твала, моего сводного брата и родного брата-близнеца короля Имоту. Со дня его рождения она прятала его среди скал и пещер и теперь, сорвав с его бедер мучу, показала народу кукуанов знак священной змеи, обвинившейся вокруг его тела, – знак, которым отмечают старшего сына короля при рождении. «Смотрите, – вот ваш король, жизнь которого я сохранила для вас по сей день!» – громко вскричала она. И люди, обезумевшие от голода, лишившиеся рассудка и забывшие, что такое справедливость, начали вопить: «Король! Король!» Но я знал, что это не так, потому что мой брат Имоту был старшим из двух близнецов и, значит, законным королем. Когда шум и крики достигли крайнего предела, король Имоту, хотя он и был очень болен, вышел, ведя за руку свою жену. За ними шел его малолетний сын Игнози (что означает «молния»). «Что это за шум? – спросил Имоту. – Почему вы кричите “король, король?”»

Тогда Твала, его родной брат, рожденный от той же женщины и в тот же час, подбежал к нему и, схватив его за волосы, нанес ему своим ножом смертельный удар прямо в сердце. Людям свойственно непостоянство, и они всегда готовы поклоняться восходящему солнцу, и все начали бить в ладоши и кричать: «Твала – наш король! Теперь мы знаем, что Твала – король!»

– А что случилось с женой Имоту и его сыном Игнози? Неужели Твала их тоже убил?

– Нет, мой повелитель, когда жена увидела, что господин ее мертв, она с воплем схватила ребенка и убежала. Два дня спустя голод загнал ее в какой-то крааль, но никто не хотел дать ей молока или другой пищи, потому что люди ненавидят несчастных. Однако, когда наступила ночь, какая-то девочка прокралась к ней и принесла еды, и она благословила ребенка и ушла со своим сыном до восхода солнца в горы, где, вероятно, и погибла. С тех пор никто не видел ни ее, ни ее сына Игнози.

– Так значит, если бы этот ребенок Игнози остался жив, он был бы настоящим королем кукуанского народа?

– Это так, мой повелитель. Знак священной змеи опоясывает его тело. Если он жив – он король. Но – увы! – он давно уже умер. Посмотри, мой повелитель, – и он указал вниз, на равнину, где стояла большая группа хижин, окруженных изгородью, которая, в свою очередь, была опоясана глубоким рвом. – Это тот крааль, где в последний раз видели жену Имоту с ее ребенком Игнози. Мы будем там спать сегодня ночью, если только, – добавил он с сомнением, – мои повелители вообще спят на этой земле.

– Когда мы находимся среди кукуанов, мой добрый друг Инфадус, мы поступаем так же, как кукуаны, – величественно произнес я и обернулся, чтобы что-то сказать Гуду, который мрачно плелся позади, полностью поглощенный тщетными попытками удержать на месте свою фланелевую рубашку, раздуваемую вечерним ветерком.

Обернувшись, я, к своему удивлению, чуть не столкнулся с Амбопой, который шел следом за мною и совершенно очевидно прислушивался с огромным интересом к моему разговору с Инфадусом. Лицо Амбопы выражало крайнее любопытство. Он был похож на человека, делающего отчаянные и только отчасти успешные попытки припомнить что-то давно им позабытое.

В течение всего этого времени мы шли быстрым шагом, спускаясь к холмистой равнине, расстилавшейся внизу. Громады гор, которые мы пересекли, теперь неясно вырисовывались высоко над нами; клубы тумана целомудренно окутывали грудь Царицы Савской прозрачной дымкой. По мере того как мы продвигались вперед, местность становилась еще красивее. Растительность была поразительно пышной, хотя и отнюдь не тропической, лучи яркого солнца – теплыми, но не обжигающими. Легкий ветерок обвеивал благоухающие

склоны гор. Эта страна была поистине настоящим земным раем, и никому из нас не приходилось раньше видеть равных ей по красоте, естественным богатствам и климату. Трансвааль – чудесная страна, но и она не может сравниться со Страной Кукуанов.

Как только мы отправились в свой поход, Инфадус послал гонца, чтобы тот предупредил о нашем прибытии обитателей крааля, которые, между прочим, находились под его военным командованием. Посланец побегал с невероятной быстротой. По словам Инфадуса, он мог сохранять такую скорость в течение всего пути, поскольку все кукуаны усиленно тренируются в беге.

Вскоре мы смогли воочию убедиться в том, что посланец успешно выполнил свое задание. Очутившись примерно в двух милях от крааля, мы увидели, что воины, отряд за отрядом, выходят из ворот и направляются к нам навстречу.

Сэр Генри положил мне руку на плечо и заметил, что все это сулит нам, кажется, «теплый» прием. Что-то в его тоне привлекло внимание Инфадуса.

– Пусть это не тревожит моих повелителей, – поспешно сказал он, – ибо в моем сердце не живет измена. Эти воины подчинены мне и выходят нам навстречу по моему приказу, чтобы вас приветствовать.

Я спокойно кивнул, хотя на душе у меня было не совсем спокойно.

Примерно в полумиле от ворот крааля начинался длинный выступ холма, отлого поднимающийся от дороги; на этом выступе и построились отряды воинов. Это было поистине грандиозное зрелище. Отряды, каждый численностью около трехсот человек, быстро взбежали по склону холма и неподвижно застыли на предназначенном для них месте; их копья сверкали на солнце, развевающиеся перья украшали их головы. К тому времени, как мы подошли к холму, двенадцать таких отрядов, то есть три тысячи шестьсот воинов, взошли на него и заняли свои места вдоль дороги.

Мы подошли к ближайшему отряду и с изумлением увидели, что он сплошь состоит из рослых, статных воинов, подобных которым мне никогда не приходилось видеть, тем более в таком огромном количестве. Все они были людьми зрелого возраста, а в большинстве своем – ветераны лет сорока. Среди них не было ни одного человека ниже шести футов ростом, а многие были еще дюйма на три-четыре выше. Головы их украшали тяжелые черные плюмажи из перьев птицы сакобула, такие же, как и у наших проводников. Все воины были опоясаны белыми буйволовыми хвостами; повязки из таких же хвостов охватывали их ноги пониже правого колена. В левой руке каждый держал круглый щит около двадцати дюймов в поперечнике, сделанный из тонкого листового железа, обтянутого буйволовой кожей молочно-белого цвета.

Вооружение воинов было простым, но весьма внушительным. Оно состояло из короткого и очень тяжелого обоюдоострого копья с деревянным древком, лезвие которого в самой широкой его части было около шести дюймов в поперечнике. Копья не предназначались для метания, а, подобно зулусским бангванам или кинжальным дротикам, использовались только в рукопашном бою, причем раны, нанесенные ими, бывали ужасны. Кроме этих бангванов, каждый воин был также вооружен тремя большими тяжелыми ножами, каждый весом около двух фунтов. Один нож был заткнут за пояс из хвоста буйвола, а другие два укреплены на тыльной стороне круглого щита. Эти ножи, которые кукуаны называют толлами, заменяют им метательные асегай зулусов. Кукуанский воин может метать их с большой точностью с расстояния до пятидесяти ярдов, и обычно перед тем, как вступить в рукопашный бой с противником, кукуаны посылают навстречу противнику тучу этих ножей.

Отряды стояли неподвижно, как ряды бронзовых статуй, но, когда мы приближались к очередному отряду, по сигналу, данному командиром, которого можно было отличить по плащу из шкуры леопарда, отряд выступал на несколько шагов вперед, копья поднимались в воздух, и из трех сотен глоток неожиданно вырывался оглушительный королевский

салют: «Куум!» Когда же мы проходили, отряд строился позади нас и следовал за нами по направлению к краалю, пока наконец весь полк «Серых» (получивший это название из-за серых щитов), лучшая военная часть кукуанской армии, не маршировал позади нас, сотрясая землю.

Немного уклонившись в сторону от Великой Дороги царя Соломона, мы подошли к широкому рву, окружавшему крааль, который занимал площадь не менее мили в окружности и был огорожен прочным частоколом из толстых бревен. У ворот через ров был перекинут примитивный подъемный мост, спущенный стражей, чтобы мы могли войти. Крааль был прекрасно распланирован. Через его центр проходила широкая дорога, которую пересекали под прямым углом другие, более узкие дороги, разделяя таким образом группы хижин на кварталы, причем в каждом из них располагался один отряд.

Хижины с куполообразными крышами имели, подобно зулусским, каркас из прутьев, очень красиво переплетенных травой, однако, в отличие от зулусских хижин, в них были двери, через которые можно было войти, не сгибаясь. Кроме того, они были гораздо обширнее и их окружала веранда шириной около шести футов, с красивым полом из крепко утрамбованного толченого известняка.

По обеим сторонам дороги, пересекавшей крааль, стояли сотни женщин, привлеченных сюда желанием посмотреть на нас. Для туземок эти женщины исключительно красивы. Они высокого роста, грациозны и великолепно сложены. Хотя волосы их и коротки, но они выются и не похожи на шерсть, черты лица у многих из них тонкие и губы не такие толстые, как у большинства африканских народностей. Но что поразило нас более всего – это их удивительно спокойный, полный сознания собственного достоинства вид. Они были по-своему благовоспитаны, не уступая в этом отношении постоянным гостям светских салонов, и это выгодно отличало их от зулусских женщин и их родственниц – женщин народности мазаи, которые живут в области, лежащей южнее Занзибара. Хотя они и пришли сюда из любопытства, чтобы посмотреть на нас, но ни единое грубое восклицание, выражающее удивление, ни единое критическое замечание не сорвалось с их уст, когда мы устало брели мимо них. Даже когда старый Инфадус незаметным движением руки обращал их внимание на самое выдающееся из всех чудес – на «прекрасные белые ноги» бедного Гуда, – они не позволяли себе выразить вслух то чувство бесконечного восхищения, которое, очевидно, вызывало у них это ни с чем не сравнимое зрелище. Они не сводили внимательного взгляда своих темных глаз с их неотразимо прекрасной снежной белизны, и только. Но для Гуда, человека скромного по натуре, и этого было более чем достаточно.

Когда мы подошли к центру крааля, Инфадус остановился у входа в большую хижину, окруженную на расстоянии рядом хижин меньшего размера.

– Войдите, сыны звезд, – произнес он торжественным голосом, – и соблаговолите отдохнуть в нашем скромном обиталище. Сюда принесут немного пищи, чтобы вам не пришлось затягивать свои пояса от голода, немного меда и молока, одного или двух быков и несколько овец. Это, конечно, очень мало, о мои повелители, но все же это пища.

– Хорошо, – ответил я. – Инфадус, мы утомлены путешествием через воздушные пространства. Теперь дайте нам отдохнуть.

Мы вошли в хижину, которая оказалась великолепно подготовленной для отдыха. Для нас были разостланы лежа из дубленых шкур, где можно было отдохнуть, и была принесена вода, чтобы мы могли умыться.

Вдруг снаружи слышались крики, и, подойдя к двери, мы увидели процессию девиц, несших молоко, печеные маисовые лепешки и горшок меда. Позади них несколько юношей гнали жирного молодого быка. Мы приняли дары, вслед за тем один из молодых людей вытащил из-за пояса нож и ловко перерезал быку глотку. Через каких-нибудь десять минут они уже сняли с быка шкуру и разрубили его на куски. Лучшие куски мяса были отрезаны

для нас, а остальное я от имени нас всех преподнес воинам, стоявшим вокруг. Они унесли мясо и поделили между собой «дар белых людей».

Амбопа с помощью весьма приятной на вид молодой женщины принялся за работу. Они сварили нашу порцию в большом глиняном горшке на костре, разложенном перед нашей хижиной. Когда мясо было почти готово, мы послали человека к Инфадусу, чтобы передать ему и королевскому сыну Скрагге приглашение присоединиться к нашей трапезе.

Они сейчас же пришли, сели на низенькие табуреты, которых в хижине было несколько штук (кукуаны обычно не сидят на корточках, как зулусы), и помогли нам справиться с ужином. Старый джентльмен был чрезвычайно вежлив и любезен, но нас удивило, что молодой смотрел на нас с явным подозрением. Подобно всем остальным, он испытывал благоговейный ужас перед нашей белой кожей и магическими талантами. Но мне казалось, что, когда он обнаружил, что мы едим, пьем и спим, как обыкновенные смертные, его ужас начал уступать место угрюмому подозрению, заставившему нас держаться настороже.

Во время еды сэр Куртис высказал предположение, что неплохо бы узнать, известно ли нашим хозяевам о судьбе его брата, – может быть, они его видели или слышали о нем. Однако я считал, что пока лучше не касаться этого вопроса.

После ужина мы набили табаком свои трубки и закурили. Это повергло Инфадуса и Скраггу в изумление. Очевидно, кукуаны были незнакомы с божественными свойствами табачного дыма. Эта трава произрастала у них в изобилии, но, подобно зулусам, они только нюхали табак и совершенно не знали его в этом новом для них виде.

Я спросил Инфадуса, когда нам предстоит продолжить путешествие, и с радостью услышал о том, что ведутся приготовления, чтобы отправиться дальше на следующее утро, и что уже посланы гонцы, чтобы уведомить короля Твалу о нашем прибытии. Оказалось, что Твала находится в своей главной резиденции, называемой Луу, и готовится к большому ежегодному празднеству, которое должно состояться на первой неделе июня. На этом празднестве обычно присутствуют и проходят торжественным маршем перед королем все военные части, за исключением нескольких полков, остающихся для несения гарнизонной службы. Там же обычно совершают великую охоту на колдунов, о которой речь будет дальше.

Мы должны были выступить на рассвете. Инфадус, сопровождавший нас, полагал, что если нас случайно не задержит в пути разлив рек, то мы достигнем Луу к ночи второго дня.

Сообщив это, гости пожелали нам доброй ночи. Мы договорились дежурить по очереди; трое из нас бросились на свои ложа и заснули блаженным сном, а четвертый бодрствовал, чтобы возможное предательство не застало нас врасплох.

Глава IX

Король Твала

Думаю, что не стоит особенно подробно рассказывать о нашем путешествии в Луу. Скажу только, что мы шли туда целых два дня по ровной широкой Дороге царя Соломона, ведущей в самую глубь Страны Кукуанов. По мере того как мы продвигались вперед, земля становилась все плодороднее, а краали, окруженные возделанными полями, все многочисленнее. Все они были выстроены по образцу того крааля, в котором мы останавливались накануне, и охранялись большими гарнизонами войск. В Стране Кукуанов, так же как у зулусов и племени мазаи, каждый годный к военной службе человек – воин. Поэтому в войнах, как наступательных, так и оборонительных, фактически участвует весь народ. На нашем пути нас обгоняли тысячи воинов – они спешили в Луу, чтобы присутствовать на торжественном ежегодном параде и после него на большом празднестве. Никогда в жизни мне не приходилось видеть столь внушительные войска.

На второй день пути, к вечеру, мы сделали привал на вершине небольшого холма, по которому пролежала наша дорога. С этого холма мы увидели красивую, плодородную равнину с городом Луу в центре. Он занимал огромную для туземного города площадь, – думаю, что с прилегающими к нему пригородными краалями он был не менее пяти миль в окружности. В этих краалях расквартировывались во время больших торжеств войска, прибывающие из отдаленных частей страны. В двух милях к северу от Луу возвышался холм, имеющий вид подковы, с которым нам впоследствии пришлось хорошо познакомиться. Город был построен в прекрасном месте. Широкая река, с несколькими переброшенными через нее мостами, та самая, что мы видели со склона гор Царицы Савской, протекала через главную королевскую резиденцию и делила ее на две части. Вдали, на расстоянии шестидесяти или семидесяти миль, на совершенно ровной местности высились три горы, расположенные в форме треугольника. На вершине этих диких, крутых и неприступных скал лежал снег, и по очертаниям своим они сильно отличались от гор Царицы Савской, с округлыми и пологими склонами.

Видя, что мы их рассматриваем с большим интересом, Инфадус сказал:

– Там, у подножия гор, которые народ наш называет «Три колдуна», кончается Великая Дорога.

– Почему именно там? – спросил я.

– Кто это может знать? – продолжил старый воин, пожимая плечами. – В горах много пещер, и между ними есть глубокий колодец. Туда-то мудрые древние люди и отправлялись, чтобы найти то, за чем приходили в эту страну. И там же, в Чертоге Смерти, мы хороним своих королей.

– Что они там искали? – перебил я его нетерпеливо.

– Мне не ведомо. Вы, мои повелители, спустившиеся с далеких звезд, должны это знать сами, – ответил Инфадус, бросив на нас быстрый взгляд.

Очевидно, он не хотел нам говорить все.

– Ты прав, – согласился я. – Мы, жители звезд, знаем многое, что вам не известно. Вот, например, я слышал, что мудрые древние люди искали в этих горах красивые яркие камни и желтое железо.

– Повелитель мой мудр, – произнес он холодно. – По сравнению с ним я лишь неразумный ребенок, и потому мне не подобает говорить о таких вещах. Мой повелитель должен побеседовать об этом с престарелой Гагулой, когда он будет в жилище короля, ибо она столь же мудра, как и мой повелитель.

Сказав это, Инфадус ушел. Как только мы остались одни, я обратился к своим друзьям и, указывая на отдаленные горы, воскликнул:

– Вот где находятся алмазные копи царя Соломона!

Амбопа, стоявший около сэра Генри и Гуда, услышал эти слова. Я заметил, что за последнее время он стал как-то особенно задумчив и рассеян и редко вступал с нами в разговор.

– Да, Макумазан, – обратился он ко мне по-зулусски, – алмазы находятся там, и они, конечно, будут ваши, ибо вы, белые люди, очень любите деньги и блестящие камни.

– Откуда ты знаешь, что алмазы находятся в этих горах, Амбопа? – резко спросил я его. Мне не нравилась таинственность его поведения и постоянные недомолвки.

– Я видел это сегодня ночью во сне, белые люди, – засмеялся Амбопа и, круто повернувшись, отошел.

– Что наш черный друг хотел этим сказать и что у него на уме? – задумался сэр Куртис. – Совершенно очевидно, он что-то знает, но предпочитает молчать. Между прочим, Квотермейн, не слышал ли он от наших проводников чего-нибудь о моем... брате?

– К сожалению, ничего. Он расспрашивал об этом всех, с кем за это время успел подружиться, но ему ответили, что в этой стране никто и никогда не видел ни одного белого человека.

– Неужели вы думаете, что ваш брат мог сюда добраться? – спросил Гуд. – Ведь сами-то мы попали сюда чудом. Кроме того, как бы он нашел дорогу, не имея карты?

– Не знаю. – Лицо сэра Генри омрачилось. – Но мне кажется, что я все-таки найду его.

Пока мы разговаривали, солнце медленно садилось за горизонт, и вдруг землю окутал мрак. В этих широтах нет сумерек, поэтому и нет постепенного, мягкого перехода от дня к ночи – день обрывается так же внезапно, как внезапно обрывается жизнь при наступлении смерти. Солнце село, и весь мир погрузился во тьму. Но вскоре на западе появилось слабое мерцание, затем серебряный свет, и наконец полный великолепный диск луны осветил равнину стрелами своих сверкающих лучей, озаряя всю землю нежным сиянием. Мы стояли и наблюдали это восхитительное зрелище. Я не могу описать все величие этой несказанной красоты, перед которой померкли звезды, и сердца наши, устремившиеся ввысь, наполнились благоговейным восторгом.

Жизнь моя была полна трудностей и забот, но есть воспоминания, вызывающие у меня чувство благодарности за то, что я жил. Одно из них – это воспоминание о том, как светит луна в Стране Кукуанов.

Созерцание было прервано нашим учтивым другом Инфадусом.

– Если мои повелители отдохнули, мы можем идти дальше. В Луу для вас уже приготовлено жилище. Луна светит ярко и будет освещать нам дорогу.

Мы тотчас же выразили свое согласие и немедленно тронулись в путь. Через час мы уже подошли к Луу, размеры которого нам показались бесконечными. Окруженный тысячами сторожевых костров, он казался опоясанным огромным огненным кольцом. Вскоре мы приблизились ко рву с перекинутым через него подъемным мостом и слышали бряцание оружия и глухой окрик часового. Инфадус произнес пароль, который я как следует не разобрал; стража, узнав своего начальника, приветствовала его, и мы вошли в город.

С полчаса мы шествовали по главной улице мимо бесчисленных рядов плетенных из травы хижин, пока Инфадус не остановился около небольшой группы домиков, окружавших маленький двор, вымощенный толченым известняком.

Войдя в этот двор, Инфадус объявил нам, что эти «жалкие обиталища» предназначены для нашего жилья. Каждому из нас была приготовлена отдельная хижина. Они были значительно лучше, чем те, что мы уже видели, и в каждой из них была очень удобная постель из душистых трав, накрытая дубленой шкурой; тут же стояли большие глиняные сосуды

с водой. Ужин для нас был уже приготовлен, и не успели мы умыться, как несколько красивых молодых женщин с глубоким поклоном подали нам жареное мясо и печеные маисовые лепешки, красиво сервированные на деревянных тарелках.

Мы поели с большим аппетитом и затем попросили перенести все постели в одну хижину, причем эта мера предосторожности вызвала улыбку на лицах милых молодых леди. Смертельно уставшие от долгого путешествия, мы бросились на постели и заснули крепким сном. Когда мы проснулись, солнце было уже высоко. Наши прислужницы, лишенные чувства ложной стыдливости, находились уже в хижине, поскольку им приказали помочь нам одеться, чтобы идти на прием к королю.

– Одеться! – ворчал Гуд. – Для того чтобы надеть фланелевую рубашку и пару ботинок, не требуется много времени. Квотермейн, попросите их принести мои брюки.

Я исполнил его просьбу, но мне сказали, что эти священные реликвии уже отнесены королю и он ожидает нас к себе до полудня.

Попросив наших молодых леди удалиться, что, по-видимому, их чрезвычайно удивило и огорчило, мы начали одеваться, стараясь сделать это как можно тщательнее.

Капитан Гуд, конечно, не выдержал и снова побрил правую часть лица, намереваясь сделать то же самое с левой, на которой красовалась густая поросль щетины, но мы уговорили его ни в коем случае ее не трогать. Что касается меня и сэра Куртиса, мы только как следует умылись и расчесали волосы. Золотые локоны сэра Генри сильно отросли и ниспадали до плеч, что придавало ему, как никогда, сходство с древним викингом. Моя же седая щетина была по крайней мере на целый дюйм длиннее того полудюйма, который я считаю допустимой длиной.

После того как мы позавтракали и выкурили по трубке, к нам явился сам Инфадус и сообщил, что, если нам будет угодно, король Твала готов нас принять.

Мы ответили, что предпочли бы пойти к нему, когда солнце поднимется выше, что мы еще крайне утомлены после столь долгого пути, и выдумали еще ряд других причин. Так всегда следует поступать, когда имеешь дело с дикарями: нельзя немедленно откликаться на их зов, потому что они склонны принимать вежливость за страх и раболепство. Хоть нам и хотелось увидеть Твалу не менее, чем ему нас, мы все же не спешили и просидели у себя еще час, заняв это время тем, что отобрали из нашего скудного запаса вещей подарки для короля и его приближенных. Дары эти состояли из винчестера бедняги Вентфогеля и небольшого количества бус. Винтовку с патронами было решено подарить его величеству, а бусы – его женам и придворным. Инфадус и Скрагга уже получили от нас в подарок такие бусы и были от них в восторге, поскольку никогда в жизни не видели ничего подобного. Наконец мы заявили, что готовы идти на прием, и вышли из хижины в сопровождении Инфадуса и Амбопы, несущего наши дары.

Преодолев несколько сот ярдов, мы очутились у ограды, похожей на ту, которая окружала наши хижины, но раз в пятьдесят длиннее, так как она охватывала не менее шести или семи акров земли. Вокруг внешней стороны изгороди тянулся ряд хижин, где жили жены короля. Как раз напротив главных ворот, в глубине огромной площади, стояла особняком очень большая хижина – это была резиденция его величества. Вся остальная площадь была пуста, вернее была бы пуста, если бы ее не заполняли многочисленные отряды воинов, не менее семи-восьми тысяч человек. Когда мы проходили мимо них, они застыли, словно изваяния. Трудно передать словами, какое величественное зрелище представляли собой эти войска с развевающимися плюмажами, сверкающими на солнце копьями и железными щитами, обтянутыми буйволовыми шкурами. На пустой части площади перед королевской хижинкой стояло несколько табуретов. Три из них мы заняли по указанию Инфадуса, Амбопа стал позади нас, а сам Инфадус остался у дверей королевского жилища.

На площади царила мертвая тишина. Более десяти минут мы ждали выхода его величества и все это время чувствовали, что нас с любопытством рассматривает около восьми тысяч пар глаз. Должен признаться, что ощущение было не из приятных, но мы делали вид, что это нас не касается. Наконец дверь большой хижины распахнулась, и из нее вышел гигантского роста человек, на плечи которого была наброшена великолепная короткая мантия из тигровых шкур; следом за ним шел Скрагга и, как нам сперва показалось, высохшая, совершенно сморщенная, закутанная в меховой плащ обезьяна. Гигант сел на один из табуретов, за ним стал Скрагга, а сморщенная обезьяна поползла на четвереньках и уселась на корточках в тени под навесом хижины.

Полное безмолвие продолжалось.

Вдруг гигант скинул с себя мантию и выпрямился во весь рост. Это было поистине жуткое зрелище. У него были безобразно толстые губы, широкий плоский нос и только один черный глаз, в котором сверкала злоба, на месте же второго глаза зияла дыра. Мне в жизни не приходилось видеть более отвратительное, свирепое, плотоядное лицо. На огромной голове развевался султан из роскошных белых страусовых перьев; грудь его охватывала блестящая кольчуга; вокруг пояса и правого колена висели обычные украшения из белых буйволовых хвостов. На шее этого страшного человека было надето золотое ожерелье в виде толстого жгута, а на лбу тускло мерцал громадный нешлифованный бриллиант. В руке он держал длинное тяжелое копьё. Мы сразу догадались, что это Твала.

Молчание длилось недолго. Вдруг король поднял свое копьё. В ответ на это восемь тысяч рук тоже подняли свои копья и из восьми тысяч глоток вырвался троекратный королевский салют: «Куум!» Казалось, что от этого рева, который можно было сравнить лишь с оглушительным раскатом грома, трижды содрогнулась земля.

– Будьте покорны, о люди! – пропищал пронзительный, тоненький голосок из-под навеса крыши, где сидела обезьяна. – Это король!

– Это король! – как эхо, прогремели в ответ восемь тысяч глоток. – Будьте покорны, о люди, – это король!

Снова на площади наступила мертвая тишина.

Внезапно один из воинов, стоявший на левом фланге, случайно уронил щит, который со звоном упал на вымощенную известняком площадь.

Твала холодно взглянул своим единственным глазом в ту сторону, где стоял воин, упустивший щит.

– Эй, ты, подойди сюда! – закричал он громовым голосом, обращаясь к нарушителю тишины.

Из рядов вышел красивый юноша и остановился перед королем.

– Это ты уронил щит, неуклюжий пес? Это ты опозорил меня перед чужеземцами, прибывшими со звезд? Как ты смел это сделать?

Как ни темна была кожа бедного юноши, мы увидели, что он побледнел.

– О Телец Черной Коровы, – прошептал юный воин, – это произошло случайно.

– За эту случайность ты должен заплатить жизнью. Ты поставил меня в дурацкое положение. Готовься к смерти.

– Я лишь бык короля! – тихо произнес юноша.

– Скрагга! – загремел король. – Покажи мне, как ты умеешь владеть оружием. Убей этого неуклюжего пса.

Со зловещей усмешкой Скрагга вышел вперед и поднял свое копьё. Бедная жертва стояла неподвижно, закрыв лицо руками. Мы же окаменели от ужаса.

Скрагга два раза взмахнул копьём и вонзил его в грудь юноши; удар был настолько силен, что копьё, пройдя насквозь, вышло на целый фут наружу между лопатками воина. Взмахнув руками, несчастный упал замертво. Ропот неодобрения, подобно отдаленному

грому, пронесся по сомкнутым рядам войск и замер. Не успели мы осознать весь ужас этой кровавой трагедии, как у наших ног лежал распростертый труп несчастного юного воина. Со страшным проклятьем сэр Генри вскочил на ноги, но, подавленный всеобщим безмолвием, опустил обратно на свое место.

– Удар был хорош, – произнес король. – Уберите его отсюда!

Четыре человека вышли из рядов войск, подняли тело убитого юноши и унесли его.

– Засыпьте кровавые пятна, засыпьте их! – пропищал тоненький голосок обезьяноподобного существа. – Король сказал свое слово, и приговор его совершен!

Из-за хижины вышла девушка с сосудом, наполненным толченым известняком, и густо посыпала им лужи крови. Сэр Генри был в бешенстве и едва сдерживал клокотавшее в нем негодование. С большим трудом мы уговорили его успокоиться.

– Ради бога, сидите спокойно! – шепнул я ему. – Помните, что от нашего разумного поведения зависит наша жизнь.

Сэр Генри это понял и овладел собой.

Пока уничтожали следы только что разыгравшейся трагедии, Твала сидел молча, но, как только девушка удалилась, обратился к нам:

– Белые люди, пришедшие сюда не знаю откуда и зачем, приветствую вас!

– Приветствую тебя, Твала, король кукуанов! – ответил я.

– Белые люди, откуда вы пришли и что ищите в нашей стране?

– Мы спустились со звезд, чтобы посмотреть на Землю Кукуанов. Не спрашивай нас, как мы это сделали.

– Долгое же путешествие вы совершили, чтобы взглянуть на столь маленькую страну! А вот этот человек, – сказал он, указывая на Амбопу, – тоже спустился со звезд?

– Да, и он, – подтвердил я. – На небесах тоже есть люди твоего цвета. Но не спрашивай нас о вещах, которые выше твоего понимания, король Твала!

– Вы, люди звезд, очень смело со мной разговариваете, – произнес Твала странным голосом. – Не забывайте, что звезды далеко, а вы здесь. А что, если я сделаю с вами то же, что и с тем, кого только что унесли?

Я громко рассмеялся, хотя мне было вовсе не до смеха.

– О король! – промолвил я. – Будь осторожен, когда ступаешь по горячим камням, чтобы не обжечь себе ноги, держи копьё за древко, чтобы не поранить себе руки. Если хоть один волосок упадет с головы моей или моих друзей, тебя поразит смерть. Разве твои люди, – продолжил я, указывая на Инфадуса и мерзавца Скраггу, который в это время вытирал кровь несчастного юноши со своего копья, – не сообщили тебе о том, что мы за люди? И видел ли ты человека, подобного этому? – И я указал на капитана Гуда, совершенно уверенный в том, что никогда ничего похожего он не мог видеть.

– Правда, таких людей я никогда не видел, – ответствовал король.

– Разве они не говорили тебе, как мы поражаем смертью издалека?

– Говорили, но я им не верю. Дай мне посмотреть, как вы это делаете. Убей одного из тех воинов, что стоят вон там, – и он указал на противоположную сторону крааля, – и тогда я поверю.

– Мы не проливаем невинной крови, – возразил я. – Мы убиваем лишь тогда, когда человек в чем-нибудь провинился и заслуживает такой кары. Если же ты хочешь убедиться в нашем могуществе, вели своим слугам пригнать в твой крааль быка, и он упадет мертвым прежде, чем пробежит двадцать шагов.

– Нет, – рассмеялся король, – убей человека, и тогда я поверю.

– Хорошо, о король! Пусть будет по-твоему, – сказал я спокойно. – Пройди через площадь к воротам крааля, и, прежде чем ты дойдешь до них, ты будешь мертв. Если не хочешь

идти сам, пошли твоего сына Скраггу (надо сказать, что в тот момент мне бы доставило большое удовольствие подстрелить этого негодяя).

Услышав эти слова, Скрагга с воплем ужаса бросился в хижину.

Твала высокомерно взглянул на меня и нахмурился: мое предложение ему было явно не по душе.

– Пусть пригонят молодого быка, – приказал он двум слугам.

Те со всех ног бросились исполнять его приказание.

– Стреляйте вы, – обратился я к сэру Куртису. – Я хочу показать этому бандиту, что я не единственный колдун в нашей компании.

Сэр Генри тотчас взял винтовку и взвел курок с тяжелым вздохом:

– Надеюсь, что я не промахнусь.

– Если не попадете с первого раза, стреляйте второй раз. Цельтесь на сто пятьдесят ярдов и ждите, пока животное не повернется к вам боком.

Снова наступило молчание.

Вдруг в воротах крааля показался бык. Увидев такое скопление народа, он остановился, обводя толпу испуганными, бессмысленными глазами, затем круто повернулся и замычал.

– Стреляйте! – прошептал я.

«Бум! Бум!» – раздался оглушительный выстрел, и все увидели, что бык лежит на спине, конвульсивно дергая ногами: разрывная пуля угодила ему прямо в ребра. Многотысячная толпа замерла от удивления и ужаса.

С невозмутимым видом я повернулся к королю:

– Ну что, солгал я тебе, о король?

– Нет, белый человек, ты сказал правду, – молвил Твала с почти благоговейным ужасом.

– Знай же, Твала, мы пришли сюда с миром, а не с войной. Посмотри! – И я высоко поднял винчестер. – Вот этой палкой с дырой посередине ты сможешь убивать, как мы. Только помни, что я ее заколдовал. Если ты поднимешь эту волшебную палку против человека, она убьет не его, а тебя. погоди! Я хочу показать тебе еще кое-что. Пусть один из твоих воинов отойдет от нас на сорок шагов и вонзит в землю древко копья так, чтобы его лезвие было обращено к нам плоской стороной.

Это приказание было мгновенно исполнено.

– Теперь, о король, смотри! Отсюда я вдребезги разнесу это копье.

Тщательно прицелившись, я выстрелил, и пуля, ударив в середину лезвия, раздробила его на куски.

На площади снова пронесся вздох ужаса и изумления.

– Так вот, Твала, мы дарим тебе эту заколдованную палку, и со временем я научу тебя, как с ней обращаться. Но берегись направить волшебство жителей звезд против человека на земле! – С этими словами я подал ему винтовку.

Король взял наш подарок очень осторожно и положил его у своих ног. В эту минуту я заметил, что сморщенная обезьяноподобная фигурка появилась из-под навеса хижины. Она ползла на четвереньках, но, когда приблизилась к месту, где сидел король, поднялась на ноги, сбросила с себя скрывавший ее меховой плащ, и перед нами предстало самое необыкновенное и жуткое человеческое существо. Это была древняя старушонка, лицо которой так высохло и съежилось от возраста, что по величине было не больше, чем у годовалого ребенка. Его изрыли глубокие желтые морщины, среди которых проваленная щель обозначала рот, ниже выдавался далеко вперед острый, загнутый подбородок. Нос у этого существа отсутствовал, и вообще его можно было принять за высушенный на солнце труп, если бы на лице не горели ярким пламенем большие черные умные глаза, смотревшие осмысленно и живо из-под совершенно белых бровей, над которыми выступал желтый, как пергамент,

лоб. На лысой голове желтого цвета сморщенная кожа двигалась и сокращалась, будто кожа на капюшоне кобры.

Мы невольно вздрогнули от ужаса и отвращения при виде этой страшной старухи. С минуту она стояла неподвижно, потом вдруг вытянула свою костлявую руку, похожую на лапу хищной птицы с когтями длиной почти в дюйм, и, положив ее на плечо Твалы, заговорила тонким, пронзительным голосом:

– О король, слушай меня! Слушайте меня, о воины! Слушайте, о горы, равнины и реки, и вся родная Страна Кукуанов! Слушайте, о небеса и солнце, о дождь и бури, и туманы! Слушайте, о мужчины и женщины, юноши и девушки, и вы, младенцы, лежащие в утробе матерей! Слушай меня все, что живет и должно умереть! Слушай меня все, что умерло и должно снова ожить и снова умереть! Слушайте! Дух жизни находится во мне, и я пророчествую. Я пророчествую! Я пророчествую!

Последние ее слова замерли в слабом вопле, и ужас охватил всех присутствующих, включая и нас. Старуха была поистине жутка.

– Кровь! Кровь! Кровь! Реки крови, кровь всюду! – снова завопила она. – Я вижу ее, слышу ее запах, чувствую ее вкус – она соленая! Она бежит по земле красным потоком и падает с неба дождем.

Шаги! Шаги! Шаги! Это поступь белого человека. Он идет издалека. Земля содрогается от его шагов; она дрожит и трепещет перед своим господином.

Как хороша эта кровь, эта красная, яркая кровь! Нет ничего лучше запаха свежей крови. Львы, рыча, будут жадно лакать ее, хищные птицы будут омыwać в ней свои крылья и пронзительно кричать от радости!

Я стара! Стара! Я видела в своей жизни много крови. Ха! Ха! Ха! Но я увижу ее еще больше, прежде чем умру, и душу мою охватят радость и веселье. Сколько мне лет, как вы думаете? Ваши отцы знали меня, и их отцы знали меня, и отцы их отцов. Я видела белого человека и знаю его желания. Я стара, но горы старше меня. Скажите мне, кто проложил Великую Дорогу? Кто начертил изображения на скалах? Кто там воздвиг трех Молчаливых, что сидят в горах у колодца и созерцают нашу страну? – И она указала на три крутые скалистые горы, на которые мы обратили внимание еще накануне. – Вы не знаете, а я знаю. Задолго до вас здесь были белые люди. И они снова придут сюда, и вас не станет, ибо они пожрут и уничтожат вас. Да! Да! Да! И зачем они приходили сюда, эти белые, грозные, мудрые, могучие, настойчивые и столь искусные в колдовстве люди?

О король! Откуда у тебя блестящий камень, что украшает твое чело? О король! Чьи руки сделали железное одеяние, которое ты носишь на своей груди? Ты не знаешь, а я знаю. Я – Старая, Мудрая, я – Изанузи, великая колдунья!

Потом она повернула свою лысую голову хищной птицы в нашу сторону и воскликнула:

– Чего вы ищете у нас, белые люди, спустившиеся со звезд... да, да, со звезд! Вы ищете потерявшегося человека? Вы его здесь не найдете. Его нет в нашей стране. Уже давным-давно ни один белый человек не ступал на нашу землю, кроме одного, но и тот покинул ее, чтобы умереть. Вы пришли за блестящими камнями! Я знаю это, знаю. Вы найдете их, когда высохнет кровь. Но вернетесь ли вы туда, откуда пришли, или останетесь со мной? Ха! Ха! Ха!

А ты, ты, с темной кожей и горделивой осанкой, – и она указала своим костлявым пальцем на Амбопу, – кто ты и чего ты ищешь? Конечно, не сверкающих камней, не желтого мерцающего железа – это ты оставляешь для «белых жителей звезд». Мне кажется, я знаю тебя. Мне кажется, я чую запах крови в твоем сердце. Сбрось свою мучу...

Вдруг лицо этого отвратительного существа стало дергаться, изо рта ее выступила пена, и в припадке эпилепсии она забилась на земле. Ее подняли и унесли в хижину.

Король встал, дрожа с головы до ног, взмахнул рукой, и полки в безукоризненном строе направились к выходу.

Через десять минут огромная площадь опустела, и мы остались наедине с королем и его немногочисленными приближенными.

– Белые люди, – обратился он к нам, – всех вас нужно предать смерти. Гагула произнесла странные слова. Что скажете?

– О король, будь осторожен! – рассмеялся я. – Нас не так легко убить. Ты видел, что мы сделали с быком? Неужели ты хочешь, чтобы мы сделали с тобой то же самое?

Твала нахмурился.

– Не подобает угрожать королю!

– Мы не угрожаем, а говорим истину. О король! Попробуй нас убить, и тебе несдобровать.

Огромный дикарь приложил руку ко лбу и на минуту задумался.

– Идите с миром, – промолвил он наконец. – Сегодня вечером будет великая пляска. Вы увидите ее. Не бойтесь, я не готовлю вам западню. А завтра я подумаю, как мне с вами поступить.

– Хорошо, король, – ответил я равнодушно.

Мы встали и в сопровождении Инфадуса отправились в наш крааль.

Глава X

Охота на колдунов

Когда мы подошли к своей хижине, я знаком пригласил Инфадуса войти вместе с нами.

– Послушай, Инфадус, – обратился я к нему, – мы желаем говорить с тобой.

– Пусть мои повелители говорят.

– Нам кажется, Инфадус, что король Твала – жестокий человек.

– Это так, мои повелители. Увы! Страна стонет от его жестокости. Сегодня ночью вы многое увидите сами. Ночью будет великая охота на колдунов. Многих выследят и убьют. Никто не может быть спокоен за свою жизнь. Если король пожелает отнять у человека его скот или его жизнь или же если он подозревает, что человек может поднять против него мятеж, тогда Гагула, которую вы видели, или другая женщина из охотниц за колдунами, обученных ею, почуют, будто этот человек – колдун, его убьют. Многие умрут этой ночью, прежде чем побледнеет луна. Так бывает всегда. Может быть, и мне угрожает смерть. До сих пор меня щадили, потому что я опытен в военном деле и меня любят мои воины, но я не знаю, долго ли еще мне удастся сохранить жизнь. Страна стонет от жестокости короля Твалы. Она изнемогает под его кровавым гнетом.

– Так почему же, Инфадус, народ не свергнет его?

– О нет, повелитель, все же он король, да и если бы его убили, Скрагга правил бы вместо него, а сердце Скрагги еще чернее, чем сердце его отца Твалы. Если бы Скрагга стал королем, то ярмо, которое он надел бы на наши шеи, было бы тяжелее ярма Твалы. Если бы Имоту был жив или если бы не погиб его сын Игнози, все было бы иначе. Но их нет уже среди живых.

– Откуда ты знаешь, что Игнози умер? – спросил чей-то голос позади нас.

Мы оглянулись в изумлении, чтобы посмотреть, кто говорит. Это был Амбопа.

– Что ты хочешь сказать, юноша? – удивился Инфадус. – И почему ты осмеливаешься говорить?

– Выслушай мой рассказ, Инфадус, – сказал Амбопа. – Много лет назад в этой стране был убит король Имоту, а его жена вместе с сыном, которого звали Игнози, спаслась бегством. Не так ли?

– Это так.

– Говорили, что женщина и мальчик умерли в горах. Правда ли это?

– И это так.

– Хорошо. Но случилось иначе – и мать, и сын, Игнози, не умерли. Они перебрались через горы и вместе с кочевым племенем прошли через пески, лежащие за горами, и добрались до земли, где тоже есть вода и растут трава и деревья.

– Как ты узнал это?

– Послушай. Они шли все дальше и дальше в течение многих месяцев, пока не достигли наконец земли, где живет воинственный народ амазулу, родственник кукуанам. Среди этого народа они и влачили существование в течение многих лет, пока мать не умерла. Тогда сын ее, Игнози, вновь стал скитальцем и ушел в Страну Чудес, где живут белые люди, и там он еще много лет учился мудрости белых.

– Странную историю ты рассказываешь, – недоверчиво произнес Инфадус.

– Долгие годы он провел там – был и слугой, и воином, но в сердце своем хранил все, что его мать рассказывала о родине. Он измышлял способы вернуться, чтобы увидеть свой народ и дом своего отца прежде, чем ему самому суждено умереть. Много лет он ждал, и вот пришло время, когда судьба свела его с белыми людьми, которые хотели разыскать эту неизвестную страну, и он присоединился к ним. Белые люди отправились в путь и шли все вперед

и вперед в поисках того, кто исчез. Они прошли через пылающую пустыню, они переправились через горы, увенчанные снегом, и достигли Страны Кукуанов и встретились с тобой, о Инфадус!

– Ты, конечно, безумен, иначе не говорил бы так, – ответил старый воин, пораженный тем, что услышал.

– Напрасно ты так думаешь. Смотри же, что я покажу тебе, о брат моего отца! Я Игнози, законный король кукуанов!

С этими словами он одним движением сорвал набедренную повязку и предстал перед нами совершенно обнаженный.

– Знаешь ли ты, что это такое? – И он указал на знак Великой Змеи, вытатуированный синей краской на его теле.

Хвост змеи исчезал в ее открытой пасти чуть-чуть повыше бедра.

Инфадус смотрел, и глаза его чуть не вылезли из орбит от изумления. Затем он упал на колени.

– Куум! Куум! – воскликнул он. – Это сын моего брата, это король!

– Разве я не сказал тебе то же самое, брат моего отца? Встань – я еще не король, но с твоей помощью и с помощью моих друзей, отважных белых людей, я буду королем. Престарелая Гагула сказала правду: сначала земля обогрится кровью, но я добавлю, что прольется и ее кровь, если она течет в жилах этой ведьмы, потому что она убила своими словами моего отца и изгнала мою мать. А теперь, Инфадус, выбирай. Пожелаешь ли ты вложить свои руки в мои и помогать мне? Пожелаешь ли ты делить со мною опасности, которые угрожают мне, и помочь мне свергнуть тирана и убийцу или не пожелаешь? Выбирай!

Старик задумался, приложив ко лбу руку. Затем он поднялся, приблизился к месту, где стоял Амбопа, или, вернее, Игнози, преклонил перед ним колени и коснулся его руки:

– Игнози, законный король кукуанов, я согласен вложить мои руки в твои, и я буду служить тебе до самой смерти. Когда ты был ребенком, я качал тебя на своем колене, теперь же моя старая рука возьмется за оружие, чтобы сражаться за тебя и за свободу.

– Ты хорошо сказал, Инфадус! Если я одержу победу, ты будешь первым человеком в стране после короля. Если меня ждет поражение, ты можешь всего лишь умереть, а твоя смерть и так недалека. Встань, брат моего отца. А вы, белые люди, поможете ли вы мне? Что я могу вам предложить? Если я одержу победу и смогу найти эти сверкающие камни, вы получите их столько, сколько будете в состоянии унести отсюда. Но достаточно ли будет этого?

Я перевел его слова.

– Скажите ему, – ответил сэр Куртис, – что он неправильно судит об англичанах. Богатство – хорошая вещь, и, если оно повстречается на нашем пути, мы не откажемся от него, но джентльмен не продается за богатство. Однако от своего имени я хочу сказать следующее. Мне всегда нравился Амбопа, и я буду стоять с ним рядом в борьбе за его дело. Я с большим удовольствием попытаюсь свести счеты с этим злобным дьяволом Твалой. А что скажете вы, Гуд, и вы, Квотермейн?

– Что ж, – отозвался капитан, – вы можете ему передать, выражаясь цветистым языком, от которого, кажется, в восторге все эти люди, что драка безусловно неплохая штука и радует сердце настоящего человека. Поэтому на меня он может рассчитывать. Я ставлю ему единственное условие – пусть он разрешит мне ходить в брюках.

Я перевел оба ответа.

– Благодарю, друзья мои, – сказал Игнози, в прошлом Амбопа. – А что скажешь ты, Макумазан? Останешься ли ты также со мной, старый охотник, более мудрый, чем раненый буйвол?

Я почесал в затылке, слегка призадумавшись.

– Амбопа, или Игнози, я не люблю революций. Я человек мирный и даже немного трусоват (тут Игнози улыбнулся), но, с другой стороны, остаюсь верным своим друзьям. Ты был верен нам и вел себя как настоящий мужчина, и я не оставлю тебя. Но имей в виду, что я торговец и вынужден зарабатывать на жизнь, поэтому я принимаю твое предложение алмазов, в случае если нам когда-нибудь удастся завладеть ими. И еще одно: мы пришли сюда, как тебе известно, на поиски пропавшего брата Инкубу. Ты должен помочь нам найти его.

– Я это сделаю, – пообещал Игнози. – Послушай, Инфадус, – продолжил он, повернувшись к старому воину, – заклинаю тебя священным знаком змеи, обвинившейся вокруг моего тела, скажи мне правду: известно ли тебе, чтобы нога белого человека ступала на эту землю?

– Нет, о Игнози.

– Если бы белого человека видели здесь или слышали о нем, ты знал бы об этом?

– Конечно, знал бы.

– Ты слышишь, Инкубу? – обратился Игнози к сэру Генри. – Его здесь не было.

– Да, да, – со вздохом проговорил сэр Генри, – это так. Думаю, что ему не удалось добраться сюда. Несчастный Джордж! Итак, все наши усилия напрасны. Да будет воля Господня!

– Ну, а теперь к делу, – прервал его я, желая избежать дальнейшего разговора на эту печальную тему. – Конечно, очень хорошо быть королем по божественному праву, Игнози, но каким образом ты намереваешься стать королем в действительности?

– Не знаю. Есть ли у тебя какой-нибудь план, Инфадус?

– Игнози, сын молнии, сегодня ночью будет великая пляска и охота на колдунов. Многих выследят, и они погибнут, и в сердцах живых останутся горе, боль и гнев на короля Твалу. Когда пляска закончится, я обращусь к главным военачальникам, которые в свою очередь, если мне удастся привлечь их на свою сторону, будут говорить со своими полками. Сначала я побеседую с военачальниками тайно и приведу их сюда, чтобы они могли воочию убедиться в том, что ты король. К рассвету ты будешь иметь под своим командованием двадцать тысяч копий. А теперь я должен удалиться, чтобы думать, слушать и готовиться. Когда закончится пляска, если мы останемся в живых, я встречу с тобой здесь, и мы поговорим. Знай, что в лучшем случае нам предстоит война.

В этот момент наше совещание было прервано громкими возгласами, возвещавшими прибытие посланцев короля. Подойдя к двери хижины, мы приказали их пропустить, и тотчас вошли трое гонцов. Каждый из них нес сверкающую кольчугу и великолепный боевой топор.

– Дары нашего повелителя короля белым людям, спустившимся со звезд! – провозгласил сопровождавший их герольд.

– Мы благодарим короля, – ответил я. – Ступайте.

Посланцы ушли, а мы с огромным интересом принялись рассматривать доспехи. Такой великолепной кольчуги нам никогда не приходилось видеть. Звенья ее были настолько тонки, что, сложив целиком, можно было накрыть ее двумя ладонями.

– Неужели эти вещи делают в вашей стране, Инфадус? – воскликнул я. – Они очень красивы.

– Нет, мой господин, они дошли до нас от наших предков. Мы не знаем, кем они изготовлены. Теперь их осталось совсем мало, и только люди, в жилах которых течет королевская кровь, имеют право их носить. Это заколдованные одеяния, защищающие от копий. Тем, кто их носит, почти не грозит опасность в бою. Король или чем-то очень доволен, или же очень страшится чего-то, иначе не прислал бы их. Наденьте их сегодня вечером, повелители.

Остаток дня мы провели спокойно. Мы отдыхали и обсуждали свое положение, которое, надо сказать, вселяло беспокойство. Наконец солнце село, вспыхнули сотни сторожевых костров, и в темноте мы слышали тяжелую поступь многих ног и лязг сотен копий –

это шли полки, чтобы занять предназначенное для каждого из них место и подготовиться к великой пляске. Возшла ослепительная полная луна. Мы стояли, любуясь лунной ночью, когда прибыл Инфадус. На нем было полное военное одеяние, и его сопровождал эскорт из двадцати человек, который должен был доставить нас на место пляски. По совету Инфадуса, мы уже облачились в кольчуги, присланные королем, причем поверх них мы надели обычную одежду. К своему удивлению, мы обнаружили, что в них нам было легко и удобно. Стальные рубашки, очевидно когда-то созданные для людей огромного роста, свободно болтались на капитане Гуде и на мне, но могучую фигуру сэра Генри кольчуга облегла, как перчатка. Затем мы пристегнули к поясу револьверы, взяли боевые топоры, подаренные королем вместе с кольчугой, и отправились.

Когда мы прибыли в большой крааль, где утром нас принимал король, мы увидели, что весь он заполнен людьми. Около двадцати тысяч воинов построилось по кругу, каждый полк в отдельности. Полки, в свою очередь, делились на отряды, между которыми были оставлены узкие проходы, чтобы дать возможность охотницам за колдунами двигаться по ним взад и вперед. Невозможно себе представить зрелище более грандиозное, чем это огромное скопление вооруженных людей, застывших в безупречном строю. Они стояли в абсолютном молчании, и луна заливала своим светом лес их поднятых копий, их величественные фигуры, развевающиеся перья и разноцветные щиты. Куда бы мы ни бросили взгляд, всюду ряд за рядом виднелись неподвижные лица, над которыми вздымались бесчисленные копья.

– Наверно, вся армия здесь? – спросил я Инфадуса.

– Нет, Макумазан, лишь третья ее часть. Одна треть ежегодно присутствует на этом празднестве, другая треть собрана снаружи, вокруг крааля, для охраны в случае, если произойдут беспорядки, когда начнется избиение, а еще десять тысяч несут гарнизонную службу на передовых постах вокруг Луу, остальные же охраняют по всей стране краали. Ты видишь – это великий народ.

– Они очень молчаливы, – заметил Гуд.

Действительно, напряженная тишина при таком огромном скоплении живых людей вызывала какое-то тяжелое чувство.

– Что говорит Бугван? – поинтересовался Инфадус и, когда я перевел, мрачно ответил: – Те, над кем витает тень Смерти, всегда молчаливы.

– Многие из них будут убиты?

– Очень многие!

– Кажется, – обратился я к своим спутникам, – нам предстоит присутствовать на гладиаторских играх, на организацию которых не жалеют затрат.

По телу сэра Генри пробежала дрожь, а капитан Гуд заявил, что ему очень хотелось бы, чтобы мы могли уклониться от участия в этом развлечении.

– Скажи мне, Инфадус, не угрожает ли нам опасность? – задал я волновавший нас вопрос.

– Не знаю, мой повелитель. Думаю, что нет. Во всяком случае, не проявляйте боязни. Если вы переживете эту ночь, все еще может обойтись благополучно. Воины ропщут на короля.

Все это время мы шли к свободному пространству посередине крааля, где стояло несколько табуретов. Направляясь туда, мы увидели другую маленькую группу людей, приближающуюся со стороны королевской хижины.

– Это король Твала, его сын Скрагга и престарелая Гагула, и с ними те, кто убивает. – Инфадус указал на людей, сопровождающих короля.

Их было человек двенадцать, все гигантского роста и устрашающей внешности. В одной руке каждый держал копье, а в другой – тяжелую «кэрри», то есть дубину.

Король опустился на табурет в самом центре, Гагула скорчилась у его ног, а Скрагга и палачи стали позади него.

– Приветствую вас, белые повелители! – воскликнул Твала, когда мы очутились рядом. – Сядьте, не тратьте напрасно драгоценного времени – ночь слишком коротка для тех дел, которые должны свершиться. Вы пришли в добрый час, вам предстоит увидеть великое зрелище. Оглянитесь вокруг, белые повелители, оглянитесь! – Своим единственным злобным глазом он обвел полки один за другим. – Могут ли звезды показать вам подобное зрелище? Смотрите, как они трепещут в своей низости, – все те, кто хранит в сердце зло и страшится небесного правосудия!

– Начинайте! Начинайте! – крикнула Гагула своим тонким, пронзительным голосом. – Гиены голодны, они воют и просят пищи. Пора! Пора!

Затем на мгновение наступила напряженная тишина, ужасная из-за предчувствия того, что должно было произойти.

Король вознес свое копье, и внезапно двадцать тысяч ног поднялись, как будто они принадлежали одному человеку, и гулко опустились на землю, сотрясая ее. Это повторилось трижды.

Затем в какой-то отдаленной точке круга одинокий голос затянул песню, похожую на причитание. Припев ее звучал примерно так:

– Каков удел человека, рожденного от женщины?

И из груди каждого участника огромного сборища вырвался ответный вопль:

– Смерть!

Постепенно отряды один за другим подхватывали песню, пока наконец ее не запела вся масса вооруженных людей. Мне было трудно разобрать ее слова, но я понял, что в ней говорилось о человеческих страстях, печалях и радостях. Казалось, это была то любовная песня, то величественно нарастающий боевой гимн и, наконец, погребальная песня, которая внезапно завершилась надрывающим сердце возгласом. От его эха, прокатившегося по окрестностям, кровь застыла в жилах. Затем вновь воцарилось молчание, но король поднял руку, и тишина была нарушена. Послышался быстрый топот ног, и из рядов воинов выбежали к нам странные и зловещие существа.

Когда они приблизились, мы увидели, что это женщины, почти все старые. Их седые космы, украшенные рыбьими пузырями, развевались на бегу. Лица их были раскрашены полосами желтого и белого цвета, змеинные шкуры болтались у них за плечами, вокруг талии постукивали пояса из человеческих костей. Каждая из них держала в сморщенной руке маленький раздвоенный жезл. Всего их было десять. Возле нас они остановились, и одна из них, протянув свой жезл по направлению к скорченной фигуре Гагулы, воскликнула:

– Мать, старая Мать! Мы пришли!

– Так! Так! Так! – отозвалось престарелое олицетворение порока. – Зорки ли ваши глаза, изанузи, те, которые видят во тьме?

– Наши глаза зорки, Мать.

– Так! Так! Так! Открыты ли ваши уши, изанузи, те, которые слышат слова, не сошедшие с языка?

– Наши уши открыты, Мать.

– Так! Так! Так! Бодрствуют ли ваши чувства, изанузи, можете ли вы почуять запах крови, можете ли вы очистить страну от преступников, которые злоумышляют против короля и своих соседей? Готовы ли вы вершить правосудие Небес, вы, кого я обучила, кто вкусил от хлеба моей мудрости и утолил жажду из источника моего волшебства?

– Мы готовы, Мать.

– Тогда идите! Не мешкайте вы, хищницы. Посмотрите на убийц, – и она показала на зловещую группу палачей, стоявших позади нас. – Пусть они наточат свои копья. Белые люди, пришедшие сюда издалека, хотят видеть. Идите.

С диким воплем страшные исполнительницы ее воли рассыпались, подобно осколкам разбившейся вазы, по всем направлениям и, сопровождаемые стуком костей, висящих у них на поясе, направили свой бег в различные точки плотного круга, образованного массами людей. Мы не могли следить за ними всеми и поэтому сосредоточили свое внимание на изанузи, оказавшейся ближе других. В нескольких шагах от воинов она остановилась и начала дикий танец, кружась с почти невероятной быстротой и выкрикивая нечто вроде: «Я чую его, злодея!», «Он близко, тот, кто отравил свою мать!», «Я слышу мысли того, кто злоумышлял на короля!»

Все быстрее и быстрее становилась ее пляска, пока она не довела себя до такого безумного возбуждения, что пена хлопьями полетела с ее скрежещущих челюстей, глаза ее, казалось, выкатились из орбит, и видно было, что все ее тело сотрясает дрожь. Внезапно она замерла на месте и вся напряглась, как охотничья собака, почуявшая дичь. Затем, вытянув вперед свой жезл, она начала крадучись подползать к воинам. Нам казалось, что, по мере того как она приближалась, их стоическая выдержка поколебалась, и они подались назад. Что касается нас, мы следили за ее движениями, окаменев от ужаса. Передвигаясь на четвереньках, она оказалась перед ними вновь, остановилась, как собака, делающая стойку, и затем проползла еще шага два.

Конец наступил внезапно. С криком она вскочила и коснулась высокого воина своим раздвоенным жезлом. Сейчас же два его товарища, стоявшие рядом с ним, схватили за руки обреченного на смерть человека и вместе с ним приблизились к королю.

Воин не сопротивлялся, но мы заметили, что он с трудом переставляет ноги, как будто они парализованы, а его пальцы, из которых выпало копье, безжизненны, как у только что умершего человека.

Пока его вели, двое из группы отвратительных палачей вышли ему навстречу. Поравнявшись со своей жертвой, они повернулись к королю, словно ожидая приказа.

– Убить! – сказал король.

– Убить! – проскрипела Гагула.

– Убить! – эхом отозвался Скрагга с довольным смешком.

Не успели еще отзвучать эти слова, как страшное дело уже свершилось. Один из палачей вонзил свое копье в сердце жертвы, а другой для полной уверенности разбил ему череп своей огромной дубиной.

– Один, – открыл счет король Твала.

Тело оттащили на несколько шагов в сторону и бросили.

Едва успели это сделать, как привели другого несчастного, словно быка на бойню. На этот раз по плащу из шкуры леопарда мы увидели, что это важный человек. Вновь прозвучали ужасные слова, и жертва упала мертвой.

– Два, – считал король.

Кровавая игра продолжалась, пока около сотни мертвых тел не было уложено рядами позади нас. Я слышал о состязании гладиаторов при цезарях и о боях быков в Испании, но возьму на себя смелость усомниться в том, что это хоть вполовину настолько ужасно, как кукуанская охота на колдунов. Во всяком случае, состязание гладиаторов и испанские бои быков доставляли хоть какое-то развлечение зрителям, чего здесь, конечно, не было совершенно. Самый отъявленный любитель острых ощущений постарался бы избежать подобного зрелища, если бы знал, что именно он, собственной персоной, может стать участником следующего «номера».

Один раз мы не выдержали, поднялись и пытались протестовать, но Твала резко остановил нас.

– Пусть свершается правосудие, белые люди. Эти собаки – преступные колдуны, и то, что они должны умереть, справедливо. – Таков был единственный ответ, которым он нас удостоил.

Около половины одиннадцатого наступил перерыв. Охотницы за колдунами собрались вместе, очевидно утомленные своей кровавой работой, и мы думали, что представление закончено. Но это было не так. Неожиданно, к нашему удивлению, старуха Гагула поднялась со своего места, где она сидела скрючившись. Опираясь на палку, она заковыляла по открытой площадке.

Отвратительная старая ведьма с головой стервятника, согнувшаяся почти вдвое под грузом неисчислимых лет, представляла собой омерзительное зрелище, в особенности когда, постепенно набираясь сил, наконец начала метаться из стороны в сторону с не меньшей энергией, чем ее зловещие ученицы. Она металась вперед и назад, монотонно напевая себе под нос, и наконец бросилась на высокого мужчину во главе одного из полков и коснулась его. В рядах его подчиненных послышалось нечто вроде стоны. Тем не менее два воина из полка схватили жертву и повели на казнь. Впоследствии мы узнали, что командир обладал огромным богатством и влиянием, поскольку приходился королю двоюродным братом.

Его прикончили, и король подвел итог: было убито сто три человека. Затем Гагула вновь начала скакать туда-сюда, постепенно приближаясь к нам.

– Пусть меня повесят, если она не собирается испытать свои фокусы на нас! – в ужасе воскликнул капитан Гуд.

– Глупости! – сказал сэр Куртис.

Должен сказать, что, когда я увидел, как старая ведьма, продолжая дьявольскую пляску, подходит все ближе и ближе, у меня буквально душа ушла в пятки. Я оглянулся на длинные ряды трупов, и меня охватила дрожь.

Все ближе и ближе вальсировала Гагула точь-в-точь как ожившая кривая палка. Глаза ее сверкали дьявольским огнем.

Все ближе подходила она, все ближе и ближе. Глаза огромного количества людей следили за ее движениями с напряженным вниманием. Наконец она замерла и сделала стойку.

– Кто из нас? – прошептал сэр Генри.

Через секунду все сомнения развеялись – старуха стремительно коснулась плеча Амбопы, или Игнози.

– Я чую его! – вскричала она. – Убейте его, убейте его – он исполнен зла! Убейте его, незнакомца, прежде чем из-за него прольются потоки крови. Убей его, о король!

Наступила пауза, которой я немедленно воспользовался.

– О король, – воскликнул я, поднимаясь со своего места, – этот человек – слуга твоих гостей, он их собака. Тот, кто прольет кровь нашей собаки, тем самым прольет нашу кровь. Во имя священного закона гостеприимства я прошу у тебя защиты для него.

– Гагула, мать всех знахарок, почуяла его. Он должен умереть, белые люди, – угрюмо ответил Твала.

– Нет, он не умрет, – ответил я, – умрет тот, кто осмелится его коснуться.

– Схватить этого человека! – громовым голосом крикнул Твала палачам, которые стояли вокруг, с ног до головы покрытые кровью своих жертв.

Они шагнули было к нам, но вдруг заколебались. Что же касается Игнози – он поднял свое копьё, очевидно намереваясь дорого продать свою жизнь.

– Назад, глупцы, – приказал я, – если хотите увидеть свет завтрашнего дня! Коснетесь хоть одного волоса на его голове, и ваш король умрет, – и я навел на Твалу револьвер.

Сэр Генри и капитан Гуд также схватили револьверы. Сэр Куртис наставил свой на главного палача, сделавшего шаг вперед, чтобы привести приговор в исполнение, а Гуд тщательно прицелился в Гагулу.

Твала заметно вздрогнул, когда ствол моего револьвера остановился на уровне его широкой груди.

– Ну, – прошипел я, – что же будет, Твала?

– Уберите ваши заколдованные трубки, – заговорил он. – Вы просили меня во имя гостеприимства, и ради этого, а не из страха перед тем, что вы можете сделать, я пощажу его. Идите с миром.

– Хорошо, – ответил я спокойно. – Мы устали от кровопролития и хотели бы отдохнуть. Пляска окончена?

– Окончена, – угрюмо произнес Твала. – Пусть этих собак, – он ткнул на трупы, – выбросят на корм гиенам и хищным птицам, – и он поднял свое копье.

Сейчас же в глубоком молчании полки начали один за другим выходить из ворот крааля. Осталась только команда, получившая задание убрать трупы несчастных жертв.

Затем мы также поднялись, распрощались с его величеством, причем он едва соблаговолил выслушать нас, и отбыли в свой крааль.

Войдя в хижину, мы прежде всего зажгли лампу, которой пользуются кукуаны. Фитиль ее сделан из волокон какой-то разновидности пальмового листа, а горит в ней очищенный жир гиппопотама.

– Знаете ли, – сказал сэр Генри, когда мы сели, – я ощущаю сильнейшую тошноту.

– Если у меня и оставались сомнения, помогать ли Амбопе поднять мятеж против этого дьявольского негодяя, – заметил капитан Гуд, – то теперь они рассеялись. Я едва мог усидеть на месте во время избиения. Я пытался закрывать глаза, но они, как нарочно, открывались в самый неподходящий момент. Интересно, где сейчас Инфадус? Амбопа, мой друг, ты должен быть нам благодарен – твою шкуру чуть не продырявили насквозь.

– Я благодарен вам, Бугван, – ответил Амбопа, когда я перевел ему слова Гуда, – и никогда не забуду этого. А Инфадус скоро будет здесь. Подождем его.

Мы зажгли свои трубки и стали ждать.

Глава XI

Мы совершаем чудо

В течение долгого времени – думаю, что не менее двух часов, – мы сидели в полном молчании, ожидая прихода Инфадуса. Никто из нас не разговаривал: слишком мы были подавлены воспоминаниями о тех ужасах, которые только что видели во время охоты на колдунов.

Наконец перед самым рассветом, когда мы уже собирались ложиться спать, послышались шаги и оклик часового, стоящего у ворот нашего крааля. Шаги продолжали приближаться, поскольку, очевидно, на оклик ответили, но так тихо, что слов нельзя было разобрать. Затем дверь распахнулась, и вошел Инфадус. За ним следовали шесть исполненных величия и достоинства вождей.

– Мои повелители и ты, Игнози, законный король кукуанов, – обратился он к нам, – я пришел, как обещал, и привел этих людей, – Инфадус указал на выстроившихся в ряд военачальников. – Это великие люди нашей страны. Каждый из них командует тремя тысячами воинов, которые беспрекословно выполняют их приказания по указу короля. Я рассказал им, что видели мои глаза и что слышали мои уши. Пусть эти люди тоже взглянут на священную змею, опоясывающую тебя, Игнози, и выслушают твой рассказ, чтобы решить, перейти ли им на твою сторону и выступить ли против Твалы, нашего короля.

Вместо ответа Игнози сорвал с себя набедренную повязку, и все увидели на его теле знак королевского достоинства – змею, вытатуированную вокруг его бедер. Каждый вождь по очереди подходил к Игнози, рассматривал ее при тусклом свете лампы и, не говоря ни слова, отходил в сторону.

Затем Игнози снова надел свою набедренную повязку и, обратившись к военачальникам, поведал историю своей жизни, которую мы уже слышали от него.

– Что вы скажете, вожди, после того как сами выслушали этого человека? – спросил их Инфадус, как только Игнози закончил свой рассказ. – Будете ли вы стоять за него и можете ли ему занять трон его отца? Страна стонет под игом Твалы, и кровь нашего народа заливает ее, как выступившие из берегов вешние воды. Вы видели это вечером. Были еще два вождя, с которыми я хотел поговорить об этом же, и где они? Гиены воют над их трупами. Если вы не выступите против Твалы, то и вас скоро постигнет та же участь. Выбирайте же, братья мои!

Самый старый из шести вождей, плотный, небольшого роста человек с седыми волосами, выступил вперед и промолвил:

– Ты верно сказал, Инфадус: страна стонет и люди ропщут под игом Твалы. Мой родной брат был среди тех, кто погиб вечером. Ты задумал великое дело, но нам трудно поверить тому, что мы сейчас слышали. Откуда мы знаем, не поднимем ли мы копья за обманщика?.. Дело это великое, говорю я, и никто не может сказать, чем оно кончится. Прольются реки крови, прежде чем оно совершится. Многие останутся верными Твале, ибо люди преклоняются перед солнцем, которое светит на небесах, а не перед тем, которое еще не взошло. Колдовство белых жителей звезд велико, и Игнози находится под защитой их крыльев. Если он действительно законный король нашей страны, пусть белые люди совершат какое-нибудь чудо, чтобы мы могли его увидеть. Тогда народ пойдет за нами, убедившись, что колдовство белых людей – на нашей стороне.

– Но вы же видели знак змеи! – возмутился я.

– Повелитель мой, этого недостаточно. Может быть, изображение священной змеи было начертано на его теле много позже его рождения. Совершите чудо, говорю я, иначе мы не тронемся с места.

То же самое повторили остальные вожди. В полном недоумении, обратившись к сэру Генри и Гуду, я объяснил им положение вещей.

– Я знаю, что нам делать! – воскликнул капитан, и его лицо просияло от радости. – Только попросите их дать нам несколько минут на размышление.

Я сказал об этом вождям, и они вышли. Гуд тотчас же бросился к маленькому ящику, где он держал лекарства, открыл его и вынул записную книжку с календарем на первых страницах.

– Друзья, какой завтра день? Четвертое июня?

Мы тщательно вели счет дням и, взглянув на наши записи, подтвердили, что он не ошибся.

– Прекрасно! Так вот, слушайте: «Четвертого июня, в восемь часов пятнадцать минут вечера по Гринвичскому времени начнется полное затмение Луны. Его можно будет наблюдать на Тенерифе, в Южной Африке...» ну и прочих местах... Вот вам и чудо! Квотермейн, известите вождей, что завтра вечером мы потушим Луну.

Идея была превосходная, но нас несколько смущало, что календарь Гуда мог оказаться не совсем точным. Если бы мы ошиблись в предсказании, наш престиж был бы навсегда подорван, и тогда все шансы возвести Игнози на престол разлетелись бы прахом.

– А что, если ваш календарь неверен? – усомнился сэр Куртис.

– Нет никаких оснований так думать, – возразил Гуд, сосредоточенно ведущий подсчеты на отрывном листе записной книжки. – Затмения всегда происходят в определенное время – в этом убедил меня личный опыт. А в сообщении, которое я только что вам прочел, подчеркивается, что это затмение можно будет наблюдать в Южной Африке. Сейчас я сделал только приблизительные вычисления, поскольку не знаю нашего точного местонахождения. Я высчитал, что оно должно начаться завтра около десяти часов вечера и продолжаться до половины первого, поэтому в течение примерно полутора часов здесь будет полная темнота.

– Ну что ж, – попытожил сэр Генри, – мы должны рискнуть.

Я согласился с ним, хотя в глубине души очень сомневался, удастся ли наша затея, так как, с моей точки зрения, затмения – штука хитрая и на них полагаться довольно рискованно. «А вдруг, – думал я, – небо затянут тучи и луны вообще не будет видно?»

Озабоченный этими размышлениями, я послал Амбопу за вождями, которые тотчас же явились, и обратился к ним со следующей речью:

– Великие люди Страны Кукуанов и ты, Инфадус, слушайте! Мы не любим хвастаться нашим могуществом, ибо это значит вмешиваться в естественный ход природы и погружать мир в страх и смятение. Но поскольку наше дело великое и мы разгневаны на короля за кровавую резню и на изанузи Гагулу, желавшую умертвить нашего друга Игнози, то решили совершить чудо и подать вам знамение, которое увидят все ваши люди.

Отворив дверь хижины и подождав вождей, я указал на красный шар заходящей луны:

– Что вы видите?

– Мы видим умирающую луну, – ответил один из них, по-видимому избранный для того, чтобы вести с нами переговоры.

– Ты прав. Теперь скажи мне, может ли смертный человек погасить Луну до назначенного часа ее захода и набросить покров черной ночи на всю Землю?

Вождь тихо засмеялся:

– Нет, повелитель, ни один человек не может этого сделать. Луна сильнее человека. Люди могут только смотреть на нее, но не нарушать ее небесный путь.

– Ты так думаешь? А я говорю тебе, что завтра вечером, за два часа до полуночи, мы сделаем так, что Луна исчезнет с неба и Землю окутает глубокий мрак, который будет

продолжаться час и еще полчаса в знак того, что Игнози действительно является законным королем кукуанов. Если мы это сделаем, поверите вы в это?

– Да, мои повелители, – ответил с улыбкой старый вождь, и остальные вожди тоже улыбнулись. – Если вы это совершите, мы поверим.

– В таком случае это произойдет. Мы трое – Инкубу, Бугван и Макумазан – заявляем вам, что завтра вечером мы потушим Луну. Ты слышишь, Инфадус?

– Слышу, мой повелитель. Ты обещаешь потушить Луну, мать нашего мира, да еще в полнолуние, когда она ярче всего светит. Но то, что ты говоришь, слишком удивительно.

– Однако мы это сделаем, Инфадус.

– Хорошо. Сегодня, через два часа после захода солнца, Твала пошлет за повелителями, чтобы они присутствовали на пляске дев. Через час после начала пляски та девушка, которую Твала сочтет самой прекрасной, будет умерщвлена королевским сыном Скраггой. Она будет принесена в жертву Молчаливым, охраняющим горы, – и он протянул руку в сторону трех скалистых вершин, где, как мы уже слышали, кончалась Великая Дорога царя Соломона. – Пусть мои повелители потушат Луну и спасут жизнь девушки. Тогда наш народ уверует в них.

– Да, – подтвердил старый вождь, все еще слегка улыбаясь, – тогда наши люди вам поверят.

– В двух милях от Луу, – продолжил Инфадус, – находится холм, изогнутый, как молодой месяц. В этом укрепленном месте расположен мой полк и еще три полка, которыми командуют эти вожди. Утром мы подумаем о том, как перебросить туда еще два или три полка. Если мои повелители в самом деле потушат Луну, я в темноте возьму их за руку, выведу из Луу и провожу туда. Там они будут в безопасности. И оттуда мы будем сражаться против короля Твалы.

– Прекрасно! – согласился я. – А теперь оставьте нас, потому что мы хотим немного отдохнуть и подготовить все нужное для колдовства.

Инфадус встал и, отдав нам салют, вышел из хижины в сопровождении вождей.

– Друзья мои! – обратился к нам Игнози после их ухода. – Неужели вы действительно можете потушить Луну или говорили этим людям пустые слова?

– Мы полагаем, что сможем это сделать, Амбопа... то есть я хотел сказать – Игнози, – подтвердил я.

– Это очень странно... Если бы вы не были англичанами, я ни за что бы этому не поверил. Но английские джентльмены не говорят лживых слов. Если нам суждено остаться в живых, вы можете быть уверены, что я вознагражу вас за все.

– Игнози, обещай мне только одно, – попросил сэр Генри.

– Я обещаю тебе все, друг мой Инкубу, прежде чем даже выслушаю тебя, – ответил наш гигант с улыбкой. – О чем ты хочешь меня просить?

– Если ты станешь королем кукуанов, то запретишь отслеживание колдунов, которое мы видели вчера вечером, и не будешь карать смертью людей без справедливого суда.

После того как я перевел эти слова, Игнози на момент задумался.

– Обычай черных людей не похож на обычай белых, Инкубу, и они не ценят свою жизнь так высоко, как вы, белые. Но все же я тебе обещаю, что, если я справлюсь с охотниками за колдунами, они не будут больше отслеживать людей и ни один человек не будет умерщвлен без суда.

– Я верю тебе, Игнози. Ну а теперь, когда мы решили этот вопрос, – сказал сэр Генри, – давайте немного отдохнем.

Мы смертельно устали и тут же крепко уснули, проспав до одиннадцати часов утра. Нас разбудил Игнози. Мы встали, умылись и, плотно позавтракав, вышли погулять. Во время

прогулки мы с любопытством рассматривали кукуанские постройки и с большим интересом наблюдали быт женщин.

– Я надеюсь, что затмение все же состоится, – произнес сэр Куртис, когда мы возвращались домой.

– Если же его не будет, то всем нам крышка, – ответил я мрачно. – Ручаюсь головой, что кто-нибудь из вождей непременно расскажет королю все, о чем мы с ним говорили, и он устроит такое «затмение», что нам не поздоровится.

Вернувшись к себе, мы пообедали, остальная же часть дня ушла на прием гостей. Некоторые приходили с официальным визитом, другие просто из любопытства.

Наконец солнце зашло, и мы, оставшись одни, насладились двумя часами покоя, насколько позволяло наше невеселое настроение и невеселые мысли. Около половины девятого явился гонец от Твалы и пригласил нас на ежегодное празднество – великую пляску дев, которая должна была скоро начаться.

Мы быстро надели кольчуги, присланные королем, и, взяв оружие и патроны, чтобы они были у нас под рукой в случае, если бы нам пришлось бежать (как говорил Инфадус), довольно храбро направились к королевскому краалю, хотя в душе трепетали от страха и неизвестности. Большая площадь перед жилищем короля имела совсем другой вид, чем накануне. Вместо серьезных, стоявших сомкнутыми рядами воинов она вся была заполнена девушками. Одежды на них – скажу прямо – почти не было, но зато головы украшали венки, сплетенные из цветов. Каждая держала в одной руке пальмовую ветвь, а в другой – большую белую лилию.

В центре площади, на открытом месте, залитом лунным светом, восседал сам король, а у его ног пристроилась Гагула. Позади него стояли Инфадус, Скрагга и двенадцать телохранителей. Тут же присутствовали десятка два вождей, среди которых я узнал большую часть наших новых друзей, приходивших ночью с Инфадусом.

Твала сделал вид, что очень рад нашему приходу, и сердечно нас приветствовал, хотя я заметил, что он злобно устремил свой единственный глаз на Амбопу.

– Приветствую вас, белые люди звезд! – провозгласил он. – Сегодня вас ожидает совсем иное зрелище, чем то, которое видели ваши глаза при свете вчерашней луны. Но это зрелище будет хуже, чем вчерашнее. Вид девушек ласкает взор, и если бы не они, – он обвел их рукой, – то и нас здесь сегодня бы не было. Лицезреть мужчин приятнее. Сладки поцелуи женщин, но звон копий и запах человеческой крови гораздо слаще. Хотите иметь жен из нашего народа, белые люди? Если так, выбирайте самых красивых и столько, сколько пожелаете. Все они будут ваши. – И он замолк, ожидая ответа.

Такое предложение было бы, конечно, заманчиво для Гуда, поскольку он, как, впрочем, и большинство моряков, имеет большое пристрастие к женскому полу. Я же, как человек пожилой и умудренный опытом, заранее предвидел, что это повлечет за собой одни лишь бесконечные осложнения и неприятности, которые женщины, к сожалению, всегда приносят (что так же неизбежно, как то, что за днем следует ночь).

– Благодарю тебя, о король! – поспешно воскликнул я. – Но белые люди женятся только на белых, то есть на подобных себе. Ваши девушки прекрасны, но они не для нас!

– Хорошо, – рассмеялся король, – пусть будет по-вашему, хотя в нашей стране есть пословицы: «Женские глаза всегда хороши, какого бы они ни были цвета» и «Люби ту, которая с тобой, ибо знай, что та, которая далеко, наверно тебе неверна». Но может быть, у вас на звездах это не так. В стране, где люди белые, все возможно. Пусть будет так. Наши девушки не станут умолять вас взять их в жены! Еще раз приветствую вас и также тебя, черный человек. Если бы вчера Гагула добила своего, ты был бы мертв и труп твой уже окоченел бы! Твое счастье, что ты тоже спустился со звезд! Ха! Ха!

– О король! Я убью тебя раньше, чем ты меня, – спокойно возразил Игнози, – и ты окоченеешь раньше, чем мои члены утратят свою гибкость.

Твала вздрогнул и разгневался:

– Ты говоришь смело, юноша! Смотри не заходи так далеко!

– Тот, чьи уста говорят истину, может быть смелым. Истина – это острое копье, которое попадает в цель и не дает промаха. Звезды шлют тебе это предупреждение, о король!

Твала грозно нахмурился, и его единственный глаз свирепо сверкнул, но он ничего не ответил, лишь приказал:

– Пусть девушки начнут пляску!

И тотчас же выбежала толпа увенчанных цветами танцовщиц. Они мелодично пели и при грустно-нежном свете луны казались бесплотными, воздушными существами из иного мира. Грაციозно изгибаясь, они то плавно и медленно кружились, то носились в головокружительном вихре, изображая сражение, то приближались к нам, то отступали, то рассыпались в разные стороны в кажущемся беспорядке. Каждое их движение вызывало восторг у зрителей. Вдруг танец прекратился, и из толпы танцовщиц выбежала очаровательная девушка, которая, став перед нами, начала делать пируэты с такой ловкостью и грацией, что могла бы посрамить большую часть наших балерин.

Когда она отступила в изнеможении, ее сменили другие девушки. Они поочередно танцевали перед нами, но никто из них не мог сравниться с первой по красоте, мастерству и изяществу.

Когда все красавицы кончили танцевать, Твала поднял руку и, обращаясь к нам, спросил:

– Какая же из девушек самая красивая, белые люди?

– Конечно, первая, – невольно вырвалось у меня, и я тут же спохватился, так как вспомнил слова Инфадуса о том, что самая красивая должна быть принесена в жертву Молчаливым.

– Ты прав. Мое мнение – твое мнение, и мои глаза – твои глаза. Я согласен с тобой, что она самая прекрасная из всех, но ее ждет печальная участь, ибо она должна умереть!

– Да, должна умереть! – как эхо, пропищала Гагула, бросив быстрый взгляд на несчастную жертву, которая, не подозревая своей страшной участи, стояла ярдах в десяти от своих подруг, нервно обрывая лепестки цветов из своего венка.

– Почему, о король, она должна умереть? – воскликнул я, с трудом сдерживая свое негодование. – Девушка так хорошо танцевала и доставила нам большое удовольствие. Она так хороша! Было бы безжалостно вознаградить ее смертью.

Твала засмеялся:

– Таков наш обычай. И те каменные изваяния, что сидят там, – он махнул рукой на три отдаленные вершины, – получают то, чего они ждут. Если сегодня я не умерщвлю прекраснейшую из дев, на меня и на мой дом падет несчастье. Вот что гласит пророчество моего народа: «Если в день пляски дев король не принесет красивейшую девушку в жертву Молчаливым, несущим стражу в горах, то и он, и его королевский дом падут». Слушайте, что я вам скажу, белые люди! Мой брат, правивший до меня, не приносил этих жертв из-за слез женщины, и он пал, так же как и его дом, и я правлю вместо него. Но довольно об этом! – закричал он. – Она умрет. – И, повернувшись к страже, он воскликнул: – Приведите ее сюда, а ты, Скрагга, точи свое копье.

Два человека вышли вперед и направились к девушке. Только тогда, поняв грозящую ей опасность, она громко вскрикнула и бросилась бежать. Но сильные руки королевских телохранителей схватили ее и привели к нам, несмотря на ее слезы и сопротивление.

– Как тебя зовут, девушка? – завывала Гагула. – Что? Ты не желаешь отвечать? Или ты хочешь, чтобы сын короля убил тебя сразу?

Услышав эти слова, Скрагга, зловеще усмехаясь, сделал шаг вперед и поднял свое копье. В этот момент я увидел, что Гуд инстинктивно положил руку на свой револьвер. Хотя глаза девушки были полны слез, но, увидав тусклый блеск стали, она вдруг перестала отбиваться и теперь стояла перед нами, дрожа всем телом и судорожно ломая руки.

– Смотрите! – закричал Скрагга в полном восторге. – Она содрогается от одного вида моей маленькой игрушки, которая еще до нее не дотронулась! – И он погладил рукой широкое лезвие своего копья.

Вдруг я услышал, как Гуд пробормотал про себя:

– При первом же удобном случае ты мне заплатишь за это, негодяй!

– Ну а теперь, когда ты успокоилась, скажи нам, как тебя зовут, дорогая, – ехидно улыбаясь, спросила Гагула. – Ну, говори, не бойся.

– О мать! – ответила дрожащим голосом несчастная девушка. – Я из дома Суко, и зовут меня Фулатой. О мать, скажи мне, почему я должна умереть? Я никому не сделала зла.

– Успокойся, – продолжила старуха со злорадной усмешкой. – Ты должна быть принесена в жертву сидящим там Молчаливым, – и она указала своим костлявым пальцем на вершины гор, – поэтому тебя ждет смерть. Лучше покоиться вечным сном, чем трудиться изо дня в день в поте лица своего. Вот почему лучше умереть, чем жить. А ты умрешь от царственной руки самого королевского сына!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.